

Федеральная палата адвокатов Российской Федерации

**160 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**ЭССЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА,
ПОСВЯЩЕННОГО ЮБИЛЕЮ АДВОКАТУРЫ РОССИИ**

Москва
2024

УДК 347.965
ББК 67.75
Л25

СОДЕРЖАНИЕ

Л25 **160 лет российской адвокатуры: история и современность.** Сборник работ победителей конкурса эссе, посвященного юбилею адвокатуры России / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – М.: Информ-Право, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-91832-129-4

20 ноября 2024 г. исполняется 160 лет с того дня, когда Император Александр II подписал указ Правительствующему Сенату, утвердивший основополагающие законодательные акты Судебной реформы, в том числе «Учреждение Судебных установлений», в соответствии с которым в России был учрежден институт присяжных поверенных.

Федеральная палата адвокатов РФ в июле–августе 2024 г. провела посвященный этому юбилею конкурс эссе «160 лет российской адвокатуры: история и современность», работы победителей которого включены в настоящий сборник.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся вопросами адвокатской деятельности и адвокатуры.

УДК 347.965
ББК 67.75

160 лет российской адвокатуры: история и современность. Сборник работ победителей конкурса эссе, посвященного юбилею адвокатуры России

Подписано в печать 25.09.2024 г. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,0. Тираж 000 экз. Заказ № 932

Отпечатано ООО «Информ-Право»
125252, г. Москва, ул. Зорге, д. 15, корп. 1

ISBN 978-5-91832-129-4

© Федеральная палата адвокатов РФ, 2024
© Редакционно-издательское оформление
ООО «Информ-Право», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>Володина Светлана Игоревна. Дорогие мои коллеги!</i>	5
РАЗВИТИЕ АДВОКАТУРЫ	6
<i>Пилипенко Юрий Сергеевич. Адвокатуру ждут еще долгие годы интересного бытия</i>	6
<i>Титова Екатерина Алексеевна. Начало другой эры</i>	11
АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ	22
<i>Калиновская Дарья Сергеевна. Монополия квалифицированности</i>	22
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В АДВОКАТУРЕ	31
<i>Байкова Елена Александровна. Путь Адвоката сквозь книги и годы, путь длиной от одной жизни до сотен лет</i>	31
<i>Жуков Андрей Андреевич. Первые присяжные поверенные Западной Сибири и преемственность поколений</i>	38
<i>Салкин Михаил Игоревич. Стержень создан присяжной адвокатурой</i>	48
УЧИТЕЛЯ И НАСТАВНИКИ	55
<i>Галоганов Алексей Павлович. Образец Адвоката, Руководителя, Человека. О Михаиле Павловиче Быкове</i>	55
<i>Каверзина Валентина Леонидовна. Девиз жизни — защита во имя справедливости</i>	63
<i>Колосовский Сергей Вячеславович. «Так говорили и поступали воины древности, примеру которых должен следовать всякий благородный человек...»</i>	69
<i>Менчикова Вера Владимировна. Кумир мысли</i>	79
<i>Черных Тимофей Вячеславович. Адвокаты, которые навсегда останутся в памяти</i>	85
ЖЕНЩИНЫ В АДВОКАТУРЕ	99
<i>Арбатская Алина Иннокентьевна. Иркутская адвокатура: женское лицо, мужской характер</i>	99
<i>Рыжков Андрей Иванович. Забытый гений земли Запорожской</i>	108
<i>Соловьева Светлана Александровна. Per aspera ad astra: женщина — тоже адвокат!</i>	119
<i>Шевцова Майя Зейнуллаевна. Женщины в российской адвокатуре: от истоков до наших дней</i>	128
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	140
<i>Денисов Вячеслав Юрьевич. Пока мы живы, будем помнить...</i>	140

<i>Лаврентьева Елена Робертовна. Адвокатские восьмидесятые</i>	150
<i>Сенькина Дарья Александровна. Небесные покровители юридического сообщества</i>	166
АДВОКАТСКАЯ ЭТИКА	173
<i>Гаврилов Александр Михайлович. О животворящих источниках адвокатской этики</i>	173
<i>Гасанова Луиза Рашидовна. Исторический фундамент современной адвокатской этики</i>	184
<i>Трубецкой Никита Александрович. Нравственные ценности адвокатуры — вне времени. Адвокаты и совесть: высокие моральные принципы как естественная составляющая профессии адвоката</i>	194
ПРАВА АДВОКАТА	206
<i>Хмыров Ростислав Владимирович. Пути становления профессиональной тайны адвоката</i>	206
АДВОКАТ В ПРОЦЕССЕ	214
<i>Айрапетян Нарине Павловна. Погодите ещё</i>	214
<i>Золотухин Борис Анатольевич. Уголовный процесс — не игра, а борьба</i>	223
<i>Макаров Сергей Юрьевич. Знать прошлое ради успехов в настоящем и будущем</i>	230
<i>Сосновцев Владимир Григорьевич. Дуэль с прокурором</i>	236
АДВОКАТСКАЯ ПРОФЕССИЯ	246
<i>Зоркальцева Ирина Ивановна. Мой выбор и история одного дела</i>	246
<i>Мадеева Елена Валерьевна. «Эмфемиды справедливости»</i>	254
<i>Онучин Александр Николаевич. Адвокатов</i>	258
АДВОКАТУРА И НАУКА	273
<i>Насонов Сергей Александрович. Адвокаты-ученые: вклад представителей российской присяжной адвокатуры в развитие наук уголовно-правового цикла</i>	273
АДВОКАТУРА И ВЫСШАЯ ШКОЛА	283
<i>Поспелов Олег Витальевич. Опыт преподавания дисциплин адвокатского цикла на кафедре адвокатуры Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)</i>	283
АДВОКАТУРА И ЛИТЕРАТУРА	293
<i>Арутюнян Овагим Араратович. Адвокатура есть сестра литературы</i>	293
<i>Бельский Виктор Александрович. Исторические образы российской адвокатуры и судебной системы через личный опыт и критику писателя Ф. М. Достоевского. Излечены ли высмеянные пороки?</i>	307
<i>Головкин Виталий Сергеевич. Граф Лев Николаевич Толстой — писатель и защитник в уголовном процессе</i>	317
АДВОКАТУРА И КИНЕМАТОГРАФ	326
<i>Бушманов Игорь Борисович. Воплощение образа адвоката в российском и советском кинематографе. О важности съемок новых фильмов с адвокатской тематикой</i>	326

ПРЕДИСЛОВИЕ

Володина Светлана Игоревна

*Президент Федеральной палаты
адвокатов Российской Федерации,
заведующий кафедрой адвокатуры
Университета имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), кандидат юридических наук*

Дорогие мои коллеги!

В истории важен взгляд на те события, которые происходят сегодня. Важен взгляд на то, что было вчера. И не менее важно смотреть в будущее и превосходить его. Потому что спустя 10 лет мы будем оценивать происходящее и вспоминать, как мы определяли события на отметке 160-летия. И сможем проверить, правы мы были или ошибались в оценках и прогнозах.

Когда мы задумывали конкурс эссе, посвященный 160-летию российской адвокатуры, коллеги не были ограничены временным периодом. Поэтому читатель держит в руках сборник историй времен присяжной адвокатуры, адвокатуры СССР, перестройки и современной России. Спасибо авторам — всем, кто писал, кто думал, кто поставил точку в понимании 160-летнего развития нашей профессии.

РАЗВИТИЕ АДВОКАТУРЫ

Пилипенко Юрий Сергеевич

Адвокат Адвокатской палаты Московской области, советник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, профессор кафедры адвокатуры Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук

АДВОКАТУРУ ЖДУТ ЕЩЕ ДОЛГИЕ ГОДЫ ИНТЕРЕСНОГО БЫТИЯ

Любой день рождения, а тем более юбилей, делит пространство и время на части. На две. На «до» и «после».

Что касается «после», то, при всей кажущейся очевидности завтрашних событий, точно представить их никто не может. Разве что тот, кто не боится насмешить Бога. И таких немало среди нас, но они — те, кто все знает наперед, — заслуживают отдельной повести, которой «нет печальнее на свете». Но не сейчас. Что касается того, что было «до» настоящего юбилея, то трудно поместиться в рамках предложенного жанра. Тем не менее возьмем на себя смелость кратко описать эту эпоху в 160 лет в России.

Адвокатура, если не вглядываться уж совсем в глубь российских веков, была зачата поражением Российской империи, тогдашнего «мирового жандарма», в Крымской войне. Империя Николая I,

одного из самых жестких российских правителей, установившего Порядок не только в России, возжелавшей в декабре 1825 г. Конституции, но и во всей Европе, не выдержала натиска, образно говоря, нарезных англо-французских ружей. И сын вскоре скоропостижно скончавшегося Императора-отца, Александр II, предпочел Реформы во спасение Империи. Армейские, земские, университетские, судебные. Отмену крепостного права. И позволение в России адвокатуры, уже успевшей составить свою особую репутацию со времен потрясшей мир Великой французской революции.

Именно поэтому мы, российские адвокаты, чтим Александра II. И в начале Пути нас было немного — несколько сотен, позже — тысяч присяжных поверенных и их помощников. Но насколько блестящим был наш состав, сколько было ярких трибунов, выдающихся личностей! Спасович, Плевако, Урусов, Александров, Маклаков... Они составили России славу, сопоставимую со славой великой русской литературы, наряду с Гоголем, Тургеневым, Толстым, Достоевским, Чеховым...

Защищали не только русских олигархов того времени, но и русских революционеров, расшатывавших основу Российской империи — царизм. Некоторые из нас принимали в том посильное участие. Соучаствовали — советами, деньгами. Создавали партии. Избирались в Государственную Думу. Александров (другой), Алов, Андросов, Аносов, Арефьев... И это только по первой букве алфавита. Возглавляли Временное правительство после Февральской революции. Керенский. Упраздняли Российскую империю и создавали новое государство, Советскую Россию.

Ульянов-Ленин. Многие в результате эмигрировали, многие исчезли в лагерях, расстреляны. Как и раньше, некоторые из нас нашли себя и в новой России. Были наркомаами иностранных дел, генеральными прокурорами. Вышинский. А были и те, кто научился виртуозно играть роль «защитников» в делах Промпартии, Правотроцкистского блока, Первого троцкистского блока... Брауде, Плят, Коммодов, Оцеп...

Большинство адвокатов при этом были вытеснены на обочину социальной жизни. При коммунизме, запланированном примерно на 1980 г., преступления должны были исчезнуть, а гражданский хозяйственный оборот — заместиться справедливым тотальным распределением по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Существования адвокатуры и адвокатов при таком оптимистическом сценарии не предполагалось. Вовсе.

Тем не менее многие из нас нашли способ существовать безбедно. Адвокатов было немного, даже, можно сказать, мало на душу населения. Народ, не спешивший в коммунизм, жил как мог, и адвокаты всегда имели дело с «живой копеечкой». Что нам компенсировало некоторую социальную отстраненность профессии, нахождение ее на задворках социалистического соревнования. Но и в это время адвокатура не устояла и породила звезд: Каминская, Золотухин, Ария, Гофштейн, Бриль, Хейфец...

При следующей смене государственного строя адвокатура стояла в основном в стороне от исторических событий. Но при этом приняла на себя защиту по соглашению вице-президента СССР, премьер-министра СССР, министра обороны СССР, предсе-

дателя КГБ СССР... Наиболее активная часть адвокатов была увлечена новыми финансовыми возможностями, да и скультивированная за предыдущие годы разобщенность дала о себе знать. Но были и исключения, некоторые наши коллеги блеснули, хотя и на разных полюсах, — Макаров, Иванов...

При наступивших обстоятельствах в адвокатуру потянулись многие достойные люди, но мало кто из них готов сегодня в этом признаться. Только Президент России Владимир Путин вполне искренне сознался, что подумывал стать адвокатом. Жаль, что не случилось.

Постсоветская адвокатура не только подняла на новый уровень традиционную для нее уголовную защиту — Падва, Резник, Афанасьев, Гофштейн (сын), Буробин, Рубинштейн, Клювгант, Гаспарян... но и успешно овладела передовыми технологиями адвокатуры для бизнеса (благо он в России появился вместо обещанного коммунизма) — Пепеляев, Афанасьев (другой), Рудомино, Иванян, Тай, Добрынин...

Адвокатура долго не могла получить «свидетельство о рождении», не имея позволения сплотиться в общегосударственном масштабе первые 135 лет своего существования. Она по инерции спорила еще более десятка лет, как ей стать корпорацией. Сказывались пристрастие к разномыслию и укоренившаяся за годы советской власти «местечковость» адвокатских масс. Но, получив 20 лет тому назад первый свой федеральный закон, адвокатура смогла за это непродолжительное время стать настоящей Корпорацией. Кажется, даже немного растерявшись от собственной смелости и нехарактерной энергичности.

Адвокатура стала и остается независимым институтом, самостоятельно принявшим собственный Кодекс профессиональной этики, на основании которого вершится профессиональная судьба адвокатов. Был учрежден собственный высший суд (в правильном смысле слова) — Комиссия по этике и стандартам ФПА РФ. Возникли адвокатская пресса и, как следствие, множество ссылок на нее в федеральных источниках информации. Адвокатура заявила о себе как о серьезной экспертной организации. Создала собственную школу профессионального мастерства. Учредила собственные профессиональные премии и медали. Адвокатура дерзнула наградить собственными медалями председателя Верховного Суда РФ, Помощника Президента РФ — руководителя Государственно-правового управления Президента РФ, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации...

Кому-то вышесказанное может показаться началом эпитафии, но, пока Свобода и Собственность будут что-то значить, будет существовать и адвокатура. Такая, как есть, такая, как была, или такая, какой будет. Кто-то же должен пронести в будущее веру в Право и Справедливость. И адвокатуру ждут еще долгие годы интересного бытия, с новыми буднями и новыми героями.

Титова Екатерина Алексеевна

Член Национальной ассоциации административистов России, кандидат юридических наук

НАЧАЛО ДРУГОЙ ЭРЫ

Это было полудетективное событие!

Г. П. Падва

С момента формирования законодательных истоков русской присяжной адвокатуры ключевой идеей, принципом ее функционирования выступало создание независимой от государства организации, призванной защищать (представлять) гарантированные им права, свободы и законные интересы граждан, обеспечивать их доступ к правосудию. Однако в советское время возможность реализации такого предназначения не избежала политизирования: право называться самостоятельным, независимым объединением, действующим на основе профессионального единства, адвокатам предстояло завоевать в нелегкой борьбе.

Актуальность вопросов, связанных с регулированием адвокатской деятельности и гарантиями ее реализации, обусловлена невозможностью существования гражданского общества и правового государства в отсутствие высокопрофессиональной, сильной и независимой адвокатуры. Серьезное обсуждение

такой идеи в нашей стране началось в 70-е гг. прошедшего столетия. Отношение государства и общества к институту адвокатуры отражает степень надежности гарантий соблюдения и защиты прав, свобод, законных интересов граждан, уровень их юридической защиты. Как справедливо отмечал Г. А. Воскресенский, в том случае, когда права и свободы выступают декларативной конструкцией, адвокатура приобретает роль декоративной организации¹.

Г. П. Падва, один из сторонников объединения адвокатов в масштабах страны, человек неравнодушный, своевременно обратил внимание на необходимость признания защиты интересов и прав граждан важнейшим, почетным общественным предназначением адвокатуры в правовом государстве. При этом Генрих Павлович справедливо констатирует: такие права и интересы достойно и эффективно охранять и защищать может только *независимая* адвокатура.

Адвокат, выступая независимым советником по правовым вопросам, реализует ряд публично значимых функций, в связи с чем к нему обоснованно предъявляются повышенные квалификационные и морально-этические требования. Именно поэтому адвокатура находится в сфере внимания государства, и основой их взаимодействия сегодня выступает сочетание публичного характера его функций и независимости адвокатского сообщества. Огромного труда стоит порой доказать невиновность человека, действительно невиновного, но волею судеб оказавшегося втянутым в орбиту следственной и судебной деятельности, сколь ошибочны бывают выводы о его виновности, а ведь

¹ Воскресенский Г. А. Доклад оргкомитета по созданию Союза адвокатов СССР // Адвокат (газета МС(С)А). 2017. № 8. С. 2–5.

они способны сломать человеку жизнь! Защита подозреваемого, обвиняемого, подсудимого — это борьба за права человека и гражданина, предусмотренные законом. Борьба бескомпромиссная, порой поистине мужественная, но всегда справедливая. Иначе и быть не может. Сложно переоценить подвиг адвоката во имя торжества правосудия!

Государственная политика в сфере адвокатской деятельности и адвокатуры должна быть направлена на развитие конкурентоспособного института судебного представительства и профессиональной защиты от обвинения, состоящего из юристов, обладающих высоким уровнем квалификации, строго следующих принципам и нормам профессиональной этики. Ученый-правовед Л. Е. Владимиров, ссылаясь на средневековых юристов, считал адвокатов «воинами права», справедливо отмечая, что адвокат прежде всего стоит на страже частных интересов. Обладающий высоким уровнем профессиональной подготовки, он способен на любой стадии судебного разбирательства изменить ход процесса. Даже после вынесения решения защитник «отчаянно сражается» за своего «подопечного» на дальнейших стадиях судопроизводства¹.

Двадцатое столетие — довольно трудный век становления и развития отечественной адвокатуры. Запрет на осуществление деятельности присяжного поверенного женщинами, который был преодолен с принятием 1 июня 1917 г. Декрета Временного правительства под руководством А. Ф. Керенского²,

¹ Симанович Л. Н. Правовой статус адвоката в современном обществе // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 12–14.

² Подробнее см.: Титова Е. А. Право защищать // Адвокатский альманах. К 150-летию российской адвокатуры: сб. статей. М., 2014. С. 392–397.

упразднение института присяжных поверенных Декретом № 1 «О суде» от 22 ноября 1917 г., государственный контроль адвокатуры, вынужденная эмиграция и существенные ограничения адвокатской деятельности, вплоть до уголовной ответственности за выраженную в ходе осуществления защиты правовую позицию, — даже в таких условиях люди, осознавая нравственный долг избранного ими призвания, продолжали путь к созданию самостоятельной, независимой, свободной адвокатской корпорации.

В 1980-е гг. политическая и общественная реальность поставила перед представителями адвокатской профессии нелегкую задачу создания сообщества единомышленников, действующего на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов. В 1987 г. группой адвокатских образований была выдвинута идея профессионального объединения в масштабах страны путем создания Союза адвокатов СССР.

Контроль адвокатуры со стороны государственных органов, осуществляемый в то время, не самым положительным образом влиял на престиж адвокатской профессии и имидж адвокатуры в глазах общества. Издание инструкций и методических рекомендаций по вопросам ее деятельности, установление лимитов численности коллегий и фондов оплаты труда адвокатов — эти и многие иные вопросы функционирования института адвокатуры находились в ведении Министерства юстиции СССР. Специфичны были и запреты, распространяемые на лиц, обладающих соответствующим статусом. Так, например, адвокат, получивший материальное вознаграждение от доверителя, рисковал оказаться подвергнутым уголовно-

му преследованию (!) в связи с обвинением в получении взятки. Такие обстоятельства сделали идею создания Союза адвокатов СССР насущной необходимостью.

В марте 1987 г. Г. А. Воскресенский обращается с письмом от имени представителей адвокатского сообщества к секретарю ЦК КПСС А. И. Лукьянову с целью убеждения государственных органов в необходимости повышения значимости института адвокатуры в период перестройки и демократизации общества путем создания Союза адвокатов СССР:

«Перестройка всей нашей жизни непосредственно затрагивает и адвокатуру, роль которой в укреплении режима социалистической законности не нашла еще должного признания, соответственно в обществе и в правоохранительных органах невысок престиж адвокатуры, распространено непонимание ее значения для правильного функционирования правовой системы, недооценка роли адвокатов перерождается в итоге в недооценку необходимости строгого соблюдения права на защиту, в последнее время гласности предано большое количество тяжких следственных и судебных ошибок, что является веским подтверждением широкого распространения негативного отношения к защите по уголовным делам. <...> Создание Союза адвокатов СССР по типу творческих союзов помогло бы самим адвокатам проводить планомерную работу по повышению своего общественного престижа в масштабе всей страны. <...> Повышение общественного престижа адвокатуры является насущной и безотлагательной проблемой, которая в ближайшее время не

может быть решена без помощи Центрального Комитета КПСС»¹.

Формально признавая необходимость повышения роли адвокатуры как ассоциации, основанной на самоуправлении, Политбюро ЦК КПСС и Министерство юстиции СССР тем не менее представляли ее как часть Союза юристов после его организационного оформления, объявляя преждевременными и противоправными всякого рода организационные мероприятия по созданию Союза адвокатов или другого органа, не предусмотренного законодательством об адвокатуры, а также сбор денежных средств в таких целях².

Такое предостережение не остановило сторонников создания единой независимой адвокатской корпорации. В июле 1988 г. инициативная группа в составе адвокатов Г. П. Падвы, М. И. Когана, Н. А. Гагарина, А. С. Иванова-Кулыгина, А. А. Ярошенко, А. Л. Мове и В. Л. Черткова обратилась в президиумы всех коллегий с предложением о проведении собрания представителей адвокатуры с целью образования оргкомитета по созыву Учредительного съезда адвокатов для создания ассоциации адвокатов СССР. Первыми поддержали идею коллеги из Приморского края, Воронежской, Свердловской, Горьковской областей. Провести такое мероприятие в г. Москве не представлялось возможным в силу отсутствия его согласования с Министерством юстиции СССР.

¹ Цит. по: Международный Союз (Содружество) адвокатов. 15 лет деятельности: сборник / ред. Г. А. Воскресенский и др. М.: КноРус, 2005. С. 16–17.

² Смирнов В. Н. Адвокатура России на пути к самоопределению (1985–2003 гг.) // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 204–217.

Для реализации первых шагов по решению поставленных задач был выбран г. Воронеж. Город подходил для встречи единомышленников территориально, кроме того, у воронежских адвокатов были необходимые для осуществления дерзких замыслов смелость и решительность¹. Благодаря мужеству и принципиальности В. В. Калитвина 28 октября 1988 г. в Воронеже удалось провести первое собрание в виде научно-практической конференции «Адвокатура в социалистическом правовом государстве». Цель конференции — принятие решения о создании самоуправляемой ассоциации адвокатов — не была засекречена, что было вполне созвучно идее начавшейся в стране перестройки. Однако воронежские власти оказали активное противодействие, лишив адвокатов помещения для проведения конференции, направив в региональные коллегии адвокатов подложные телеграммы о ее переносе, закрыв гостиницы для участников мероприятия, проведя ряд предварительных «интеллигентных бесед» в высоких кабинетах. И все-таки конференция состоялась в виде небольшого собрания в составе 22 человек. Всех иногородних участников воронежские адвокаты, встретив в аэропорту и на железнодорожном вокзале, размещали у себя дома.

Ввиду того, что двери в зал, в котором планировалось провести конференцию, оказались заперты, работа началась в кабинете председателя коллегии В. В. Калитвина. Но заместитель министра юстиции Г. Г. Черемных, прибывший на конференцию в каче-

¹ Калитвин В. В. Союз адвокатов // Адвокатский альманах. К 150-летию российской адвокатуры: сб. статей. М., 2014. С. 166–167.

стве наблюдателя, распорядился открыть дверь в зал. В результате работы собрания была констатирована необходимость создания Союза адвокатов, избран организационный комитет, в состав которого вошли такие видные адвокаты, как Г. П. Падва (председатель), В. В. Калитвин, П. Д. Баренбойм, А. М. Макаров, В. Н. Смирнов, В. Р. Веремчук, Н. Д. Рогачев и другие, в общей сложности 16 человек. «Начало было положено», — пишет В. В. Калитвин, вспоминая об этом событии¹.

Через две недели к работе организационного комитета подключились 29 коллегий разных регионов страны, которые стали вести работу по подготовке учредительного съезда на местах. Адвокатов поддерживали видные ученые, представители периодических изданий, телевидения. В своих публикациях кандидат юридических наук И. Авилина, доктора юридических наук В. Савицкий и А. Ларин обосновали необходимость создания единой и независимой адвокатуры с научной точки зрения. «Мы с новой энергией принялись готовить учредительный съезд», — вспоминает Г. П. Падва².

О создании оргкомитета сообщили по Всесоюзному радио и в печати. Центральная пресса, вопреки местной, отмечает В. В. Калитвин, не обошла молчанием неординарное событие в Воронеже³. Газета ЦК КПСС «Советская культура» освещала воронежскую конференцию так: «...Путь к этому дню

¹ Калитвин В. В. Указ. соч.

² Падва Г. П. Рождение союза адвокатов (из книги Г. П. Падвы «От сумы и от тюрьмы... Записки адвоката») // Адвокат (газета МС(С)А). 2017. № 8. С. 6–7.

³ Калитвин В. В., Корякин В. Д. Воронежская адвокатура: исторические параллели. Воронеж, 2013. С. 261–278.

пройден не самый легкий. Все то, что происходило и происходит вокруг создания в стране Союза (ассоциации) советских адвокатов, можно назвать драматическим действием. Как и в любом драматическом жанре, здесь есть конфликт между основными действующими лицами — Министерством юстиции и адвокатурой, есть и фазы развития этого конфликта. <...> И только 28 октября в Воронеже наконец-то конференция состоялась. Правда, не без оказий...»¹.

Политбюро ЦК КПСС, понимая необратимость начавшихся перемен, сделало шаг навстречу адвокатуре: в декабре 1988 г. было принято решение об образовании ассоциации адвокатов СССР. Организационный комитет выполнил большую и полезную работу по подготовке и организации I Учредительного съезда адвокатов СССР, состоявшегося в феврале 1989 г. в Москве в составе 507 делегатов из 13 союзных республик, на котором было провозглашено создание Союза адвокатов СССР как общественной, добровольной, самоуправляющейся организации, основанной на индивидуальном членстве. Оргкомитет провел два пленарных заседания, разработал проекты Устава Союза (Ассоциации) адвокатов СССР и положение о ревизионной комиссии, побудил органы юстиции к решительным действиям по ее созданию.

В 1992 г. Союз адвокатов СССР был преобразован в Международный Союз (Содружество) адвокатов, который успешно продолжает благородное дело Союза адвокатов СССР, содействуя обеспечению высоких стандартов качества работы, профессиональной этики, единства и сотрудничества адвокатов, неза-

¹ Настиченко В. Быть ли Союзу советских адвокатов? // Советская культура (газета ЦК КПСС). 1988. 8 дек. № 147 (6559). С. 2.

висимости адвокатуры и повышению ее престижа в глазах государства и общества.

«Началась другая эра—рождение Союза адвокатов СССР»,—писал адвокат А. А. Рогаткин¹. Автору настоящего очерка отродно осознавать, что такое начало, истоки своего профессионального единства и независимости для реализации своего истинного предназначения адвокатура берет на нашей малой родине.

Воронеж, гордимся!

Литература и другие материалы

1. История российской адвокатуры: сб. очерков / ред. Семеняко Е. В., Шаров Г. К., Крохмалюк А. В.. М.: ИГ «Граница», 2009. 320 с.

2. *Калитвин В. В., Корякин В. Д.* Воронежская адвокатура. Исторические параллели. Воронеж, 2013. 288 с.

3. Международный Союз (Содружество) адвокатов. 15 лет деятельности: сборник / ред. Воскресенский Г. А. и др. М.: КноРус, 2005. 374 с.

4. *Воскресенский Г. А.* Как это было // Адвокатский альманах. К 150-летию российской адвокатуры: сб. статей / Федеральная палата адвокатов РФ; отв. ред. М. В. Петелина. М.: ИГ «Граница», 2014. С. 88–97.

5. *Калитвин В. В.* Союз адвокатов // Адвокатский альманах. К 150-летию российской адвокатуры: сб. статей / Федеральная палата адвокатов РФ;

¹ Цит. по: *Воскресенский Г. А.* Как это было // Адвокатский альманах. К 150-летию российской адвокатуры: сб. статей. М., 2014. С. 88–97.

отв. ред. М. В. Петелина. М.: ИГ «Граница», 2014. С. 166–167.

6. *Воскресенский Г. А.* Доклад оргкомитета по созданию Союза адвокатов СССР // Адвокат (газета МС(С)А). 2017. № 8. С. 2–5.

7. *Настиченко В.* Быть ли Союзу советских адвокатов? // Советская культура (газета ЦК КПСС). 1988. 8 дек. № 147 (6559). С. 2.

8. *Падва Г. П.* Рождение Союза адвокатов (из книги Г. П. Падвы «От сумы и от тюрьмы... Записки адвоката») // Адвокат (газета МС(С)А). 2017. № 8. С. 6–7.

9. *Симанович Л. Н.* Правовой статус адвоката в современном обществе // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 12–14.

10. *Титова Е. А.* Право защищать // Адвокатский альманах. К 150-летию российской адвокатуры: сб. статей / Федеральная палата адвокатов РФ; отв. ред. М. В. Петелина. М.: ИГ «Граница», 2014. С. 392–397.

АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ

Калиновская Дарья Сергеевна

*адвокат Адвокатской палаты города
Москвы, партнер Адвокатского бюро
«Сословие»*

МОНОПОЛИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОСТИ

«Мы... как двулиций римский бог
Янус, можем смотреть и вперед,
и назад».

В. Д. Спасович

Удивительно... Обладая такой богатой корпоративной историей, вобравшей в себя и «золотой век российской адвокатуры» периода присяжной, и адвокатуру сотканного из противоречий советского периода и полного метаний времени тех самых девяностых, наконец, имея опыт современной адвокатуры, мы так и не научились по-настоящему ценить свое прошлое. Ценить его не как набор интересных «картинок», значимых персоналий и сюжетов, иногда поучительных, иногда трагичных, а как полезный фактологический материал, так нужный нам сейчас.

В общем историческом багаже российской адвокатуры опыт присяжной дорог нам не только и не столь-

ко победами и достижениями. Он ценен результатами того поиска, который вели наши предшественники и в вопросах отношений государства и адвокатуры, и в вопросах допуска к профессии, и в вопросах корпоративного ее устройства, и в области профессиональной этики, и в построении дисциплинарной практики, и в становлении института помощников присяжных поверенных, и во многих, многих других вопросах. На опыте присяжной мы знаем сейчас не только многое из того, «что и как нужно», но и то, что может быть губительно для адвокатуры. И это бесценное знание.

...В очередной раз адвокатура стоит на пороге преобразований. Впрочем, не привыкать ей.

В числе множества вопросов в корпоративной повестке все громче звучит тема «адвокатской монополии». Любой из искушенных в этом вопросе, а кто-то и не без понятной иронии, скажет: «Так сколько уже лет говорим про адвокатскую монополию, а воз!?...»

И хотя тема эта изъезжена вдоль и поперек, а перечисление предложений и аргументов «за» и «против» введения «адвокатской монополии» вместится разве что в добротный многотомник, мы не можем обойти данный вопрос.

Не хочется употреблять возвышенных фраз, но вполне очевидно: от того, как решится вопрос о «монополии», зависит дальнейшая судьба российской адвокатуры. История присяжной как раз и показала, что создание по Закону от 25 мая 1874 г. института частных поверенных вместо реализации идеи составителей Судебных уставов о предоставлении присяжным поверенным монопольного права на ведение дел больно ударило по присяжной адвокатуре, о чем имеется богатая литература.

Впрочем, и сам термин «адвокатская монополия», воспринимающийся многими как некая привилегия адвокатуры, надо понимать не как собственно монополию адвокатуры, а не иначе как монополию на квалифицированность юридической помощи.

А насчет привилегии, это еще как посмотреть... «Привилегия» эта дорого может обойтись самой адвокатуре... Но об этом позже.

Вопрос, в сущности своей, довольно прост: идти ли доверителю со своей правовой проблемой к профессионалу, имеющему надлежащую квалификацию, получившему допуск к профессии и состоящему под корпоративным надзором, или отдаться в руки тому, кто больше обещает?

И ответ то вроде бы очевиден. Но нет, как сейчас говорят — «не все так однозначно».

Мало кто знает, что история темы «адвокатской монополии» началась задолго до появления в Российской империи присяжной адвокатуры. Истории этой в России больше двухсот лет. Еще в 1811 г. Александр I согласился с мнением тех пяти сенаторов, которые полагали, что монополии адвокатов на ведение дел в присоединенных к Империи от Польши губерниях быть не должно. В результате было постановлено что *«учиненное... в 1811 году определение об исключительно предоставленном праве иметь хождение по делам одним... адвокатам, яко не сообразное с законами и стеснительное для производящих дел, отменить, оставя всякому на волю производить дело свое, кто пожелает, чрез адвоката или чрез другого поверенного, уполномоченного законною доверенностью, хотя бы он и не состоял в числе адвокатов...»*¹

¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 27 июня 1821 г. «О предоставлении всякому в присоединенных

Позже вопрос о монополии на законодательном уровне возник в период Судебной реформы 1864 г. Правильное устройство адвокатуры требовало, по замыслу отцов Судебной реформы, «монопольного характера ведения дел» с исключением из числа поверенных всех лиц, кроме присяжных поверенных.

Изначально законодатель предполагал, что в тех городах, где имеет жительство «достаточное число присяжных поверенных», тяжущиеся могут давать доверенности на хождение по тяжбым их делам в судах того города только лицам, принадлежащим к числу поверенных (ст. 387 Учреждения судебных установлений). Без этого, как говорилось еще в «Мотивах к Судебным уставам 20-го ноября», не могло образоваться и само адвокатское сословие¹.

Но ни в одном из судебных округов комплект не был установлен, присяжные поверенные не приобрели исключительного права на хождение по делам, а упомянутым уже Законом 1874 г. был введен тот самый институт частных поверенных. Эта проблема была не только предметом внимания советов присяжных поверенных, но и обсуждалась на страницах печати².

Возможность исправить положение все же была в начале XX в. Но увы... Как видно из «Объяснитель-

от Польши Губерниях производить дела свои чрез адвокатов, избранных тамошними Главными Судиами, или чрез другого поверенного, уполномоченного законною доверенностью». Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XXXVII. № 28660.

¹ Мотивы гласили: «Без ограничения права тяжущимся и подсудимым избирать поверенных или защитников исключительно из среды присяжных поверенных в тех городах, где находится на жительство достаточное их число, не может образоваться и само это сословие».

² См., например: *Картужанский Л.* К вопросу о комплекте присяжных поверенных // *Право.* 1909. № 32. Стб. 1760—1763.

ной записки к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений» (1900 г.), в процессе подготовки новой редакции Судебных уставов против монополии присяжных поверенных выступили многие из лиц, «принадлежащих к разным классам общества»¹.

Сейчас государство вроде бы готово проявить политическую волю в своем стремлении урегулировать рынок юридических услуг. Уточним: в очередной раз готово.

И вот со всей определенностью сталкиваются, с одной стороны — реальности юридического рынка с его явно проступающей коммерческой сущностью; с другой — основа адвокатской профессии, априори отрицающая в традиции своей дух предпринимательства, нередко соседствующий, если говорить по Спасовичу, с «духом филистерства и цинического отношения к делу». Совместить эти два начала, эти «две правды» будет весьма непросто, а если сказать пессимистичнее — может, и невозможно.

Найдет ли чей-то гибкий юридический ум решение, позволяющее сочетать некоммерческую основу адвокатской профессии с возможностью вживить в тело адвокатуры нечто вроде «адвокатской фирмы» с ее акционерной сущностью? Покажет время. Но выбор придется делать. Решение нужно находить.

Опасности же от введения монополии для адвокатуры очевидны. Вспомним слова В. Д. Спасовича, сказанные им на корпоративном обеде 28 апреля 1896 г.: *«К монополистам ставятся всегда высокие требования. Раз провозглашена монополия... то в наше*

¹ См.: О правозаступничестве в нашем гражданском судопроизводстве. Подпись: *И. И. С-в.* // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 2. С. 142.

*сословие войдет по необходимости и субадвокатура, которая численно нас подавит и поставит более низменные требования для адвоката, менее взыскательную этику. От нас, монополистов, будут требовать больше, а мы, компактная и трудно обозреваемая толпа, будем меньше соответствовать идеалу, нежели старинная прежняя дружина борцов за право. Из борцов мы можем превратиться в услужливых дельцов, если не убережемся»*¹.

Надо ли уточнять, как это касается нас, сегодняшних? Здесь ведь вопрос не только правил профессии, но и вопрос корпоративного управления, вопрос корпоративной власти...

Так как же «уберечься»?

Что может стать тем корпоративным охранителем, который не позволит расколоть профессию, известить ее, размыть, извратив саму ее суть, уничтожив ее нутро?

Это профессиональная этика!

При условии сохранения и развития самоуправленияемого начала в адвокатуре именно профессиональная этика образует каркас профессии, сохраняя не только адвокатуру как организацию, но — главное — сами устои адвокатского труда.

Да! Ревностно охраняло адвокатское сословие честь профессии присяжного поверенного. Сурово, порой нещадно карал «суд товарищей», как нередко называли тогда между собой Советы присяжных поверенных, взвешенно, но со строгостью применявшие свою дисциплинарную власть.

¹ Застольные речи В. Д. Спасовича в собраниях присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты (1873–1901). Лейпциг, 1903. С. 67–68.

Однако болезнью, так и не излеченную для присяжной адвокатуры, было то, что дисциплинарная практика Советов присяжных поверенных весьма разнилась. Увы, болезнь эта была присуща и советской адвокатуре, не излечена и адвокатурою современной. И этот вопрос надо решать.

Но надо учесть и другое. Профессиональная этика не должна и не может превратиться в свод застывших правил и догм. Этика — ткань живая, пластичная, меняющая тона и форму. Для нее нужен не только устоявшийся взгляд, но взгляд ищущий, пытливей.

Кто-то сочтет это признаком этической неопределенности и, как следствие, корпоративного произвола. В нашем представлении это территория поиска. Поиска, который позволит найти правильное этическое решение.

Читая у того же П. В. Макалинского или в Отчетах Московского, Санкт-Петербургского Советов присяжных поверенных заключения, писанные еще тем, филигранным языком, восхищаешься не только тонкостью, наличием этического чутья и нравственной чуткости их коллективного автора — Совета, но невольно получаешь эстетическое наслаждение. В решениях этих — следы корпоративных боев с отстаиванием различных этических позиций, где каждый член Совета имел свое мнение, нередко не согласное с общим.

«Наша адвокатская этика еще в младенчестве, — писал некто А. Френкель в 1889 г., то есть уже по прошествии четверти века после появления присяжных поверенных. — Ни сенат, ни общество, ни даже юридическая литература не могут до сих пор разо-

браться в простых понятиях, что такое хотя законно, но не нравственно, что дозволено или не дозволено, какие адвокат может вести дела и каких не может вести, вправе ли он отказаться от порученных ему советом дел, по неосновательности или безнравственности...»¹

Наша адвокатская этика вышла из периода младенчества. Она повзрослела. Обрела мудрость, хотя и не лишена свойств любого живого организма с присущими ему слабостями и ошибками. Впрочем, проблема та, связанная со способностью *«разобраться в простых понятиях»*, так ведь никуда и не ушла. А вот предложение автора этой статьи вполне актуально звучит и сегодня: *следует «собрать самым тщательным образом во всех судебных округах России, по заранее выработанной программе, фактические данные как о приемах нашей судебной защиты, так и вообще о деятельности наших присяжных поверенных. Программа эта должна обнимать институт судебной защиты во всем его объеме; она должна касаться не только дисциплинарных производств об адвокатах по нарушениям ими своих обязанностей к обществу, суду, корпорации, отдельным лицам, а в особенности к их клиентам, но и обычаев как адвокатских и судебных, так и местных вообще; словом, обнимает предмет в самых широких размерах... Затем всему этому материалу необходимо сделать систематический свод и подвергнуть всестороннему обсуждению»²*. Как актуально-то все. И кто скажет, что предложение это

¹ Френкель А. К вопросу о сравнительном изучении сущности судебной защиты и ее этики // Приложение к протоколу Кавказского юридического общества. 1889. № 8. С. 25.

² Там же. С. 27.

высказано 134 года назад, а не на заседании Совета N-ской адвокатской палаты, прошедшем на прошлой неделе, например?

Да, сейчас, по прошествии стольких лет, мы обладаем возможностями куда как большими! У нас появились новые корпоративные инструменты и процедуры. В частности, те, что применяются Комиссией по этике и стандартам... А если поставить решение этих вопросов с использованием цифровых решений на основе той же Комплексной информационной системы адвокатуры России...

Мы говорим о выработке единого корпоративного подхода и унификации дисциплинарной практики. И правильно говорим! Но и на этом пути нас подстерегают опасности!

Как найти и не переступить ту самую грань, за которой единый корпоративный подход уже будет не просто диктовать, а начнет душить живое начало этического творчества региональных Советов? Творчества не ради поднятия самооценки и демонстрации своей значимости — «у нас, мол, вот так!», а свободного поиска взвешенного решения, которое в равной степени защитит и доверителя, и адвоката, когда этическое правило позволит найти тот самый, иногда еле достижимый, баланс. Того творчества, которое позволит адвокатским палатам искать свои решения и находить свои же ответы.

И это тоже задача, которая перед нами стоит.

И только так можно сохранить профессию.

Но, что бы ни было, что бы ни случилось... Мы, сегодняшние, вместе с нашими великими предшественниками говорили и всегда будем говорить:

ВИВАТ, АДВОКАТУРА!

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В АДВОКАТУРЕ

Байкова Елена Александровна

*Адвокат Адвокатской палаты
Ленинградской области, член Санкт-Петербургской коллегии адвокатов
имени Ф. Н. Плевако, заместитель
председателя Совета молодых
адвокатов Адвокатской палаты
Ленинградской области*

ПУТЬ АДВОКАТА СКВОЗЬ КНИГИ И ГОДЫ, ПУТЬ ДЛИНОЙ ОТ ОДНОЙ ЖИЗНИ ДО СОТЕН ЛЕТ

У адвокатов и книг особенные отношения. Книга — это и проверенный компас в бесчисленных дебрях права, и верный друг в поисках окрыляющего вдохновения. Книги сопровождают человека на протяжении всего пути и при любых жизненных обстоятельствах. Вот, например, для адвоката один из способов досуга — это ожидание, а для защитников по уголовным делам томительное времяпрепровождение в пустом мрачном кабинете следственного изолятора становится отличным поводом для спокойного прочтения книг.

Однажды именно для такого случая мой старший коллега — адвокат Никита Александрович Филатов

подарил мне книгу, и книгу необычную, а своего авторства, под названием «Присяжный поверенный». Данная книга была посвящена 150-летию российской адвокатуры и стала одной из серии книг автора в жанре исторического детектива, посвященной памяти присяжного поверенного Владимира Анатольевича Жданова (1869–1932). Взяв эту книгу с памятным автографом автора, я сразу поняла, что это особый знак и книга точно пригодится мне в работе. Повод не заставил себя долго ждать, ведь именно эта книга со своей историей подтолкнула меня взяться на написание данного эссе.

Взаимодействие в одной команде с уважаемыми коллегами — это честь и колоссальный опыт для молодого адвоката, поскольку во время такой работы идет более качественная проработка материалов дела и возникает гораздо больше неординарных идей в поисках оптимального решения поставленной правовой задачи.

Н. А. Филатов получил статус адвоката в далеком 1998 г., в этом году я пошла в первый класс начальной школы и тогда даже и мечтать не могла о будущей принадлежности к столь значимой и таинственной профессии, как Адвокат. И вот на протяжении года мы вместе осуществляем защиту одного доверителя, и наш многогранный опыт помогает увидеть дело и проанализировать действия участвующих лиц с различных сторон. И самое интересное, что, видя одно и то же дело с разных ракурсов, мы умудряемся приходиться к единому мнению в борьбе за правду нашего подзащитного.

Получается, что совместная работа адвокатов из разных возрастных категорий — это тоже про связь

истории и современности, потому что каждый человек сам по себе является носителем уникальных ценностей и знаний, а объединяя свои усилия, мы формируем новую практику, способную при определенных обстоятельствах изменить целый мир.

И все же вернемся к главному герою вышеупомянутой книги: кто же он, присяжный поверенный В. А. Жданов и чему сейчас нас может научить история его жизни и труда?

Известно, что В. А. Жданов родился представителем дворянского рода, высшее юридическое образование получал в Императорском Московском университете и в Императорском Санкт-Петербургском университете, защищал диссертацию на степень кандидата прав в Тартуском университете. Юридическую практику начал в 1899 г., став частным поверенным по ведению чужих дел при Вологодском уездном съезде мировых судей.

Как адвокат В. А. Жданов получил известность благодаря своему участию в так называемых политических делах, одним из первых считают массовое дело о Кишиневском погроме 1903 г. Не менее громким стало дело поэта и террориста Ивана Каляева, который в 1905 г. бросил бомбу в карету великого князя Сергея Александровича Романова.

Судьба В. А. Жданова складывалась тяжело, работа по резонансным уголовным делам не осталась незамеченной и привела к необоснованному привлечению поверенного к уголовной ответственности за «пособничество в разбое» и «недонесение о содеянном уже преступлении», как итог — четыре года каторги. Позднее, заслужив амнистию, В. А. Жданов вернулся к работе, но ненадолго: в 1922 г. наряду

с другими правозаступниками снова был выслан из Москвы. Конфликт с властью произошел из-за коллективного отказа адвокатов от участия в судебном процессе над эсерами в связи с грубыми нарушениями закона, при этом в газетах защитников заклеямили «продажными профессионалами-адвокатами» и «прожженными судейскими крючками». Но и эти испытания не сломили В. А. Жданова, он каждый раз находил в себе силы возвращаться и приступать к своей адвокатской работе. Известно, что в 2000 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации опубликовала следующее известие: «Гражданин Жданов Владимир Анатольевич был признан необоснованно репрессированным по политическим мотивам без вменения ему каких-то конкретных антисоветских действий».

История присяжного поверенного В. А. Жданова поучительна тем, что воля к поиску правды и торжеству справедливости неискоренима у настоящего защитника как борца за восстановление своих прав и отстаивание законных прав и интересов тех людей, кто доверили ему свои дела и судьбы. Такой пример лишней раз доказывает, что адвокат — это не просто профессия, это призвание.

По воспоминаниям соотечественников, В. А. Жданов говорил: «Адвокатура в России со времен царской судебной реформы является свободной профессией. Свободной в полном смысле этого слова — производимые, например, в судах речи присяжных поверенных не подлежали никаким цензурным ограничениям, и это давало возможность печатать их полностью без купюр... Можно быть превосходным законником и плохим адвокатом. Потому что, не зная людей, не

обладая значительным жизненным опытом, нельзя заниматься нашей профессией... Вся работа адвоката проходит в сфере человеческой природы. Люди — его рабочий инструмент и одновременно та нива, на которой он трудится. Оттого и ключ к успеху для адвоката лежит в знании человеческой природы и человеческого характера...»

Не могу не согласиться с тем, как В. А. Жданов описывает заветный смысл профессии адвоката, уделяя пристальное внимание чуткому отношению к людям, что искусно подчеркивает наличие той самой особой связи между адвокатом и его доверителем и придает особое значение тому, что адвокат оказывает именно квалифицированную юридическую помощь, а не просто товарно-денежную услугу.

Кроме того, стоит помнить, что В. А. Жданов жил и работал в то время, когда адвокатура, как и все общество, сотрясались от революций. Так, 22 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял Декрет № 1 «О суде», который упразднил присяжную и частную адвокатуру, при этом защитниками могли стать «любые лица обоего пола, пользующиеся гражданскими правами, и не опороченные». Несмотря на фактическое упразднение профессиональной адвокатуры, тогда же, в 1917 г., произошло невероятное событие: женщины наравне с мужчинами официально смогли стать кандидатами в адвокаты, благодаря Постановлению Временного Правительства «О допущении женщин к ведению чужих дел в судебных установлениях». Сейчас в это трудно поверить, ведь прошло немногим более одного века и, судя по статистическим данным, в настоящее время доля адвокатов женского пола составляет порядка

40%, то есть по сути практически не уступает доле коллег-мужчин.

Интересный факт: до 1917 г. первой женщиной-адвокатом называли Екатерину Абрамовну Флейшиц, ставшую в 1909 г. помощником присяжного поверенного округа Петербургской судебной палаты. К сожалению, адвокатская карьера Е. А. Флейшиц не сложилась и была скоротечна, поскольку высшие чины сочли неприемлемой для женщин работу по уголовным делам, несмотря на отсутствие прямых законодательных запретов. Важно, что Е. А. Флейшиц от своих принципов не отступила и в 1940 г. стала первой в СССР женщиной — доктором юридических наук, защитив диссертацию на тему «Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран».

Весьма любопытно основание, выбранное ключевым для лишения Е. А. Флейшиц статуса. Представители юстиции тщательно проштудировали действующие положения Судебных уставов 1864 г. и нашли там фразу следующего содержания: «Присяжный поверенный, выступая перед судом, должен иметь на лацкане фрака значок университета, в котором он получил диплом». Согласитесь, на первый взгляд в этой фразе нет ничего преступного или обидного, но вот слово «фрак» расценили фатально против особ женского пола, поскольку в то время в дамском гардеробе фракам, увы, было не место.

Несмотря на это досадное недоразумение, преемственность отличительных знаков адвокатуры успешно сохранилась и дошла до наших дней. Начиная с 1866 г., Правила внутреннего распорядка в судебных установлениях гласили: «Вступивший в ряды

адвокатуры получал специальный серебряный знак с изображением герба судебного ведомства в дубовом венке. Его полагалось носить в петлице на левой стороне фрака». Этот серебряный знак с надписью «Законь» хорошо знаком всем нам и является верным спутником каждого современного адвоката, будучи неотъемлемым элементом корпоративной культуры российской адвокатуры.

7 марта 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет принял Декрет № 2 «О суде», в соответствии с которым должны были учреждаться «коллегии лиц, посвятивших себя правозаступничеству в форме общественного обвинения или в форме общественной защиты», то есть по сути каждый адвокат ставился в зависимость от губернских отделов юстиции.

Самостоятельные функции адвокатура стала обретать только в 1922 г. с момента утверждения Положения об адвокатуре на III сессии ВЦИК IX созыва (с тех пор 26 мая 1922 г. принято называть днем рождения советской адвокатуры).

Трудное тогда было время, затем добавилось наследие советской адвокатуры, сейчас тоже не просто, но разве когда-то было легко? — вопрос из века в век риторический. По прошествии лет, современная адвокатура приняла свою актуальную эффективную форму, позволяющую нам здесь и сейчас быть теми, кто мы есть, настоящими и сильными духом, независимыми профессиональными советниками по правовым вопросам.

Жуков Андрей Андреевич

*Адвокат Адвокатской палаты
Новосибирской области, управляющий
партнер Коллегии адвокатов «Жуков
и Партнеры»*

ПЕРВЫЕ ПРИСЯЖНЫЕ ПОВЕРЕННЫЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ

После учреждения в России института присяжных поверенных в Сибири еще долгое время не проводилась Судебная реформа и первые присяжные поверенные стали допускаться в суды только с началом XX в. И сразу же, в 1909 г., в Томске состоялось первое общественно значимое для Сибирской губернии дело, в котором адвокаты громко заявили о себе и проявили подлинное профессиональное мастерство. Оно вошло в историю России как «черносотенный погром 1905 года». Погром стал ответом на активизацию революционной борьбы, которую начали большевики после «кровавого воскресенья» в Петербурге, и попыткой властей нейтрализовать их выступления через черносотенцев.

В конце 1904 г. члены организации РСДРП(б) Западной Сибири под руководством С. М. Кирова начали вооруженную борьбу для захвата власти в Западной Сибири. 18 января 1905 г. между ними и полицией начались настоящие бои на улицах города.

К революционным отрядам присоединились студенты, и в течение года губернию сотрясали митинги и демонстрации в городах, крестьянские бунты в деревнях. Отряды полиции, солдат и казаков носились по всей Западной Сибири, начались черносотенные погромы, гибли люди.

19 октября 1905 г. в Томске проходили митинги горожан по обсуждению выборов в Думу, в которых участвовали представители власти, общественные и политические деятели. Однако большевики подстрекали рабочих и студентов к бойкоту выборов и фактически добились этого. 20 октября рабочие и студенты захватили здание управления Сибирской железной дороги, где шел митинг горожан в поддержку развития самоуправления. Здание окружили полиция, солдаты и черносотенцы, однако большевики никого из здания не выпускали, взяв жителей в заложники. После долгих переговоров и уговоров, не увенчавшихся успехом, черносотенцы подожгли здание. Шесть рот солдат и казачья сотня окружили здание цепью, а черносотенцы ловили и жестоко избивали выпрыгивавших из горящего здания людей. При освобождении здания управления Сибирской железной дороги погибли 1354 человека. В других частях города вооруженные дружинники большевиков вели перестрелку с полицией, ворвались к губернатору Азанчеву-Азанчевскому, захватили епархию и обвинили епископа Макария в поддержке националистов.

Вплоть до 23 октября в городе царили анархия и разгул преступности, пока улицы не заняли войсковые отряды генерала Ренненкампа. Началось следствие, большевики ушли в подполье, а часть

арестованных сумели избежать ответственности за беспорядки.

В последующие два года власти, опасаясь, что их неспособность к подавлению массовых беспорядков станет очевидной, свою ответственность за это решили переложить на рядовых участников, мещан и крестьян, которые были в большей степени зрителями тех событий, замалчивая при этом политические мотивы начала вооруженных столкновений. Суду было предано 85 горожан, а дело представлено как еврейские погромы, грабежи и убийства. 18 человек обвинили по 269—1 ст. Уложения о наказаниях, т. е. *«в участии в публичном скопище, соединенными силами, учинившими насилие над разными лицами, похищении и повреждении чужого имущества из вражды религиозной и племенной»*; трое обвинялись в руководстве «толпой», шестеро — в поджоге здания управления Сибирской железной дороги, 18 — по разным статьям Уложения о наказаниях, в том числе и по ст. 1490, предусматривающей ответственность *«за нанесение раны, последствием которой была смерть»*; 27 подсудимых обвинялись во вторжении в жилище, а 27 — в приобретении чужого имущества, заведомо добытого преступным путем.

Власти тщательно готовились к рассмотрению дела в суде, готовили и сам процесс. С этой целью дело передали в производство судье графу Подгоричани-Петровичу, члену суда Троицкому и добавочному мировому судье Дорохину, политическая благонадежность которых была вне всяких сомнений. Обвинение взялся поддерживать прокурор Томского окружного суда Русанов и товарищ прокурора Брюхатов. Даже секретарями судебного заседания были назна-

чены не просто обычные канцелярские работники суда, а кандидаты на судебские должности Казанцев и Некрасов.

Прокурор и судьи обсудили все нюансы дела, составили план судебного следствия и необходимые формулировки в изложении обстоятельств, прежде всего, чтобы избежать политической окраски этого дела. Казалось бы, все было предусмотрено, однако один вопрос по-прежнему беспокоил власти. Подсудимые требовали защитников, и необходимо было допускать в процесс присяжных поверенных. Было известно, что те не разделяли официальную позицию суда в этом деле, а все неофициальные переговоры с адвокатами не привели к ожидаемым результатам. Поэтому в обстановке некоторой тревоги утром 17 августа 1909 г. начался этот судебный процесс.

Здание окружного суда было оцеплено плотным кольцом жандармов и солдат, внутрь которого не пускали даже прессу. Поверенных собрали вместе и сразу же провели в зал судебного заседания. Представлять интересы гражданских истцов взялись поверенные Вологодский, Кононов, Гинзберг, Левин, Михайловский и Шиша. Сторону защиты представляли Александровский, Щербаков, Новиков, Оленин и Молотковский. Причем поверенных на этот процесс вызвали из Новониколаевска (Новосибирска) и Барнаула, поскольку томских защитников на всех подсудимых не хватало, при этом каждый поверенный одновременно защищал по 8—20 подсудимых. В последующем в дело вступил приехавший из Петербурга на помощь сибирским адвокатам присяжный поверенный Булацель.

Несмотря на проведенную подготовку, процесс начался нервно. В суд по неизвестной причине не явились 12 подсудимых, а еще четверо к этому времени умерли от ран и повреждений, полученных во время событий 1905 г. Среди свидетелей обвинения суд не досчитался около 70 человек, хотя людей было с избытком. Как записал очевидец, *«тишина вообще, надо сказать, в этом процессе бывает в зале лишь минутами, что отчасти объясняется присутствием такой массы подсудимых и вообще сложностью дела. То сменяются конвойные, то плачет ребенок у обвиняемой или что-то другое нарушает тишину»*.

Тревога властей была обоснованной. Сразу же с началом судебного следствия поверенные начали заявлять возражения, указывая на попытку проведения общеуголовного процесса, отмечая при этом политический характер событий 1905 г. Защита выступила с ходатайствами о заслушивании дополнительных свидетелей, рассказавших о политических демонстрациях большевиков, в ходе которых выкрикивались провокационные лозунги, призывы громить евреев и бойкотировать городскую Думу. Ряд свидетелей дали показания о том, как большевики создавали вооруженные отряды, как они вели бои с полицией и солдатами, как в ходе этого убили инженера Шварца.

Поверенные Вологодский, Александровский и Левин посредством допросов подсудимых и свидетелей наглядно продемонстрировали суду вопиющее бездействие властей, что в большей части способствовало перерастанию политических митингов в вооруженное противостояние, погромы, поджоги, грабежи и убийства безвинных граждан. Суд и прокурор всячески препятствовали этим допросам, но поверенные,

проявляя подлинное мастерство публичных допросов, вскрывали все новые и новые факты виновности в страданиях людей губернатора, полицмейстера, жандармов и других чиновников. Так, поверенный Вологодский вызвал свидетеля защиты Харитонов, который рассказал в суде о подготовке революционных выступлений, сборе большевиками оружия, комплектовании отрядов боевиков, беспрепятственном проходе через улицы города, захвате ими здания управления железной дороги. Другие свидетели показали, как полицмейстер запрещал тушить здание, как солдаты препятствовали оказанию помощи раненым людям, как натравливали черносотенцев избивать большевиков, рабочих и студентов.

Под давлением этих улик суд не решился отказать в удовлетворении ходатайства защиты о допросе жандармского полковника Романова. В то время о допросе жандармского чина такого высокого ранга и думать никто не смел. Можно представить себе, как гроза всей губернии, мастер политического сыска и автор многих инициатив подавления инакомыслия стоял перед судом, сверля ненавидящим взглядом адвокатов.

Вологодский: *«Были ли сведения, что предстоит такое выражение народного гнева и погромов?»*

Романов: *«Безусловно, нет. Только утром стало известно, что предполагается устроить патриотическое шествие»*.

Вологодский: *«Полицейстер Никольский не делал распоряжения о тушении пожара?»*

Романов: *«Никакого распоряжения не могло быть, так как он был болен и от исполнения обязанностей отстранен»*.

Вологодский: *«Свидетели в суде утверждали, что полицейский был у здания управления железной дороги и запрещал тушение пожара».*

Романов: *«Врут безбожно».*

Особенно сильно запахло скандалом, когда вызванные поверенным Александровским супруги Гант указали на городского Абрамова, пояснив, что вместо пресечения действий толпы тот, наоборот, подстрекал ее на погромы еврейских домов.

От погромов пострадал и известный в городе купец Макушин, который и совсем открыл причастность властей к беспорядкам. Он показывал, что *«городская Дума работала плохо, о ее решениях население не знало, полиция бездействовала, а губернатор растерялся. Город оказался в руках вооруженных бандитов: большевиков с одной стороны и националистов — с другой».*

Так волей-неволей рассматриваемые события приобрели политическую окраску, что в корне изменило подходы к обвинению. Стало ясно, что на скамье подсудимых находятся второстепенные участники событий, спровоцированных политиками, упоминание о которых следствие умышленно замалчивало, как замалчивало и преступную халатность губернских властей.

Но защита этим не ограничилась. Другие поверенные — Булацель, Шиша, Щербаков — показали суду всю бездоказательность обвинения большинства подсудимых. Так, вызванная защитой свидетель Бычкова подтвердила отсутствие подсудимого Голикова на месте погрома, поверенный Александровский нашел в деле свидетельские показания о непричастности к избиениям подсудимого Большакова, который

обвинялся в том, что он якобы во время погромов бегал по улицам с вилами.

Показателен и эпизод судебного разбирательства, когда по настоянию защитника Булацеля суд приступил к проверке показаний свидетелей обвинения, основанных на слухах и домыслах. В частности, подсудимый Шабалин и еще с десятков других были обвинены в приобретении похищенного по слухам. Булацель обратил внимание суда на то, что *«согласно ст. 718 Устава уголовного судопроизводства слухи, происхождение которых не известно, не могут приниматься в качестве доказательств и такие показания свидетелей надлежит выбросить из обвинения».*

В результате такой активной наступательной тактики защиты подсудимые и свидетели начали все смелее и смелее рассказывать о событиях 1905 г. Их показания, несмотря на принятые меры, вышли за стены здания суда, и процесс получил огромный общественный резонанс. В газете «Сибирская правда» была опубликована статья о процессе, в которой отмечалось, что *«как выясняется, правду долго скрывали. На скамью подсудимых посадили невиновных, а настоящие виновники, зачинщики остались за пределами судебного разбирательства».*

Губернатор и жандармерия были в бешенстве, однако поделать ничего не могли. Они просили поверенных не упоминать о бездействии властей, намекая при этом на благосклонное отношение к судьбе подсудимых. Граф Подгоричани был растерян, но все же 23 августа на судебные прения допустили всех желающих, которые забили зал судебного заседания так, что трудно было даже дышать. В прениях адвокаты очень убедительно показали не столько

суду, сколько общественности политический характер этого дела, доказательно привели факты, убеждающие, что погромы возникли не потому, что сибирский народ *«невежествен и груб»*, а потому, что они были введены в заблуждение идеологическими провокаторами. Адвокат Булацель начал приводить доказательства невиновности подзащитных и перечислял их пять часов, поверенный Александровский уделил основное внимание разбору улик и их опровержению, а другие защитники — законности сбора доказательств.

Четверо суток шло консультирование суда с властями. Все это время на каждой улице города только и говорили об этом деле. Накал в обществе был огромный, поскольку подавляющее большинство людей понимали, что почти все подсудимые невиновны и под суд их отдали, чтоб скрыть подлинные причины октябрьских событий пятого года. Однако благодаря поверенным они получили огласку, и при таких обстоятельствах вынесение сурового приговора могло вызвать новые волнения.

Наконец 27 августа 1909 г. суд вынес приговор, который можно смело называть одной из крупных побед справедливости над лживым правосудием царской России по политическим делам. 52 подсудимых были оправданы, а 15 человек приговорены к незначительным срокам лишения свободы. Тут же по представлению министра юстиции император помиловал 9 осужденных, а четверым значительно снизил наказание.

Адвокаты по этому делу продемонстрировали не только высокое профессиональное мастерство, но и гражданское мужество, принципиальность, поли-

тическую зрелость, которые позволили отстоять невиновность простых людей. Именно на них в полной мере распространяются слова одного из мэтров адвокатуры России В. Д. Спасовича: *«Мы кое-что сделали, не щадя живота, о чем можно судить индуктивно по тому вою целых стай шакалов, которые тоскую по вырванной у них из пасти добыче»*.

Такую преданность праву и идеям справедливости последующие поколения сибирских адвокатов пронесли через десятилетия. Поэтому нынешнее поколение сибирских адвокатов в повседневной работе по защите прав и интересов населения не только следует их примеру, но и приумножает лучшие традиции российской присяжной адвокатуры. Подтверждением этому являются, в частности, архивы Новосибирской областной коллегии адвокатов. Они свидетельствуют о том, что во все периоды развития советского и постсоветского государства сибирские адвокаты были выше политических пристрастий и идеологических взглядов своих доверителей и их оппонентов, ставя во главу угла защиту конституционных прав и гражданских свобод конкретных людей.

Салкин Михаил Игоревич

*Адвокат Адвокатской палаты города
Москвы, член Московской городской
коллегии адвокатов*

СТЕРЖЕНЬ СОЗДАН ПРИСЯЖНОЙ АДВОКАТУРОЙ

Введение

Сегодня хочется задуматься о том, насколько эволюционировала современная адвокатура XXI в. по сравнению с «золотым веком» адвокатуры, подарившим нам великолепных судебных ораторов, чьими портретами принято украшать помещения адвокатских палат. Защитников, которым невольно завидуешь из-за той свободы, которой они обладали в своих выступлениях, и тех результатов, которые принесли их труд.

Есть ли вообще связь между поколениями адвокатов? Столько изменений было в судьбе адвокатуры — от взлета присяжных поверенных до полного уничтожения в начале власти советов, от возрождения в советское время до трансформации в адвокатуру Российской Федерации.

Думается, что непрерывной связи не существует и быть не может. Есть влияние, которое напоминает работу трансформатора электрического тока, когда магнитное поле с одной катушки создает магнитное

поле на другой катушке и на концах проводника возникает уже новое электричество, другого напряжения, с иными характеристиками. Так и в адвокатуре. Сохраняется единая задача — защита прав и законных интересов в суде, но способы решения этой задачи и отношение к ней уже другие. На это влияют как технический прогресс, так и произошедшие за 160 лет изменения в законодательстве, в отношении к правам человека, их актуализация и более глубокое понимание. Идея, заложенная присяжной адвокатурой, и ее традиции создали стержень, скелет, который в разное время обрастает разными мышцами для выполнения тех или иных задач, но никогда не может быть сломлен или уничтожен.

Адвокат и политика

Последние два года выдались непростыми для адвокатов. Уголовные дела в отношении адвокатов, которых, на мой взгляд, преследовали за выполнение ими профессионального долга. Преследование за выражение мнения, пусть высказанного за рамками судебного состязания, но также имеющего право на существование. Специально не привожу имена, чтобы не потребовалось впоследствии ставить неудобные маркировки, но, думаю, все коллеги прекрасно понимают, о ком идет речь.

Во времена присяжных поверенных для адвокатов было нормой участвовать в политической жизни страны, выражать свое мнение по актуальным вопросам, поддерживать те или иные политические движения. Наверное, наиболее известны те, кто добился высших постов в государстве, — Александр Керенский и Владимир Ульянов (Ленин). Замечу, что

В. И. Ленин не принимался в члены присяжных поверенных, но непродолжительное время практиковал как помощник присяжного поверенного.

Н. П. Карабчевский в своей книге «Дело о гибели Российской империи» дает крайне отрицательные характеристики присяжным поверенным, которые активно занимались политической деятельностью. Вот пример, как адвокаты использовали судебную трибуну для революционной пропаганды: «Внутри самого сословия вначале “политиканы” были наперечет, но начиная с несчастной Японской войны их число все увеличивалось и деятельность их приобретала характер настойчивой планомерности. Судебные политические процессы теперь уже служили трибунами для революционной пропаганды, нередко выходя за пределы объективного, хотя бы и в страстной форме, освещения надвигающейся на Россию грозы в виде насильственного государственного переворота».

О Керенском он вообще отзывался в негативном ключе: «Керенский как судебный оратор не выдавался ни на йоту: истерически-плаксивый тон, много запальчивости и при всем этом крайнее однообразие и бедность эрудиции. Его адвокатская деятельность не позволяла нам провидеть в нем даже того “словесного” калифа на час, каким он явил себя России в революционные дни». (Сегодня такое высказывание о конкретном адвокате не соответствует действующему Кодексу профессиональной этики адвоката и просто недопустимо.)

В отношении тех адвокатов, которые не увлекались политикой, Карабчевский писал следующее: «Истинно талантливые и умные адвокаты... лишь

в меру действительной целесообразности, пользовались своим даром для утверждения закона, справедливости и здравых общественных понятий, но наряду с этим в сословии нарождалась группа уже явных политических агитаторов, пользующихся при всяком удобном и неудобном случае адвокатской трибуной исключительно в видах революционных».

Именно ту позицию адвоката в процессе, о которой говорится в начале этой цитаты, берут за образец, когда речь идет о преемственности прежней и новой адвокатуры.

А. Ф. Керенский, как и Н. П. Карабчевский, был вынужден эмигрировать, и каждый из них в дальнейшем продолжал жизнь вне адвокатуры. Судьба у них, как у и многих других присяжных поверенных, сложилась по-разному. Но как это схоже с тем, что происходит сегодня. В Российской Федерации, к сожалению, с каждым днем пополняется список адвокатов, которые вынуждены жить за границей и лишены возможности выполнять обязанности, о которых присягали, вступая в корпорацию.

Адвокат и общество

В традициях присяжной адвокатуры было оказывать помощь тем, кто не может осуществлять ее оплату, безвозмездно. Как сейчас принято говорить, про bono. Никаких выплат от государства за такую работу не предполагалось, и известный московский присяжный поверенный Федор Никифорович Плевако был известен тем, что часто брался за дела сирых и обездоленных и выигрывал их с потрясающим успехом, о чем до сих пор ходит много рассказов, начиная с дела бабушки, укравшей чайник (отчего,

по словам мэтра адвокатуры, не рухнет Империя) и заканчивая (но не ограничиваясь) историей про пономаря, который зазвонил в колокола ровно в момент произнесения им фразы «Если этот человек невиновен, то Господь даст знак».

Сегодня классическая традиция помощи pro bono, на мой взгляд, берет пример не только с присяжной адвокатуры, но и с зарубежной, поскольку задача работы в таких делах — не только помочь тем, кто не может себе позволить защитника, но и произвести отчасти рекламный эффект.

Отдельно хочется выделить адвокатов, которые, как часто говорят, «работают по пятьдесят первой». Это защитники, назначаемые следователем или судом. Такой защитник в любом случае будет у задержанного, обвиняемого или подсудимого, иногда даже против его воли. Для тех, кто «в теме», — это отдельная головная боль «двойной защиты» и важность строгого соблюдения Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, а при необходимости — и принципиальное покидание места следственного действия или судебного заседания.

Мне кажется, именно защитники по назначению наиболее близко знакомы с болезнями общества, нарушениями правил нравственности, потому как защитник будет назначен и похитившему коньяк в магазине, и насильнику или убийце. А также молодому человеку, который вследствие пьянства совершил очередное преступление и на глазах защитника отправится под стражу.

Каждый раз, общаясь с таким подзащитным, раздумываешь, что привело его к совершению преступле-

ния. В какой момент общество от него отвернулось и не протянуло ему руку помощи. Чем может адвокат помочь человеку в сложной ситуации, особенно если факт причастности к преступлению очевиден.

Еще сложнее, мне кажется, работа адвоката на судебной стадии в делах, рассматриваемых в особом порядке. Вот что может тут сказать особенного адвокат, кроме того, что сделает акцент на личности осужденного? Это превращает работу адвоката в рутину, а его самого — в статиста, который повторяет за обвинителем фразы про смягчающие обстоятельства, про характеристику личности и раскаяние. Ну, может быть, еще что-то добавит из того, что до заседания сказал подзащитный.

Иногда спрашиваешь себя: ну разве это защита, а не фикция? Но есть примеры адвокатов, чей опыт показывает, что даже в безвыходной и бесперспективной ситуации можно осуществлять защиту. Это, в частности, Д. И. Каминская, С. В. Каллистратова, Б. А. Золотухин.

С моей точки зрения, у присяжных поверенных в Российской империи такой проблемы не было. Каждый из них имел возможность биться за своего подопечного всеми законными способами, с помощью ораторских приемов убеждать присяжных оправдать его или хотя бы не наказывать строго.

В этом и есть, на мой взгляд, главное различие между прежней адвокатурой и нынешней: сейчас установлено слишком много ограничений в отношении того, что можно, а что нельзя говорить адвокату в процессе. Неаккуратное слово потом послужит основанием для отмены оправдательного вердикта, и вся работа пойдет насмарку.

Заключение

Мне кажется, в любое время адвокаты, присяжные поверенные были недовольны законом, желали его изменения, гуманизации, усиления роли защиты в процессе. С переменным успехом такая либерализация происходит. Немыслимо было поверить, что в Советском Союзе адвокат допускался только на стадии судебного разбирательства, а на следствии обвиняемый был один на один с государственной машиной. Сегодня прав у адвоката больше, но, по сравнению с присяжной адвокатурой, где равенство между обвинителем и защитником было полным, нам предстоит еще много работы для расширения своих прав. Хочется, чтобы к следующему юбилею проблем в адвокатуре, в роли защитника в процессе было меньше, а известных адвокатских фамилий — больше. Но здесь все зависит от нас самих.

УЧИТЕЛЯ И НАСТАВНИКИ

Галоганов Алексей Павлович

Президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, профессор кафедры адвокатуры Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук

ОБРАЗЕЦ АДВОКАТА, РУКОВОДИТЕЛЯ, ЧЕЛОВЕКА. О МИХАИЛЕ ПАВЛОВИЧЕ БЫКОВЕ

В апреле 2020 г. по Первому каналу российского телевидения был продемонстрирован многосерийный художественный фильм «Заступники». Я не буду давать оценку этому фильму — пусть это сделают телезрители и кинокритики, хотя вопросов к его создателям у меня и моих коллег возникло очень много.

Адвокаты Московской области (и не только Московской) обратили внимание на то, что фамилия одного из руководителей Московской областной коллегии того времени (а это 60-е—80-е годы прошедшего столетия) — Быков. Казалось бы, «подумаешь, какая-то фамилия, ну и что?».

Но, во-первых, фамилии всех других персонажей фильма вымышленные, только одна реальная — Быков. Во-вторых, Быков как руководитель адвокатуры показан в негативном свете, мягко говоря, как чело-

век, имевший отношение в КГБ СССР, «стучавший» на адвокатов.

И у адвокатов, естественно, возник вопрос: «Кто такой, этот негодяй Быков?».

* * *

К сожалению, людей, знавших Михаила Павловича Быкова, а тем более работавших с ним, осталось не так уж много, поэтому рискну взять на себя ответственность рассказать о нем, поскольку считаю его своим Наставником и Учителем. Тем более, что председателем Московской областной коллегии адвокатов после его смерти был избран я.

Михаил Павлович Быков родился 14 октября 1919 г. в п. Новая Деревня Сасовского района Рязанской области. Десять классов он окончил с золотой медалью в г. Воскресенске Московской области и, поскольку, еще будучи школьником, практически в совершенстве овладел немецким языком, ему предложили остаться в этой же школе преподавателем немецкого языка. Два года молодой юноша преподавал иностранный язык в родной школе, сразу же после ее окончания.

В 1940 г. он поступил на учебу в Московский юридический институт. С первых же дней Великой Отечественной войны просился на фронт, но из-за слабого зрения был оставлен в резерве.

Как и большинство студентов был мобилизован на строительство оборонительных сооружений — копал противотанковые рвы под Смоленском, под Москвой. И учился. В 1944 г. с отличием закончил юридический факультет института.

После окончания института был направлен в Высшую дипломатическую школу, которую также с отличием окончил в 1946 г., в совершенстве овладев помимо немецкого английским языком.

Молодой дипломат блестяще начинает карьеру, получив направление на работу в Соединенные Штаты Америки. Кстати, поехал он туда вместе со своим другом-однокурсником А. Ф. Добрыниным, впоследствии ставшим выдающимся советским дипломатом — послом СССР в США и секретарем ЦК КПСС.

Вероятно, карьера молодого атташе М. П. Быкова на дипломатическом поприще сложилась бы не менее удачно, чем у А. Ф. Добрынина, но вмешался Его Величество Случай. Михаил Павлович зашел в гости к коллеге-американцу, кто-то доложил в соответствующие инстанции, и на этом его карьера дипломата закончилась. Отзыв в Москву, выговор по партийной линии и увольнение по сокращению штатов.

После недолгой работы в издательстве «Иностранная литература» и Министерстве юстиции РФ Быков понял, что чиновничья работа не для него. С февраля 1950 г. и до конца своих дней Михаил Павлович — адвокат Московской областной коллегии. Карьера адвоката, как и любого вновь принятого в МОКА, началась с района — его направили в Ступинскую юридическую консультацию. Вскоре он становится ее заведующим, а через несколько лет возглавляет крупнейшую в то время в Московской области — Подольскую юридическую консультацию.

Коллеги по адвокатуре оценили его сверхпорядочность, дипломатичность, организаторские способно-

сти, профессиональное мастерство, и в мае 1964 г., через 14 лет после вступления в коллегия, Михаила Павловича практически единогласно избрали председателем Президиума Московской областной коллегии адвокатов. С тех пор с завидным постоянством его каждые два года переизбирали на эту должность. Почти 24 года он был бессменным председателем Президиума МОКА. В сентябре 1988 г. Михаил Павлович Быков навсегда ушел от нас, оставаясь для всех, кто его знал, образцом Адвоката, Руководителя, Человека. А Московская областная коллегия адвокатов под его руководством завоевала крупнейший авторитет среди адвокатов России и СССР.

* * *

Моя первая встреча с М. П. Быковым состоялась в августе 1979 г., когда я после окончания юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова по распределению и по зову сердца стал стажером МОКА. Меня встретил полноватый, лысоватый, не очень высокого роста, в очках, добродушно улыбающийся человек.

Разговор наш был недолгим, но его улыбка, обаяние, интеллигентность, остроумие — сразили меня наповал, и я понял, что профессию и место работы я выбрал не случайно.

Судьба так распорядилась, что через несколько лет я по рекомендации М. П. Быкова стал заведующим Воскресенской юридической консультацией — города, в котором прошло детство и юность Михаила Павловича. В то время я был единственным в Московской области заведующим, не состоящим в КПСС.

Уже в начале 80-х гг. М. П. Быков чувствовал «ветер перемен» и смело рекомендовал молодых адвокатов на выборные должности в адвокатуре. В 1986 г. Л. Н. Ковалеву, меня и совсем еще юного А. К. Колпакова (к тому времени уже заведующего Ногинской юрконсультацией) избрали членами Президиума МОКА опять же по рекомендации М. П. Быкова.

А после его смерти я нашел тетрадь в кожаном переплете, в которую были внесены рукой Михаила Павловича фамилии молодых, перспективных адвокатов из всех районов Московской области, т. е. резерв МОКА. Эта тетрадь до сих пор хранится у меня, а все «резервисты» стали достойными руководителями адвокатских образований и блестящими адвокатами.

Он очень любил молодежь, и она отвечала ему взаимностью...

Михаила Павловича уважали все адвокаты. Он отличался какой-то особенной природной интеллигентностью, умел слушать и слышать собеседника, всегда разговаривал со всеми спокойным, ровным голосом и... с улыбкой.

Его отчетные доклады на общих собраниях приходили слушать адвокаты не только Московской области, но и Москвы, потому что являлись образцами красноречия, риторики, четкости и ясности, дружеской критики и ... остроумия.

Он был прекрасным шахматистом. И в свободные от работы минуты его можно было увидеть за шахматной доской, где соперниками были опытные шахматисты — Б. Л. Пиотровский, Г. И. Тумасов и др.

Сегодня в шахматных турнирах он играл бы на «первой» доске нашей Адвокатской палаты...

Как адвокат М. П. Быков был блестящим профессионалом и, несмотря на свою чрезвычайную занятость, постоянно находил время для ведения дел, в основном, уголовных.

Случались в его практике и курьезы. Однажды в Президиум МОКА пришло «частное определение» в отношении М. П. Быкова. В нем указывалось, что «адвокат Быков допустил грубое выражение в отношении судебно-прокурорских работников». Комиссия, проверявшая обоснованность «частного определения» суда, установила, что секретарь судебного заседания записала в протокол слова адвоката: «свидетели подтасовывают материалы». На самом же деле Михаил Павлович сказал: «свидетели подтаскивают материалы». Михаил Павлович часто вспоминал эту историю и на этом примере учил молодых коллег продумывать каждую свою фразу, грамотно составлять документы.

М. П. Быков был необыкновенным эрудитом, любил литературу и поэзию, знал наизусть и цитировал многих русских классиков, прекрасно читал стихи и писал сам. Он в совершенстве владел английским, немецким, французским языками, читал газеты и журналы на испанском, сербском, чешском, и других языках.

Михаил Павлович был сверхпунктуальным и сверхобязательным человеком. Каждый день, в восемь часов утра, он был на своем рабочем месте и раньше шести часов вечера не покидал свой кабинет. К нему можно было прийти в любое время и по любому вопросу, и он всегда находил возможность выслушать каждого и помочь советом.

Все адвокаты знали: если М. П. Быков кому-то что-то пообещал, он обязательно выполнит свое обещание. И так было всегда.

Пожалуй, единственным его недостатком было то, что он очень много курил. Курил только папиросы «Беломорканал». Возможно, это способствовало его заболеванию и преждевременному уходу из жизни — врачи обнаружили у него рак легких.

За день до смерти мы навестили его в Боткинской больнице. Ему уже было тяжело говорить, но, несмотря на это, он обсудил с нами все адвокатские проблемы и напомнил, что нужно ускорить оформление документов на присвоение звания «Заслуженный юрист Российской Федерации» заведующей Истринской юрконсультацией Татьяне Ивановне Григорьевой. Его волю мы выполнили. Когда мы уходили от него, он, улыбаясь, почти шепотом произнес: «Послушайте последний анекдот...»!

Вот таким он был — Михаил Павлович Быков...

Адвокат Г. И. Тумасов, его друг, сказал: «Когда хотят сказать очень хорошее о ком-то, то говорят: светлый человек. Вот Михаил Павлович и был таким светлым человеком. Упаси Бог, не иконой, но что-то притягивало к нему людей. Скольким он помог — не поддается учету».

Михаил Павлович Быков был настоящим «Заступником» и для людей, и для адвокатов...

* * *

Авторам фильма неплохо было бы поинтересоваться биографией этого воистину светлого человека. Кстати, на похороны своего друга приехал Посол СССР в США — Анатолий Федорович Добрынин.

14 октября 2019 г. исполнилось 100 лет со дня рождения М. П. Быкова. Мы посетили в этот день его могилу на Востряковском кладбище, возложили цветы и долго его вспоминали.

Пока жива память, имя человека остается с нами. А Михаил Павлович Быков навсегда останется в наших сердцах и в истории адвокатуры.

Ранее статья опубликована: Сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. Подраздел «Мнения». 20 мая 2020 г. // <https://fparf.ru/polemic/opinions/obrazets-advokata-rukovoditelya-cheloveka/>

Каверзина Валентина Леонидовна

Адвокат Адвокатской палаты Иркутской области, председатель Коллегии адвокатов «Лига Сибирских адвокатов», руководитель Школы молодого адвоката Адвокатской палаты Иркутской области

ДЕВИЗ ЖИЗНИ — ЗАЩИТА ВО ИМЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

*«Каждый человек на земле,
чем бы он ни занимался,
играет главную роль в истории мира
и обычно даже не знает об этом».*

Паоло Коэльо.

История адвокатуры продолжается...

Изречение Сократа «Есть три профессии от Бога — лечить, учить и судить» относится и к юридическим профессиям, и в особенности к адвокатуре.

Ведь порой адвокат — врачеватель души своего доверителя, одно его слово может вселить спокойную уверенность и дать надежду, адвокат — учитель молодого коллеги, и ни один суд не может осуществить правосудие без адвоката, который не только представляет интересы своего доверителя в суде, на предварительном следствии, но самое главное — защищает права, свободы и интересы доверителя любыми законными способами.

Работа адвоката — одна из самых непростых, интеллектуально насыщенных и очень интересных. Ра-

бота даже одного адвоката может свидетельствовать о том, как работает адвокатура в целом в России, и быть частицей всей ее истории.

История профессиональной деятельности адвоката, о которой я повествую, это не только часть 100-летней истории иркутской адвокатуры, дату образования которой мы отмечаем в 2022 г., она входит в историю всей адвокатуры нашей страны.

Генриетта Владимировна Цирлина — адвокат Иркутской областной коллегии адвокатов, Заслуженный юрист России.

На выбор Генриеттой Владимировной профессии повлияли сильные переживания в детстве, душевная травма. Как сама она писала в своих мемуарах, «у сибирской девчонки эти удары случились с потерей отца, работника “Восточно-Сибирской правды”, репрессированного и расстрелянного в 1938 г. и реабилитированного в 1956 г.». В душе у девушки росло желание справедливого восстановления правды. С ее слов, это привело ее на студенческую скамью Иркутской юридической школы, а впоследствии — в Московский юридический институт, который она успешно окончила.

Не сразу смогла Генриетта Владимировна стать адвокатом, поскольку определенное влияние оказывало понятие «дочь врага народа».

Получив все-таки возможность работать адвокатом в Центральной юридической консультации города Улан-Удэ, Генриетта Владимировна через всю свою жизнь, с ее слов, пронесла девиз: «При защите подзащитного исходить из презумпции его невиновности».

Сколько было за ее такую длинную адвокатскую жизнь дел, где она защищала доверителя, но исходила из предположения, что ее доверитель невиновен или виновен в меньшей степени, чем его обвиняют, она не считала.

Первое свое дело в качестве адвоката она запомнила на всю жизнь...

Ей пришлось перешагнуть через свою неуверенность, жалость к своему подзащитному и включить свою решительность спасителя, как она писала в мемуарах: «Наверное, я больше была похожа на спасателя, чем на защитника, но я произнесла свою речь уверенно и вдохновенно! Так в данном случае я представляла свою роль адвоката...»

Потом будет еще много дел, в которых Генриетта Владимировна пропускала судьбу своего подзащитного через себя.

Приехав в г. Иркутск, она с трудом устроилась адвокатом в консультацию Свердловского района г. Иркутска, впоследствии была переведена в Центральную юридическую консультацию г. Иркутска.

Приходилось защищать не только взрослых, но и несовершеннолетних, к которым она испытывала чувство жалости, так как часто они были «жертвами родительских упущений в воспитании».

В те годы приходилось ездить в командировки не только по области, но и в соседние регионы, нередко выезжать и в Москву по делам, рассматривавшимся как в кассационном, так и в надзорном порядке.

В адвокатской практике Генриетты Владимировны были многотомные, сложные дела, по некоторым государственное обвинение просило наказание в виде высшей меры — расстрела (ведь в УК РСФСР

были статьи, где определялась такая мера наказания). Генриетта Владимировна всегда обращала внимание на причину совершения преступления, на личность своего подзащитного и все это аргументировала в прениях.

Все дела были трудоемкими и подчас нервными, одно только дело, получившее название «шоу-бизнеса», стоило большой ответственности. На скамье подсудимых были директора музыкальных коллективов, гастролировавших по всей стране. Были дела по подложным авизо, которые по ходатайству Генриетты Владимировны неоднократно возвращались на следствие, а потом прекращались за отсутствием состава преступления в действиях доверителя.

Были дела, по которым выносились оправдательные приговоры (в то время это было большой редкостью).

Самое интересное уголовное дело, со слов Генриетты Владимировны, было в отношении Елены Васильевны Лохэ, которую привлекали за незаконное врачевание. Эта женщина собирала и изучала в использовании для лечения травы Сибири и Алтая, имея образование — курсы медицинских сестер. Потребовалось много сил и профессионального мастерства, чтобы оказать помощь этой уникальной женщине. Приговор был — условное наказание. Несмотря ни на что, Елена Васильевна передавала свой уникальный опыт. На ее материалах создавались фитолечебные центры в других городах. «Я рада, что одним из ее последователей является заслуженный врач республики И. А. Лившиц, что в рекламируемых сегодня медицинских препаратов в название включена фамилия Лохэ. Я рада тому, что эта жен-

щина в моем лице увидела поддержку и не опустила руки».

В 1998 г. Комитет по награждению адвокатскими наградами имени Ф. Н. Плевако, рассмотрев вопрос о представлении к награждению наиболее выдающихся деятелей российской адвокатуры, постановил наградить Генриетту Владимировну Цирлину, члена Иркутской областной коллегии адвокатов, Золотой медалью имени Ф. Н. Плевако.

Из мемуаров Генриетты Владимировны: «Мысленно оценив свою скромную адвокатскую деятельность, я подумала, что именно борьбе за права человека отдала самую значительную часть своей жизни, но я об этом не жалею, ведь настоящий адвокат — это человек, постоянно находящийся в борьбе за справедливость!»

Более 50 лет Генриетта Владимировна отдала адвокатской деятельности. Она совмещала все три профессии — врачевала своих доверителей, учила своих молодых коллег, стажеров и всегда с честью отстаивала интересы и права доверителей в суде.

О ее деятельности адвоката была телевизионная программа, а также был снят фильм, запечатлевший всю процедуру ее награждения Золотой медалью имени Ф. Н. Плевако.

К сожалению, Генриетта Владимировна ушла из жизни. Она оставила многочисленных учеников — сейчас уже опытных адвокатов, которые гордятся, что были ее учениками, многочисленных почитателей ее адвокатского таланта и двоих сыновей — Аркадия Львовича Цирлина и Владимира Львовича Цирлина, которые достойно продолжают дело своей мамы. Владимир Львович Цирлин является Почет-

ным адвокатом Адвокатской Палаты Иркутской области.

Заканчивая свое повествование о замечательной женщине — эрудированном профессиональном адвокате, способном донести до аудитории настоящие качества судебного оратора, отмечу, что, являясь руководителем Школы молодого адвоката Адвокатской палаты Иркутской области, на занятиях Школы молодого адвоката, которая работает уже 7 лет, я вручаю книгу — мемуары Генриетты Владимировны «Защита — это борьба» слушателям — молодым адвокатам (с разрешения ее сыновей), чтобы память о ее деятельности продолжалась, как продолжается история иркутской адвокатуры, которая входит в историю адвокатуры нашей страны.

Колосовский Сергей Вячеславович

*Адвокат Адвокатской палаты
Свердловской области, член
Президиума Коллегии адвокатов
«Свердловская областная гильдия
адвокатов», руководитель
Адвокатской группы «LAWGUARD»,
член Комиссии по защите
профессиональных прав адвокатов
Адвокатской палаты Свердловской
области*

**«ТАК ГОВОРИЛИ И ПОСТУПАЛИ ВОИНЫ
ДРЕВНОСТИ, ПРИМЕРУ КОТОРЫХ ДОЛЖЕН
СЛЕДОВАТЬ ВСЯКИЙ БЛАГОРОДНЫЙ
ЧЕЛОВЕК...»**

При выборе юридической специальности мне, как, вероятно, большинству молодых людей, поступавших в далеком 1986 г. в юридические ВУЗы со следственно-криминалистической специализацией, хотелось лично бороться за справедливость, спасти людей, побеждать зло и делать добро.

Так получилось, что юридический мир передо мной раскрывался, как фотография, которую проявляют с негатива: в красном свете фотолампы на бумаге проступают сначала самые яркие фигуры, потом — менее четкие и лишь постепенно вырисовывается вся картина.

Это сейчас, благодаря интернету, можно хотя бы теоретически более или менее полно заранее изучить вопрос и хотя бы примерно понять, кто есть кто.

А в те годы мы знакомились с юриспруденцией по сериалам «Рожденная революцией» и «Место встречи изменить нельзя». Там, если помните, нет таких сложных процессуальных фигур, как руководитель следственного органа или судья кассационного суда.

Мир был двухмерным — преступник и следователь, который с пистолетом наперевес ловит преступника. И, чтобы не терять время, я пошел в ближайший райотдел устраиваться внештатным следователем.

Правда, буквально с первых минут в милиции конструкция усложнилась. Выяснилось, что ловит оперативник, а следователь лишь оформляет. Так я попал в уголовный розыск. Потом оказалось, что поймать преступника мало — нужно, чтобы его таковым признал какой-то суд. Через какое-то время оказалось, что есть прокурор, который что-то контролирует.

И лишь в последнюю очередь я узнал, что бывают еще и адвокаты.

* * *

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что 40 лет назад действовал совершенно другой УПК, в котором возможности защитника были настолько минимизированы, что можно только удивляться, как адвокаты вообще ухитрялись что-то делать на стадии следствия. А они, тем не менее, делали, и немало. Хотя, именно из-за особенностей процессуального закона, мы это видели не сразу.

По капризу судьбы первый адвокат, которого я встретил, была Наталия Сергеевна Дадамянц, не-

сколько лет спустя ставшая моим защитником, наставником и другом.

В каком-то притоне мы задержали группу подростков, которых необходимо было проверить на причастность к преступлению. Пока осматривали помещение и ждали транспорт, откуда-то появилась прекрасная женщина, сотканная из духов и туманов, оказавшаяся адвокатом. Я в тот момент до конца не понимал, кто это и какими полномочиями обладает. Но как-то так получилось, что в райотдел с нами поехали все задержанные, кроме одного — интересы которого представляла Наталия Сергеевна. Причем никто из нас не смог потом объяснить, что произошло.

Следующий случай, который врезался в память, — год спустя, отработав трое суток практически без сна, мы доставили в райотдел нескольких вымогателей и две сумки изъятого у них оружия. Какое-то время ушло на оформление документов, и когда наконец мы все, уставшие, но довольные, стояли во дворе и делились впечатлениями, старший нашей группы вдруг вышел из подъезда и сообщил, что радоваться рано: приехал адвокат и нашел какие-то нарушения. Тут мимо нас к выходу проследовали двое из задержанных в сопровождении адвоката. Помню, на нем было шелковое «адвокатское» кашне, а наш начальник огорченно протянул ему вслед: «У, Терразини...». Так я впервые увидел Игоря Властимировича Михайловича.

Про Андрея Михайловича Митина я узнал, когда начальник следствия сообщила мне, что дело, которое планировалось в этом месяце направить в суд, придется прекращать.

— В смысле прекращать!? Там же и показания, и вещдоки? Чего вам еще не хватает? — возмутился я.

— Всего хватает, — печально объяснила подполковник милиции, — даже слишком. Там появилась лишняя деталь — адвокат Митин. Так что это дело развалится в суде. Поэтому не будем позориться.

* * *

В советские годы в каждом большом городе было такое явление, как условная «золотая пятерка» — несколько самых лучших и самых дорогих адвокатов. И так получилось, что и Дадамянц, и Михайлович, и Митин были членами этого нашего городского клуба. И у каждого из них мне посчастливилось впоследствии чему-то научиться.

Лишь намного позже я понял, что все эти люди стали тем мостиком, который провел в наше время вековые традиции российской адвокатуры и великое мастерство защищать человека тогда, когда против него весь мир, а за — только один адвокат. Простите за высокопарность, но это действительно похоже на то, как мастера Востока веками собирали лучшие приемы борьбы и передавали, поколение за поколением, своим ученикам.

* * *

УПК РСФСР давал адвокату совсем немного возможностей на следствии. Поэтому по-настоящему роль адвоката я оценил, лишь оказавшись в суде в печальной роли подсудимого. Но мне невероятно повезло, что моим проводником в этих кругах ада стала Наталия Сергеевна.

Оказалось, что процесс можно планировать. Ходы прокурора и судьи предсказывать. Свидетелей к процессу готовить.

Адвокату из «золотой пятерки» в 1997 г. было неприлично защищать честного сыщика, к тому же бесплатно. Но и пройти мимо Наталия Сергеевна не смогла, поэтому она, не вступая в процесс, планировала с нами каждый судодень. И я помню, каким чудом мне вначале казалось, что прокурор задает именно те вопросы, которые мы обсудили накануне, а судья принимает те решения, о которых наша защитница предупреждала вчера. К концу процесса мы уже привыкли к тому, что прокурор и судья следуют планам, разработанным адвокатом.

Подготовка свидетеля — отдельная тема. Сегодня каждый раз, когда мы готовимся к допросу, и я говорю человеку «встаньте в позу свидетеля», я вспоминаю свою наставницу, которая научила меня тому, что перед судом с человеком не нужно разговаривать. Его нужно заставить проиграть будущий допрос, как на сцене, — стоя, следя за руками, речью, мимикой. И тогда уголовный процесс оживает, превращаясь в нечто фееричное.

Психология допроса. Снова гениальный ход, которым я с благодарностью пользуюсь до сих пор. Большинство свидетелей имеют достаточно косвенное отношение к предмету судебного разбирательства, лишь случайно оказавшись в нужное время в нужном месте. И Наталия учила свидетелей фокусироваться на своем вопросе, лишь кратко и четко касаясь того, что имеет отношение к делу.

Подготовленный таким образом свидетель три часа рассказывал о том, как он менял ремень ГРМ,

отвечал на уточняющие вопросы судьи, который тоже оказался автолюбителем, и лишь кратко, но абсолютно четко пояснил, что именно он видел и слышал в нашем кабинете, под окнами которого ремонтировал машину.

Итогом стал оправдательный приговор. При этом адвокат Дадамянц, добившаяся его вынесения, ни разу не посетила суд.

И еще благодаря Наталии Сергеевне меня никто не прерывает в процессе. По крайней мере, больше одного раза.

Однажды я стал очевидцем битвы двух мастеров. Наталия Сергеевна произносила прекрасную речь, и судьи с каждым словом явно проникались к ней симпатией и сочувствием. Понимая, что с этим надо что-то делать, Игорь Властимирович, представлявший другую сторону, встал и прекрасно поставленным голосом заявил какое-то возражение, полностью сломав нить повествования.

В ответ Наталия Сергеевна растерянно посмотрела на судей и развела руками — простите, уважаемый суд. Я женщина пожилая, от такого сбиваюсь, мне придется начать все сначала...

Уже 20 лет я пользуюсь этим приемом, и ни разу он не дал осечки.

* * *

А понять, что все это — не просто набор приемов одного гениального адвоката, а целая система защиты, разработанная в течение нескольких поколений, которые строили защиту в условиях не просто перманентного обвинительного уклона, а обвинительного уклона, помноженного на административный

прессинг защитников, под которым последние научились использовать все, самые микроскопические шансы повернуть ситуацию в пользу доверителя, — мне помог Андрей Михайлович Митин.

Человек, обладающий энциклопедическими знаниями об истории нашей адвокатуры, он часами рассказывал мне о том, как они работали при Брежневеве, Черненко и Андропове. А ему есть что сказать. Однажды издательский дом «Коммерсант-Урал» выпустил шикарное подарочное издание «Бури вестники», посвященное субкультуре конца 80-х — року, фарцовке, граффити — всему тому, что закипало под крышкой социалистической цензуры и прорвалось наружу в 90-е. И в этой книге в одном из очерков описывается первое в городе уголовное дело о рэке-те, возбужденное в 1987 г., которое закончилось тем, что пришел адвокат Митин и все развалил. В книге о культуре — рассказ про адвоката!

Рассказывал мне Андрей Михайлович и о том, как после принятия Закона об адвокатуре создавалась Адвокатская палата Свердловской области — борьба фракций, покидание зала несколькими делегациями, момент, когда казалось, что конференция будет сорвана, и все-таки легитимное решение — палате быть.

А потом была поездка на Первый съезд российских адвокатов — и вновь шум, споры, дебаты, поиск решений буквально на ощупь. Никто ведь четко не представлял процедуру, поэтому, когда встал вопрос о выборе президента ФПА, все внезапно поняли, что нужно проводить закрытое заседание Совета и Геннадий Константинович Шаров стал искать Колонном зале Дома Союзов место, где можно его провести, и нашел какую-то комнату за кулисами.

И как все в зале ждали, чем же закончится первое заседание только что избранного Совета ФПА.

Когда Андрей Михайлович рассказывал все это, я прямо чувствовал ту почти революционную атмосферу, в которой адвокаты всей страны создавали нечто новое. Но в это новое они смогли перенести те лучшие традиции, которые были созданы теми, кого уже нет с нами.

* * *

Еще один урок, который я никогда не забуду, мне преподнес Игорь Властимирович Михайлович.

У правоприменителей есть циничная поговорка: «Нет такого гражданско-правового спора, который нельзя разрешить в рамках уголовного дела по мошенничеству». Вот мы и встретились с Игорем Властимировичем на разных процессуальных сторонах в таком деле: я, начинающий адвокат, — в качестве защитника, он, президент АПСО, — в качестве представителя потерпевшего. В уголовном деле по ст. 159 УК решалась судьба 15 уральских заводов, часть из которых известна далеко за пределами страны. Шестеро обвиняемых, пять представителей потерпевшего, полтора десятка защитников из числа как свердловских, так и московских адвокатов из самых известных адвокатских бюро России. Невероятный накал страстей, весь арсенал лучших адвокатских приемов.

При допросе одного из основных свидетелей обвинения я коснулся обстоятельств его личной жизни, которые в итоге могли сформировать у него негативное отношение к подсудимым. Касание было весьма болезненным и в не очень выгодном свете выставля-

ло и всех представителей потерпевшего, пригласивших данного свидетеля в суд.

В зале поднялся возмущенный гул, поверх которого один из представителей потерпевшего театрально громко обратился к президенту АПСО: «Игорь Властимирович, палата ведь это просто так не оставит?!» И. В. Михайлович многозначительно промолчал.

В течение последующего года при встречах в суде мы не разговаривали и лишь издали сухо кивали друг другу. Я был уверен, что президент палаты ждет только соответствующего повода. Это, впрочем, никак не влияло на мою активность в процессе. Например, я придумал очень интересный ход, благодаря которому неожиданно для всех нам удалось обойти одну из юридических схем, выстроенных обвинением в ситуации корпоративного спора, и поставить под сомнение законность участия Игоря Властимировича в этом деле в качестве представителя потерпевшего, что позволило защите существенно укрепить свои позиции.

Когда год спустя вице-президент АПСО по жалобе ГУ МВД по УрФО возбудил в отношении меня дисциплинарное производство. Я понял, что вот оно, началось и сейчас мне припомнят все мои проделки. С соответствующим настроением я пришел на заседание Квалификационной комиссии.

Однако там случилась полная неожиданность. После доклада вице-президента вдруг встал Игорь Властимирович и в пух и прах разгромил все доводы жалобы и представления. Из его выступления стало понятно, что он изучил ситуацию далеко за рамками материалов дисциплинарного производства, потому что ссылался на те обстоятельства дела, которые

не были отражены ни в жалобе, ни в моих объяснениях. В результате комиссия единогласно пришла к выводу об отсутствии в моих действиях признаков дисциплинарного проступка.

После заседания я впервые за год зашел к Игорю Властимировичу в кабинет спросить: а что это вообще было?

— Так а чего Вы от меня ждали? Я считаю Вас хорошим адвокатом, в данном случае Вы правы и действуете в интересах корпорации. Почему я должен был выступить против? А то, что мы спорим в процессе,— это наша работа и наша обязанность, и если бы Вы выполняли ее хуже, чем можете,— это и было бы дисциплинарным проступком.

Тут мне всегда вспоминаются слова Атоса из любимой детской книжки: «Так говорили и поступали воины древности, примеру которых должен следовать всякий благородный человек...»

Ну а что? В нас всех что-то осталось из детства.

* * *

Уже почти четверть века я сам адвокат. Как-то незаметно начал преподавать, выступать на курсах повышения квалификации и семинарах, в этом году Федеральная палата адвокатов выпустила сборник моих публикаций. И каждый раз, делясь своим опытом с коллегами, я понимаю, что это не только мой опыт,— это опыт Н. С. Дадамянц, А. М. Митина, И. В. Михайловича и множества других российских адвокатов, которые создавали мастерство и традиции и смогли передать их нам. А мы стараемся передать их следующим поколениям.

Менчикова Вера Владимировна

*Адвокат Адвокатской палаты
Республики Башкортостан, член
Башкирской республиканской коллегии
адвокатов (Мелеузовский районный
филиал)*

КУМИР МЫСЛИ

«Жизнь мертвых продолжается
в памяти живых»

Цицерон

В наши дни, когда в судебных прениях ежедневно произносятся однообразные скучные и не всегда убедительные речи, особенно актуальными стали слова, высказанные когда-то Карабчевским: «От внешней стороны речи требуется художественная цельность и целесообразная законченность».

Искусство ораторской речи в профессии адвоката отчасти дело творческое. Адвокату необходимо владеть логикой изложения и рассуждения, ораторскими приемами, методами убеждения. Появившиеся в результате Судебной реформы 1864 г. состязательность сторон, открытость и гласность позволяли присяжным поверенным и ходатаям производить свой «театр действий» в уголовных судах. Но тогда не было четких понятий адвокатской этики, существовал невысокий, на мой взгляд, ценз на вступление в профессию, а в судах обеспечивали защиту исключительно специалисты мужского пола, достигшие

25 лет. Женщины же получили возможность вступления в присяжные поверенные лишь в июне 1917 г. Но, увы, о мастерстве и ораторских приемах российской присяжной адвокатуры сегодня мы можем узнавать только из сборников и очерков, сочинений отдельных авторов, более точным из которых является К. К. Арсеньев—один из родоначальников российской адвокатуры, председатель Совета присяжных поверенных; он владел изящной словесностью, а его выступления украшали эффектные тирады.

Важность ораторского искусства в соответствии с судебными реформами выражается в необходимости образного и яркого судебного выступления. Ведь судебные реформы, проведенные в двухтысячных, обеспечены большей открытостью и прозрачностью правосудия благодаря цифровой современности, позволяющей узнавать о ходе рассмотрения дел через информационные ресурсы, где доступны картотеки дел, и дающей миллионам людей возможность по видеотрансляции, даже не находясь в самом судебном процессе, наблюдать, как мастерски адвокат апеллирует в заседаниях, или наоборот.

Очень важно, чтобы тебя не только заметили, но и услышали. Ведь зачастую к монотонной юридической лексике суды относятся с безразличием. Все устали от примитивных словосочетаний, буквальной теории и однотипных скучных выступлений. А вот умение говорить красиво, лаконично, последовательно и ярко—талант, и дан он не каждому.

* * *

Я помню, как в начале 2000 г., в свои 19 лет, готовясь стать адвокатом, пришла получать юри-

дический опыт в местный районный суд. Работая секретарем судебного заседания, я слышала много выступлений адвокатов, обращала внимание на их поведение в процессе. По истечении времени влюбилась в эту профессию еще больше и видела себя в будущем только и только адвокатом. И мои наблюдения на тот момент свидетельствуют, что адвокаты, пришедшие из обвинения и правоохранительных структур, однозначно отличаются от любых других. У этих адвокатов-«дезертиров», с учетом их предыдущей профессиональной деформации, всегда наблюдалась тенденция монотонных заученных выступлений, причем одна и та же речь в прениях могла быть идентичной и звучать сразу из уст нескольких адвокатов.

Но в памяти навсегда с тех времен до сегодняшнего дня остались выразительные, грамотные и интересные выступления только одного адвоката, который обладал универсальным, критическим складом ума, был идеальным гуманитарием и острым аналитиком, с первых слов вопроса оппонента уже видевшим «корень зла» в этом вопросе. Наблюдать за его выступлениями и суждениями было просто отдельным эстетическим удовольствием. Судебных заседаний с его участием я ждала, как премьеры какого-нибудь бестселлера, всегда с восторгом слушала его речевые обороты, демонстрировавшие логическое мышление, и уже после процессов, на «послевкусье», разбирала в протоколах судебных заседаний философию фразеологизмов, которыми он пользовался мастерски, на «отлично», иногда вводя в продолжительные раздумья не только всех участников процесса, но и самого председательствующего.

* * *

В одном из первых процессов в суде, когда я была секретарем, оглашался приговор в отношении мальчишки, которого брали под стражу в зале суда за кражу сельскохозяйственного скота. Для меня это тогда было настолько неожиданно, что я, растерявшись, расплакалась вместе с этим мальчишкой, когда в это время прокурор, поправляя свой китель, с улыбкой получал моральное удовлетворение.

— Но ведь это совсем несправедливо, Владислав Евгеньевич? Он же совсем еще ребенок, — вытирая руками слезы, обратилась я к адвокату Блохину после процесса.

— Эх, Киса. Мы чужие на этом празднике жизни, — подавая мне носовой платок, констатировал адвокат, процитировав фразу из сатирического романа «12 стульев».

В разных судебных процессах Владислав Евгеньевич Блохин пользовался афоризмами и изречениями писателей, политиков и политологов, государственных деятелей, философов, а иногда — красивыми речевыми оборотами из кинофильмов.

И из его любимых из процесса в процесс всегда помнились цитаты Цицерона: «Через сомнения приходим к истине, уважаемые», «Добродетель состоит в защите людей», «Даже у разбойников есть свои законы», «Высшая законность — это высшее беззаконие». И вся фразеология, которую мы можем слышать в фильме в исполнении актеров Миронова и Папанова, иногда саркастически звучала в судебных заседаниях, что придавало процессам определенный шарм и характер. Например, когда Блохин аккуратно сказал прокурору: «А я ведь тоже думал,

что всю контрабанду делают в Одессе, на Малой Арнаутской улице». Или когда он обратился к подставному свидетелю обвинения с вопросом «Знаете ли вы подсудимого?», тот в ответ «выдал» только минутное молчание, а Блохин продолжил: «Ну кто он, по-вашему? Может быть, гигант мысли, отец русской демократии и особо приближенный к императору, нет?»

На всех судебных заседаниях мой мозг, как губка, впитывал все самое интересное и крылатое из уст Блохина. Все его считали гуру ораторства, и, безусловно, равных ему не было, по крайней мере в том суде, в котором я тогда работала. Я даже иногда позволяла себе повторять его коронные «па».

* * *

Пройдет еще четыре года, я стану адвокатом, и вот с Блохиным мы уже коллеги. Он никогда не будет скупым на советы, будет всегда твердить мне, что человеческое общество связано и построено на общении, без него никуда, что так устроена жизнь. Он заверял, что я добьюсь больших успехов не только в специфике адвокатской работы, но и в личной жизни, учебе, если научусь хорошо говорить. Не просто говорить, а говорить красиво, доходчиво, четко, увлекательно, интересно и уверенно держаться перед аудиторией. Если научусь привлекать внимание не только своим внешним видом, но и манерой речи. И если буду стремиться быть высокоинтеллектуальной, эрудированной как в литературе, так и в искусстве, науке, политике, современном обществе. Тогда, заверял он, меня безусловно будет ждать успех.

Потом мы будем вместе еще много рассуждать и спорить, устраивать дебаты, проводить работу над ошибками и шутить. После заседаний я буду бежать к нему в кабинет, чтобы поделиться мыслями о сложном судебном процессе, а он мне задаст свой очередной вопрос «с подковыркой». «Ну что же ты, Вера, до сих пор не знаешь, почему Адам не развелся с Евой?» — «Нет», — отвечу я. — «И почему же?» — «Да потому, что Адам не нашел адвоката!» — засмеется он мне в ответ.

Пройдет еще несколько лет, и ковидные времена навсегда заберут моего кумира мысли в его всего лишь 58 лет в другую обитель, и я начну скучать.

* * *

После прожитого я как-то буду выступать с очень пронзительной речью в Верховном Суде, где прокурор все же отложит в сторону гудящий мобильник и обратит свой каменный взор на меня, а глухой потерпевший будет слушать внимательней любого из судейского состава. И мысленно констатирую словами Остапа: «Похоже, Вера, удар состоялся, заседание продолжается...» И уже на оглашении, обуздав обвинительный приговор так, что он был отменен, и гордо поднимая со лба копну своих каштановых кудрей, торжественно подытожу: «Лед тронулся, господа присяжные заседатели, лед тронулся»; «Счастье всегда приходит в последнюю минуту»; «Теперь командовать парадом буду я!»

Черных Тимофей Вячеславович

*Адвокат Адвокатской палаты
Свердловской области, член
Свердловской областной коллегии
адвокатов (Адвокатская контора
№ 6 г. Екатеринбурга)*

АДВОКАТЫ, КОТОРЫЕ НАВСЕГДА ОСТАНУТСЯ В ПАМЯТИ

Предисловие

20 ноября 1864 г. Император Александр II подписал закон об учреждении Судебных уставов, создававших институт присяжных поверенных в России и суды присяжных. Так, началась история появления и становления российской адвокатуры, о которой написано множество книг и которой посвящено достаточно монографий.

История адвокатуры Урала изучалась всегда в целом, комплексно и без исследований историй тех адвокатов, кто являлся представителями благородной профессии на определенной территории. Именно этот шаблон хочется нарушить и показать адвокатуру более близко.

Написанный очерк о прошлом, но в то же время — и о нашем настоящем. В Екатеринбурге многие помнят своих учителей по адвокатскому ремеслу и будут бесконечно им благодарны за перенятый опыт. Здесь хочется еще раз напомнить о великих адвокатах, которые навсегда останутся в памяти.

Для того чтобы написать это эссе, были исследованы документы архива Адвокатской палаты Свердловской области, архивные фонды Государственного архива Свердловской области (ГАСО) и Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), а также взяты интервью с родственниками адвокатов или учениками адвокатов.

Либерман Семен Харитонович

Семен Харитонович родился 5 сентября 1947 г. в Днепропетровске (бывш. УССР) в семье служащих. Стоит отметить, что Семен Харитонович являлся потомственным юристом.

С отличием окончил десять классов и в сентябре 1939 г. поступил в Днепропетровский медицинский институт. В октябре 1940 г. со второго курса был призван в ряды Красной Армии: службу проходил в Белостокской области (ныне — Белоруссия), в полковой школе инженерного батальона 6-го танкового корпуса.

С первых дней, с июня 1941 г. принимал участие в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков. Во время войны при отступлении Красной Армии в сторону г. Минска был пленен и отправлен в лагерь военнопленных. В июле 1943 г. совместно с другими красноармейцами совершил побег с земель Германии. Не успев дойти до реки Вислы в г. Торунь (ныне — Польша), будучи раненным, был схвачен немцами и снова отправлен в лагерь для военнопленных, откуда в 1944 г. совершил второй побег. Не добравшись до линии фронта, стал партизаном в Поморских лесах Польши. В январе 1945 г. при движении Красной Армии в сторону Берлина пополнил их ряды.

Согласно открытым сведениям интернет-ресурса «ПАМЯТЬ НАРОДА 1941–1945», в конце войны был стрелком 3-й стрелковой роты 1066 стрелкового полка 281 стрелковой дивизии.

Мужество и упорство помогли Семену Харитоновичу не только пройти всю войну, но не стать репрессированным в послевоенное время. Во время войны неоднократно подвергался многочисленным проверкам со стороны органов НКВД как бывший военнопленный красноармеец.

За время участия в военных действиях был неоднократно ранен. Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1945 г. награжден медалью «За Отвагу» за подвиг: *«...в боях 10–11 марта 1945 года из личного оружия уничтожил пять немцев и, ворвавшись в опушку леса, занятую противников, огнем гранат уничтожил пулеметную точку противника. Был ранен»*. Указом в том же году награжден медалью

«За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

В 1945 г. был демобилизован, не желая возвращаться к медицинской науке, в 1947 г. окончил филиал ВЮЗИ с красным дипломом. В январе того же года был принят в Свердловскую коллегия адвокатов в качестве стажера в юридическую консультацию Сталинского р-на г. Свердловска и начал постигать азы адвокатской деятельности. В 1951 г. — адвокат в юридической консультации № 6 г. Свердловска.

Семен Харитонович успешно провел много судебных процессов, в том числе был неравнодушен к общественной деятельности внутри адвокатуры: регулярно принимал участие в развитии адвокатского сообщества и адвокатуры в целом. По воспоминаниям коллег, он был не только асом адвокатского дела, но и хорошим коллегой-товарищем, у которого можно было спросить совета или обсудить предстоящее судебное дело. Семен Харитонович воспитал немало выдающихся адвокатов в г. Свердловске, будучи их наставником.

Стоит отметить, что, несмотря на все тяжести жизни и прошедшие события, Семен Харитонович оставался очень чутким человеком, деликатным, исключительно уравновешенным, внимательным к людям. В своей работе не давал консультаций без ссылок на закон: в подтверждение своих правовых советов брал действующий кодекс и читал для доверителей закон о правоотношениях, имеющих значение по юридическому вопросу.

До последних дней являлся адвокатом, отстаивающим права и свободы советских граждан. Умер 10 декабря 1977 г.

Беркович Бетти Абрамовна

Бетти Абрамовна родилась в октябре 1921 г. в г. Слуцке Минской области (бывшего БССР) в семье служащих. Детство провела в родном городе, но в 1930 г. поступила в среднюю школу г. Витебска.

В 1940 г. переехала в Москву, где начала учебу на первом курсе Первого московского медицинского института. Начавшаяся в 1941 г. война сильно изменила планы молодой студентки. Бетти Абрамовна в срочном порядке вернулась к своей семье в Витебск. Во время наступления немецких войск на город ушла из него в направлении Ржева с местным населением, чтобы не оставаться на временно оккупированной территории.

Во время военных действий на территории Тверской области Беркович в срочном порядке была эвакуирована в Кировскую область, в г. Санчурск, отку-

да была направлена в колхоз, находящийся в деревне Александровское. В 1942 г. поступила на работу в местный сельский совет в качестве заведующего отдела пропаганды и агитации, совмещая должность заведующего сельским местным клубом.

В сентябре 1942 г. поступила в Казанский юридический институт на вечернее отделение, попутно работая секретарем прокуратуры речного флота Казанского участка.

Спустя два года Бетти Абрамовна вернулась в Москву и продолжала учиться на третьем курсе Московского юридического института на дневном отделении, который успешно окончила в 1946 г. После окончания вуза вышла замуж и была вынуждена перебраться в Свердловск, так как муж работал на местном заводе.

Сразу после переезда на новое место Бетти Абрамовна подала документы на прием в состав Свердловской областной коллегии адвокатов. Президиум не с первого раза постановил оставить Беркович в пределах Свердловска. Первоначально планировалось направить молодую специалистку в область. Но благодаря стойкости, настойчивости Беркович и представителей Министерства юстиции РСФСР, Свердловская областная коллегия адвокатов все-таки оставила Бетти Абрамовну вблизи к городу, в штате юридической консультации в Верхне-Пышминском районе в СУГРЭС (вблизи Свердловска).

Несмотря на отдаленность от места жительства, оторванность от семьи, отсутствие постоянных средств сообщения и нормальных бытовых условий по месту работы, Бетти Абрамовна проработала в этом месте свыше года. Понесенные трудности

сказались на состоянии здоровья, и Беркович просила перевода обратно в Свердловск. В ноябре 1948 г. она выступила с открытым заявлением в Президиуме с критикой руководства палаты о недальновидности и нецелесообразности содержания юридической консультации в СУГРЭС, через которую прошли многие будущие коллеги по Орджоникидзевской консультации. Стоит отметить, что та храбрость, с которой выступала молодая Беркович на заседании, была отмечена членами Президиума. По итогу были приняты решения о переводе молодой специалистки в юридическую консультацию № 6 и о закрытии юридической консультации в СУГРЭС.

Так началась трудовая жизнь Бетти Абрамовны в стенах Юридической консультации № 6 г. Свердловска. За время работы она отметилась необычным уровнем профессионализма, требовательности к своей работе и дисциплины. По своим делам Беркович всегда вела большую досудебную подготовку, составляла объемные адвокатские досье и каждый раз тщательно готовилась к прениям с полным юридическим анализом доказательств по делу.

Попутно Бетти Абрамовна являлась внештатным лектором Кагановического райисполкома, активно участвовала в общественно-массовой работе палаты, а также регулярно проводила консультации на предприятиях и учреждениях в Орджоникидзевском районе г. Свердловска. Особое внимание уделяла профилактическим беседам с несовершеннолетними, регулярно интересуясь их образом жизни, условиями проживания и отношениями в семьях. В период выборов в Верховный Совет РСФСР и в местные со-

веты депутатов, трудящихся активно принимала участие в агитации на избирательных участках.

За время своей работы множество раз была награждена почетными грамотами, благодарственными письмами и денежными премиями. Неоднократно в адрес палаты приходили благодарственные письма от доверителей выдающегося адвоката. Как и многие коллеги, была несменным членом общества «Знание» и нередко принимала участие в сборке урожая и субботниках. В 1965 г. за активное участие в работе районного общественного университета правовых знаний была награждена почетными грамотами Президиума и Орджоникидзевского районного комитета КПСС.

23 июля 1968 г. Беркович была одобрена поездка в Венгрию и Югославию в качестве туриста.

На протяжении всей адвокатской жизни Бетти Абрамовна поддерживала коллег и передавала опыт молодым поколениям. Именно Беркович внесла большой вклад в подготовку молодых специалистов юридической консультации № 6 Орджоникидзевского района г. Свердловска, на протяжении длительного времени она являлась руководителем стажировки многих впоследствии известных адвокатов.

Своим ученикам Бетти Абрамовна пыталась донести особое отношение к своей профессии, говорила о том, что адвокатура — это дело жизни, любимое дело и нельзя относиться к адвокатуре иначе.

По воспоминаниям коллег, Бетти Абрамовна в любом процессе была оратором и мастерски владела словом. Анализировала условия жизни подсудимого, раскрывая подробно обстоятельства, имеющие значение по уголовному делу. Выступала исклю-

чительно эмоционально, умея подать свои эмоции в качестве дополнительного аргумента защиты. Этим она отличалась от других адвокатов.

В январе 1994 г. ушла на заслуженную пенсию и собиралась уехать в столицу к родственникам. По воспоминаниям «старожил», коллектив Орджоникидзевской конторы устроил большие проводы для Бетти Абрамовны в Москву. В закромах личных архивов остались видеокдры о том, как весь коллектив провожал заслуженную адвокатессу в Москву.

Ушла из жизни 13 марта 1997 г.

Иткин Михаил Иванович

Михаил Иванович родился 12 декабря 1919 г. в многодетной семье мелких торговцев. Уроженец г. Велиж Смоленской области. Все детство будущего адвоката прошло в родных краях.

В 1930 г. семья временно переезжает в Крым в г. Симферополь. Но уже спустя несколько лет отец

семейства возвращается в родной Велиж, а Михаил Иванович остается в Симферополе и начинает учиться в местной школе. После успешного окончания начальной программы, Михаил Иткин возвращается к отцу и поступает в 1936 г. в Смоленский педагогический институт, который окончит спустя два года. Стоит отметить, что многие из его родственников в последующем свяжут свою жизнь с юридической наукой.

Великая Отечественная война застанет Михаила Ивановича на службе. В 1939 г. он был призван в ряды Советской армии и проходил службу в г. Гайсин Винницкой области. Именно его подразделение одним из первых примет участие в боях летом в 1941 г. с немецко-фашистскими захватчиками. Боевой путь Михаила Ивановича проложен через всю Родину. Он примет участие в самых кровопролитных сражениях, однако неоднократные ранения и контузия, полученная в 1944 г., не позволят ему продолжать участвовать в военных действиях.

Согласно открытым сведениям интернет-ресурса «ПАМЯТЬ НАРОДА 1941–1945», Михаил Иванович принимал участие в боях в составе 52-го гвардейского артиллерийского полка 18-й гвардейской стрелковой дивизии в должности командира огневого взвода. За мужество и героизм, проявленный на фронте, награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени, а также иными медалями.

В 1944 г. был демобилизован из рядов Советской армии по состоянию здоровья, будучи инвалидом войны. На момент проживания в Свердловске поступает в Свердловский юридический институт, па-

раллельно работая в нем в должности заместителя директора по административной части.

Окончив юридический вуз, Михаил Иванович 7 января 1947 г. подает заявление в Свердловскую областную коллегия адвокатов с просьбой принять его в члены коллегии. В конце января того же года его направляют стажером адвоката в консультацию Молотовского района (ныне Верх-Исетский район г. Екатеринбурга) при Областном суде для прохождения стажировки. Руководитель практики—адвокат Осипов отметит, что Михаил Иванович имел большие познания в области уголовного и гражданского права.

После успешно пройденной стажировки Михаил Иванович продолжит адвокатскую деятельность в юридической консультации, где проходила практика. Стоит отметить, что путь к профессионализму порой тернист: в 1949 г. Михаил Иванович Иткин чуть не был отчислен из Свердловской областной коллегии адвокатов «за некачественное выступление по делу Белова». Дополнительно, при исполнении обязанностей заместителя юридической консультации Молотовского района им были допущены нарушения. Но человек учится лишь на собственных ошибках и становится профессионалом своего дела. Справедливости ради, все дисциплинарные взыскания в последующем были сняты.

В том же году Михаил Иванович неоднократно просил перевода в г. Новосибирск к своим родственникам для продолжения осуществления адвокатской деятельности. Но на все прошения был получен отказ. Смена места жительства не было весомым аргументом для переезда и отчисления из членов коллегии.

Вместо переезда Михаилу Ивановичу было предложено стать заведующим юридической консультацией Орджоникидзевского района г. Свердловска. Так началась новая глава адвокатской жизни адвоката. Работая заведующим, он показал себя хорошим организатором, демонстрируя высокий уровень профессионализма при решении возникающих профессиональных вопросов. В должности заведующего Михаил Иванович проводил большую общественно-массовую работу среди населения района по пропаганде советских законов, за что регулярно был отмечен благодарностями и почетными грамотами. На время отсутствия Михаила Ивановича на рабочем месте заведующим юридической консультации был его друг и выдающийся коллега Семен Харитонович Либерман.

Невозможно обойти без внимания одно из лучших дел адвоката. 25 января 1949 г. на территории Кировоградского государственного медеплавильного завода им. С. М. Кирова произошел несчастный случай, повлекший за собой смерть двух заключенных ИТК № 20 МВД СССР, работавших на производстве. Следственными органами были возбуждено уголовное дело в отношении начальника цеха Ю. М. Утробина по ч. 3 ст. 133 УК РСФСР. Первоначально народным судьей 2-го судебного участка г. Кировограда Свердловской области Ю. М. Утробин был признан виновным и приговорен к двум годам лишения свободы. Впоследствии приговор был отменен, а дело передано на новое рассмотрение в ином составе. Защиту в суде стал осуществлять Михаил Иванович Иткин. Детально ознакомившись с делом, правильно выстроив линию защиты, он

смог доказать невиновность начальника цеха в несчастном случае и непричастность завода к гибели заключенных. За выдающуюся работу Михаил Иванович Иткин был занесен на доску почета как один из выдающихся адвокатов Свердловской областной коллегии адвокатов.

Михаил Иванович принимал активное участие в организации мероприятий по проведению 40-летия советской адвокатуры. В 1965 г. был награжден почетной грамотой Орджоникидзевского РК КПСС за активное участие в работе районного общественного университета правовых знаний. Во время работы регулярно направлялся в составе делегации Свердловской областной коллегии адвокатов в другие субъекты для изучения работы адвокатов по оказанию юридической помощи колхозам, совхозам и отделам социального обеспечения в порядке обмена опытом. В 1970-х был членом общества «Знание», в котором регулярно принимал участие в проведении культурно-массовых мероприятий, направленных на юридическое просвещение населения. Деятельность заведующего отмечало не только адвокатское сообщество, но и Министерство юстиции РСФСР, за что Михаил Иванович Иткин неоднократно получал почетные грамоты государственного учреждения.

Стоит отметить, что Михаил Иванович был бесменным заведующим адвокатской конторы № 6 г. Свердловска. В советские времена именно благодаря его заслугам, организации рабочего процесса, подходу к профессиональному делу и отношению к адвокатуре, по результатам социалистических соревнований адвокатская контора № 6 занимала лидирующее место в Свердловске. За что и была удостоена зва-

ния «краснознаменной». Документы о награждении и по сей день хранятся в архиве адвокатского образования.

В 1991 г. принял решение оставить должность заведующего, а через пару лет вышел на заслуженную пенсию. Впоследствии Михаил Иванович Иткин совместно с женой Беллой Ивановной эмигрировал в Америку.

Умер 15 марта 2000 г. в Америке.

Заключение

Адвокатские традиции — это основа в воспитании молодого поколения адвокатов. Вспоминая великих адвокатов нашей адвокатской конторы, хочется лишний раз напомнить коллегам о преемственности поколений, о тех ценностях, которые были заложены много лет назад нашими учителями. О необходимости сохранять историю своих адвокатских образований, передавать опыт молодым адвокатам и помнить, что адвокатура — это не просто институт гражданского общества — это все мы как одно целое.

ЖЕНЩИНЫ В АДВОКАТУРЕ

Арбатская Алина Иннокентьевна

*Адвокат Адвокатской палаты
Иркутской области, член Коллегии
адвокатов «Союз юристов Иркутской
области»*

ИРКУТСКАЯ АДВОКАТУРА: ЖЕНСКОЕ ЛИЦО, МУЖСКОЙ ХАРАКТЕР

В настоящее время невозможно представить российскую адвокатуру без женщин-адвокатов, ведь адвокатское сообщество строилось в том числе женщинами с сильным характером, которые своей настойчивостью разрушали сложившиеся в то время в обществе предрассудки.

Еще древнеримский юрист Папиниан говорил, что в силу пола женщинам запрещается выступать в суде по делам других лиц. И смысл запрета в том, чтобы женщины не вмешивались в чужие дела вопреки стыдливости, соответствующей их полу, чтобы они не брали на себя мужских обязанностей.

Добиться уважения и признания женщинам в до-революционной России было непросто, а стать присяжным поверенным — невозможно.

Путь русских женщин в адвокатуру не был легким. Запрет на получение высшего образования, запрет на представление интересов в суде — именно с такой реальностью сталкивались женщины в XIX в.

В 80–90-х годах XIX в. в газетах Иркутской губернии появились первые упоминания о женщинах-поверенных, представлявших интересы граждан в судах. В тот период времени ими как восхищались, так и подвергали их критике, но мало кто оставался равнодушным.

Как же так получилось, что, несмотря на все запреты, в Иркутске возникла женская юридическая практика?

Для того чтобы стать присяжным поверенным и представлять интересы доверителей в суде, требовалось юридическое образование, которое в XIX в. было недоступно представительницам женского пола, в связи с чем о допуске женщин в суды стали говорить лишь после появления в 1874 г. института частных поверенных.

Требования, предъявлявшиеся к частным поверенным, не были детально определены, по действующему законодательству частным поверенным могло стать любое лицо, имеющее право представлять в суде чужие интересы, что и стало отправной точкой для осуществления женщинами юридической практики.

Участие женщин в судах вызвало широкий общественный резонанс, многие отрицательно отреагировали на такое положение дел. И уже в 1875 г. министром юстиции был издан циркуляр, запретивший выдавать свидетельства на право хождения по чужим делам лицам женского пола. В 1876 г. положение

о частных поверенных Учреждения судебных установлений было дополнено статьей, гласившей, что женщины не могут получать звание частного поверенного.

Судебные уставы 1864 г. в отдаленных регионах Российской империи вступали в силу гораздо позднее, чем в центральных.

В Сибири вплоть до 1896 г. действовало дореформенное законодательство, которое позволяло женщинам быть представителями в судах.

Наличием законодательного пробела воспользовалась и домашняя учительница Валентина Леонтьевна Кичеева, которая в течение многих лет отстаивала свое право ходатайствовать в суде.

Свой путь в юриспруденцию Валентина Леонтьевна начала с осуществления юридической практики в Енисейской губернии, затем продолжила свою деятельность в Иркутске. Территориальная отдаленность Сибири от Европейской России позволила Валентине Леонтьевне на протяжении 11 лет, до 1896 г., успешно выступать в судах по уголовным и гражданским делам.

В 1893 г. Валентина Леонтьевна предъявила в Иркутский губернский суд иск о взыскании с М. Д. Бутина 24 000 рублей. Данный процесс нашел широкое освещение в прессе, поскольку суд возбудил вопрос о праве В. Л. Кичеевой ходатайствовать по делам, хотя она была опытным поверенным, поскольку осуществляла юридическую деятельность на протяжении 8 лет.

19 февраля 1893 г. суд постановил: В. Л. Кичееву к дальнейшему ходатайству по делам, заведенным по доверенностям разных лиц, не допускать. Однако

Валентина Леонтьевна продолжила бороться за возможность отстаивать интересы доверителей, обжаловав в Сенат решение суда, и добилась его отмены. В 1896 г. ее карьера завершилась, поскольку в Сибири вступили в действие Судебные уставы, не позволявшие женщинам заниматься представительством в судах.

Двадцатое столетие в России ознаменовалось важными историческими событиями — от Первой мировой войны до распада Советского Союза, глобальной трансформацией в обществе, которая, безусловно, коснулась и адвокатуры. В этот период произошли важные социальные изменения, из которых самым значимым стало установление для женщин равных с мужчинами прав во многих сферах общественной деятельности, в том числе и в адвокатуре.

Возможность для женщин наряду с мужчинами осуществлять адвокатскую деятельность появилась в связи с изданием Временным правительством 1 июня 1917 г. постановления «О допущении женщин к ведению чужих дел в судебных установлениях», а в последующем — принятием 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Советом Народных Комиссаров РСФСР Декрета о суде, упразднившего присяжную и частную адвокатуру и закрепившего право выступать в суде в качестве защитников и поверенных «всем непопеченным гражданам обоего пола, пользующимся гражданскими правами».

26 мая 1922 г. постановлением ВЦИК РСФСР было утверждено Положение об адвокатуре. Именно с этой даты ведет свой отсчет советская профессиональная адвокатура.

10 августа 1922 г. на заседании Президиума Иркутского губернского Исполнительного Комитета утверждена Коллегия защитников, среди первых членов которой нет женских имен, и лишь спустя время женщины-адвокаты начали пополнять ее ряды.

Так какое оно, женское лицо иркутской адвокатуры советского и постсоветского периода?

Лучшей иллюстрацией будет судьба двух женщин — таких разных и в то же время таких похожих, похожих своим призванием, своей преданностью делу, которому они посвятили жизнь, своей искренней любовью к адвокатуре.

Одна из них — Генриетта Владимировна Цирлина.

«Толчком к выбору профессии бывают сильные переживания детства, травмы души. У сибирской девчонки эти удары случились с потерей отца, работника «Восточно-Сибирской правды», репрессированного, расстрелянного в 1938-м и реабилитированного в 1956 г. Все эти годы, естественно, у девушки росло в душе желание справедливого восстановления порядка на семейно-общественном небосклоне. Это и привело ее на студенческую скамью Иркутской юридической школы», — пишет во вступлении к книге о Генриетте Цирлиной заслуженный юрист России Юрий Машкин.

Родилась Генриетта Владимировна 19 июля 1923 г. в городе Чите. В 1934 г. семья переехала в Иркутск, где отец стал работать журналистом газеты «Восточно-Сибирская правда». В 1938 г. его арестовали, объявив врагом народа. 15-летняя Генриетта, ее младшая сестренка и беременная мама остались без средств к существованию. О судьбе отца было ничего не известно. Как не пыталась она узнать

хоть какую-нибудь информацию, каждодневно набирая номер НКВД, в ответ ей говорили одно — «Идет следствие», а вскоре и вовсе перестали сообщать какие-либо сведения. Для того чтобы помочь своей семье выживать в таких сложных условиях, Генриетта стала подрабатывать на аптечном складе. Там она познакомилась с эвакуированным с запада юристом. Когда она узнала об особенностях юридической работы, у нее появилась мечта — получить образование в данной сфере, которое поможет в поисках отца и, возможно, в сборе доказательств его невиновности. Это и стало основным критерием при выборе будущей профессии.

Окончив юридическую школу, Генриетта некоторое время работала старшим ревизором по адвокатуре и нотариату, где приобрела юридический опыт, позволивший ей поступить в Юридический институт. В период обучения Генриетта Владимировна познакомилась со своим будущим мужем Львом Фадеевичем, вышла за него замуж, у них родилось двое сыновей — Аркадий и Владимир, которые в последующем пошли по ее стопам. Окончив Юридический институт, она переехала в Бурятию, где и начала свою адвокатскую деятельность. Но ее ожидал новый удар судьбы: в соответствии с приказом министра юстиции РСФСР она была выведена из состава коллегии адвокатов, а ее муж — уволен из прокуратуры. Все, что с таким трудом создавалось, рушилось на глазах из-за того, что она — дочь врага народа.

Но трудности не сломили, а только укрепили и закаляли характер Генриетты Владимировны. Ей необходимо было вернуть отцу честное имя, и в 1956 г. Генриетта Владимировна наконец доби-

лась своего — отец был реабилитирован, а ей возвращен статус адвоката с распределением в Иркутскую коллегию адвокатов.

Вся жизнь Генриетты Владимировны была борьбой за право заниматься любимым делом, борьбой за честное имя отца. Эти годы не прошли даром, они научили ее быть внимательной и отзывчивой к чужой беде, приходить на помощь, отдавая все свои силы ради чужих интересов на протяжении более пятидесяти лет.

Генриетта Владимировна за многолетний труд награждена Золотой медалью имени Плевако и удостоена высокого звания «Заслуженный юрист РФ», является автором книги «Защита — это борьба».

Вторая женщина-адвокат, сыгравшая немаловажную роль в становлении и развитии иркутской адвокатуры, — Фрида Абовна Скоробогатова.

«Моя жизнь была связана со многими людьми. Порой надломленными, порой окончательно сломленными, а порой, к счастью, с людьми, которых можно было уберечь от ударов судьбы. Работая, помогая людям, я не могла быть спокойной, а тем более равнодушной. Судьба каждого человека оставляла в душе глубокий след», — пишет Фрида Абовна в своей книге «Гражданка адвокат».

Родилась Фрида Абовна в конце 30-х гг. прошлого столетия в городе Иркутске, с которым она связала всю свою жизнь. Ей пришлось пройти сложный, полный трудностей и лишений путь. Было все — война, голод и холод, но это не помешало ей преодолеть препятствия и состояться в жизни.

При поступлении в университет на юридический факультет Фриде Абовне не хватило двух баллов, но

она не стала терять время и устроилась работать делопроизводителем в суд второго участка Кировского района. Она с интересом читала все уголовные и гражданские дела, за каждым из которых стояла судьба человека. Но особый интерес вызывали у нее адвокаты: она восхищалась их знаниями, эрудицией, умением поддерживать разговор не только на правовые темы, от них исходило сострадание и любовь к человеку. «Именно в суде я познакомилась с грамотным судьей, прекрасным человеком, как говорится, судьей от Бога — Георгием Федоровичем Квитинским, который позже стал адвокатом. Он был рецензентом моей дипломной работы. Светлую память о нем я сохранию навсегда», — вспоминает Фрида Абовна моего прадедушку на страницах своей книги.

Мысли об адвокатской деятельности у Фриды Абовны возникали еще в период работы в суде, но неуверенность в себе не позволяла сделать решительный шаг в сторону адвокатуры. Тем не менее ее упорство и знания, пылкий ум позволили ей осуществить свою мечту. И вот 7 января 1964 г. она — адвокат. За сорок лет работы сквозь ее жизнь прошло немало людей с искалеченными судьбами, и каждому она стремилась помочь всем сердцем и душой.

Фрида Абовна — ветеран труда, делегат Первого и Второго Всероссийских съездов адвокатов России, награждена медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени, автор книг «Гражданка адвокат», «И шла моя душа босой по битому стеклу».

История становления в профессии двух неординарных женщин, внесших весомый вклад в историю иркутской адвокатуры, безусловно, заслуживает внимания и является ориентиром в профессии как

для молодых, так и для более опытных адвокатов, которым посчастливилось работать с выдающимися представительницами адвокатской профессии.

Будучи настоящими профессионалами, они в полной мере владели юридическим арсеналом, проявляли твердость характера, не отступали перед трудностями, но в то же время всегда оставались женщинами с присущими им добротой, состраданием и милосердием, являясь адвокатами с женским лицом и мужским характером.

Иркутские женщины-адвокаты, такие слабые, но при этом такие сильные, прокладывали дорогу новым возможностям и открывали новые горизонты в адвокатуре. Их первые смелые шаги разрушали сложившиеся стереотипы, вдохновляли последующие поколения адвокатов, вселяя уверенность в том, что стойкость и преданность адвокатской профессии могут изменить не только судьбу отдельного человека, но и историю.

Рыжков Андрей Иванович

*Адвокат Адвокатской палаты
Запорожской области, член
Запорожской областной коллегии
адвокатов*

ЗАБЫТЫЙ ГЕНИЙ ЗЕМЛИ ЗАПОРОЖСКОЙ

«...В условиях 1919 года, на юге России, без пользования новейшей европейской литературой, ей удалось написать интересную, содержательную книгу, юридический анализ которой тесно связан с общей концепцией демократического правотворчества...»

*Ануфриева Людмила Петровна,
2005 г., доктор юридических наук,
профессор кафедры международного
права Московского государственного
юридического университета имени
О. Е. Кутафина (МГЮА)¹*

— Это Ваша родственница? — слышу не впервые один и тот же вопрос от восхищенных доверителей, узревших старинный, распечатанный на обычной

¹ Ануфриева Л. П. Международное публичное право: Учебник. М.: Проспект, 2005. С. 73 // https://vuzlit.com/1471493/otechestvennaya_nauka_mezhdunarodnogo_prava_sovremennyy_etap_razvitiya

форматной бумаге и помещенный в рамку одинокий образ молодой Женщины.

— Нет, к сожалению, не родственница, — лукаво отвечаю я, оставляя еще больше вопросов-загадок в умах своих посетителей, наподобие «кто» и «почему»...

...Ежедневно, на протяжении несколько месяцев, заходя в свой кабинет, мы сталкиваемся с этой Женщиной взглядами — ее молчаливый и спокойный взор остужает мою холеричность и вселяет в меня спокойствие Сфинкса. Наверное, многим покажется странным выбор настенного женского образа для мужчины — не политического деятеля, не партийного функционера, не военачальника или любой иной знаковой личности — этот Образ для меня как олицетворение профессиональной крестной матери-вдохновительницы и вопрошательницы за проделанную на юридическом поприще работу. Еще больше придает сил осознание того, что этот Образ — Образ твоей гениальной Землячки, которая так же, как и ты, ходила по земле Запорожской, любовалась пейзажами Днепра и полями Таврии, смотрела на звездное небо Дикого поля, мечтала, переживала, думала, размышляла и добивалась Правды — однако по неизвестной причине ушедшей в забвение земляков, даже не оставив своего имени в названиях улиц, скверов или переулков. Из-за консервативных устоев Российской империи и антиеврейской правительственной позиции Она не стала даже адвокатом, но в своих изданиях осуществила огромный вклад в развитие юридической науки и оставила открытыми вопросы, которые будоражат ученые умы и по сей день. И каждый раз, после своего «нет, к сожа-

лению, не родственница» и непродолжительной паузы, я начинаю свой рассказ постепенно изумляющемуся посетителю, ощущая невероятное удовлетворение от того, что в какой-то степени не позволяю уйти в забвение этой Женщине...

Елена Абрамовна Гинзбург родилась в 1884 г. в селе Михайловка Таврической губернии (ныне — Запорожская область), в многодетной еврейской купеческой семье. Все детство Елены прошло в отчем доме, где ее и воспитывала няня Параня — именно последней приписывают влияние на то, что девочка выросла отзывчивой, доброй и внимательной. Через некоторое время няня оставила купеческую семью, однако Елена продолжила общаться с Параней письмами — отвечая на письма няни, Елена всегда вкладывала деньги для своей воспитательницы. Няня навсегда оставила в душе Елены глубокий след — всю жизнь она помнила слова «Нужно быть доброй»: вид старенькой бродяжки, беспризорного ребенка, слепых калек-прохожих всегда смущал девочку, и она всегда старалась им чем-нибудь помочь.

В шесть лет девочка уже хорошо читала, в семь она пошла в школу. Способности к обучению проявились практически сразу, и учительница говорила родителям: «Вашей Елене нужны отдельные уроки: в школе ей скучно, средние дети задерживают ее успехи...». В это время ее любимыми книжками стали «Хижина дяди Тома» и «Маленький лорд Фаунтлерой». Увлечение книгами стало следствием того, что девочка уже в девять лет начала писать произведения чрезвычайно красочной речью — учительница показывала эти произведения другим ученикам и говорила: «Будет писательницей».

Когда Елене исполнилось одиннадцать лет, ее повезли поступать в третий класс Феодосийской гимназии. Экзамены девочка выдержала с честью, но родители все-таки не осмелились ее там оставить и вернулись домой, в Таврическую губернию: в этот период Елена начинает читать еще больше, а ее учителем стает политический изгнанник, который вернулся из Сибири, — не удивительно, что любимым героем девочки стает «народ-страдалец».

В двенадцать лет Елена сдает экзамены в Николаевскую гимназию, где ее принимают в четвертый класс. Обучение в гимназии было суровым и сухим: мнение учителей выражалось только в оценках, которые нередко хранились в тайне от учениц до окончания «четверти», — ни о каком «живом» общении с ученицами речи не могло и быть. В гимназии доброта девочки и желание помочь ближнему проявляются в помощи тем, кому обучение давалось нелегко, — каждую письменную работу она выполняла в четырех экземплярах: один — для себя, три — для слабоуспевающих одноклассниц.

Окончив гимназию, Елена два года живет в родном селе, усиленно занимается самообразованием, готовит группу девочек к экзаменам в местную гимназию.

В 1901 г. семья Гинзбургов покидает Таврическую губернию и переезжают в Киев — здесь Елена занимается частными уроками, продолжает самообразование и становится членом кружка права, определив этим свое будущее. Первый реферат в кружке посвящается «женщине-преступнице». Также она интересуется вопросами социального неравенства женщин и серьезно работает над этим.

Для получения достаточных юридических знаний, Елена в 1904 г. решает ехать в Париж. По ее инициативе организовывается кружок по изучению социальных наук и истории революций, позже поступает в Школу права Еколь де Друа, где и изучает юриспруденцию до 1907 г., на курсе которого учатся всего пять женщин; позже она знакомится со своим будущим мужем А. В. Гальпериным, и после бракосочетания носит фамилию Гальперин-Гинзбург.

Вернувшись домой, Елена Абрамовна в 1909 г., наряду с иными женщинами, пробовала вступить в адвокатскую корпорацию: попытку также предприняли Я. С. Подгурская, М. М. Гиршман, Л. А. Бубнова, Н. Л. Щербакова, Е. А. Флейшиц, А. Г. Ярошевская, И. Г. Пшеничная, Л. П. Рушковская, Л. А. Богородицкая, О. А. Вегер, М. А. Илговская. За исключением Елены Абрамовны, перечисленных принимали в помощники присяжных поверенных органы корпоративного самоуправления адвокатуры — советы присяжных поверенных, но затем данные решения отменяли судебные палаты. Юридическим основанием для отказа большинству было постановление Сената от 13 ноября 1909 г., запрещавшее женщинам адвокатскую деятельность в окружных судах, а законопроект о разрешении женской адвокатуры, одобренный 23–24 мая 1912 г. Государственной Думой, 23–24 января 1913 г. ожидал провал в Государственном Совете.

Женщины, которым было отказано в адвокатской практике, безусловно, составляли передовой отряд российских юристок. Авторитета им добавляло то, что многие из них, как и Елена Абрамовна, до отечественных окончили иностранные университеты (Я. С. Подгурская, М. М. Гиршман, Л. А. Бубнова,

Е. А. Флейшиц, И. Г. Пшеничная). Благодаря совершенным ими смелым действиям они вызывали уважение к себе и становились флагманами борьбы за равноправие полов.

Поскольку судебная деятельность для россиянок с дипломами правоведов оставалась закрытой, большое значение для доказательства способностей к юридической деятельности имели достижения подданных женского пола на других поприщах юриспруденции. Отдельные из тех, кого называли «адвокатессами», обратились к научной деятельности: так, Елена Абрамовна была избрана членом университетского Киевского юридического общества по отделу обычного права и своими трудами внесла существенный вклад в осмысление важных правовых вопросов. В это же время Елена Абрамовна начинает свою журналистскую деятельность в Киеве: сотрудничает в ежедневной политической и литературной газете «Киевские мысли» и журналах «Уголовное право и процесс» и «Журнал Министерства юстиции», а также становится основательницей и активной деятельницей организации «Лига защиты детей».

Безусловно, Елена Абрамовна в дальнейшем могла бы стать выдающимся действующим женщиной-адвокатом, как, например, и ее коллега Екатерина Абрамовна Флейшиц, ставшая в советское время выдающимся цивилистом: тем более вопрос о допуске женщин в поверенные с началом Первой мировой войны приобрел новую остроту. Однако быстрое продвижение немцев вглубь страны в первый же год войны заливают беженской волной Киевскую губернию. Тысячи беспризорных детей заполняют города и вокзалы, а эпидемии косят бесчисленных

жертв. В обществе небольшого кружка передовых общественных деятелей и педагогов Елена Абрамовна выработывает устав Лиги Защиты Детства; организовывает торжественное собрание в большом зале заседаний Городской Думы; яркие выступления членов учредителей привлекают внимание всех общественных кругов. Общество утверждается и начинает работу, открывая несколько типов детских учреждений для разного возраста; бюро для справок о детях-беженцах; коллегии дежурных на вокзале и образцовую библиотеку-читальню с клубом, которыми руководят общественные деятели и педагоги.

Бьет ключом общественная жизнь. Начинается борьба направлений, резко дифференцируются политические партии. Последняя попытка наступления на фронте; геройская гибель отборных частей и, наконец, Октябрьский переворот — все события переживает Елена Абрамовна горячо и активно. Немецкая оккупация Украины весной 1918 г., появление германских касок на улицах Киева вызывают в ней глубокий протест: ни один российский город со дня революции не переживал стольких потрясений, сколько выпало на долю Киева — в течение трех лет, с 1917 до 1920 г., город подвергался восьми бомбардировкам из тяжелых орудий и шестнадцати сменам правительств. Эксцессы сопровождали каждую смену: расстрелы, грабежи и насилия.

Работа над теоретической книгой умеряет нервную порывистость и наполняет объективным спокойствием. В августе новая смена правительства: приход добровольческой армии. Краткая надежда на государственный порядок и быстрое разочарование

под впечатлением нахлынувших погромов, грабежей и дикого офицерского разгула.

В марте 1921 г., после переездов в Одессу, потом в Киев, а далее — в Москву, ей с мужем удается уехать за границу. Полная радостного напряжения, Елена Абрамовна остается в Берлине. Культурная обстановка остывающей после войны Европы, библиотеки, близость всемирной науки, столь долгожданная возможность отдаться работе возбуждают и усиливают энергию. Но покоя Елена Абрамовна не знает — все мысли с теми, кто остался на родине: не успела порадоваться, не могла отдохнуть; уже новые заботы терзают душу; новые проекты помощи заполняют мысли. Уже не радует окружающий комфорт и культура; все мысли в России с голодными; каждое письмо с родины наполняет страданием; каждая газета вызывает душевную бурю: «Нужно спасти остатки: ученых, педагогов, общественных деятелей, чего бы это ни стоило; нельзя жить спокойно, — повторяет она. — Может быть, мне было легче, пока я делила общую российскую участь, и я еще не знаю, смогу ли здесь долго остаться — никакая работа здесь не заполнит пустой души».

Внимание Елены Абрамовны занимает и деятельность Лиги Наций — она работает над книгой, посвященной международному влиянию этой организации, деятельности которой придавала большое значение еще во время войны. Одновременно готовится к циклу лекций в Парижском народном университете и горячо радуется предстоящему посещению любимого города: «Я каждый закоулок его люблю душевно», — пишет она в одном из своих писем в Париж.

...1922 г. Истощенный организм, крайнее напряжение нервной системы стали почвой для смертель-

ных осложнений в легких и воспаления сердечной оболочки. Семь недель тяжких страданий выявляют всю глубину духовной красоты. Дни и ночи в бреду беспрестанно говорит она о родных, о знакомых, о голодных в России. Нельзя успокоить, нельзя убедить не думать о других хотя бы только на время болезни.

Доброта и самоотверженность в последний год жизни достигли земного предела. Дальше нельзя было жить. Необходим был покой. И добрая, нежная до конца, энергичная, действенная еще накануне, уснула тихая, улыбающаяся с печатью удовольствия от покоя и отдыха, которого совсем, совсем не знала при жизни...

...Спустя несколько десятилетий, после долгих поисков на бескрайних просторах интернет-паутины, перечитываю многочисленные труды Елены Абрамовны Гальперин-Гинзбург. И если бы не пожелтевшие страницы с дореволюционной грамматикой и терминологией, то у меня осталось бы неизгладимое мнение, что я изучаю труды вполне современных ученых о проблемах международного, уголовного и гражданского права; обмене военнопленными и недозволенных средствах войны; морской войне и блокаде; детской беспризорности, преступности, труде и отдыхе; оправдательных приговорах и врачебной этике; научно-судебной экспертизе, преступлениях печати, тюремного патроната и о многих других проблемах, вполне актуальных в нашем, XXI, веке. Однако эти строки вышли из-под пера не ряда выдающихся ученых, а всего лишь одной хрупкой, но жизнелюбивой Женщины с короткой, но яркой Судьбой. Значительная часть в трудах Елены Абрамовны

уделялась и роли Женщины в обществе — Женщины-Матери, Женщины-Адвоката, Женщины-Крестьянки, Женщины-Работника, Женщины-Личности...

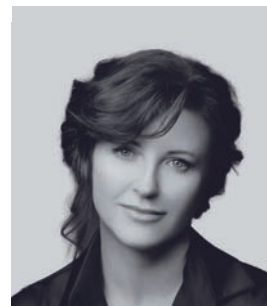
...2022 г., Российская Федерация.

Спустя ровно 100 лет после смерти Елены Абрамовны Гальперин-Гинзбург, Федеральную палату адвокатов Российской Федерации впервые с даты ее образования возглавила ЖЕНЩИНА. Адвокатскую палату вернувшейся в состав Российской Федерации Запорожской области также возглавила ЖЕНЩИНА, с именем Героини моего эссе — ЕЛЕНА, которая приложила титанические усилия для ее присоединения к всероссийской правовой системе. Вице-президент Палаты — тоже ЖЕНЩИНА; первый адвокат, выступивший в судебном заседании по рассмотрению уголовного дела в только что созданном федеральном суде в Мелитополе — ЖЕНЩИНА. Именно ЖЕНЩИНЫ, сумевшие преодолеть в сложной политической ситуации тернии и барьеры недопонимания и упреков, создали прочный фундамент современной архитектуры адвокатского сообщества Запорожской области. И они сегодня, так же как и их Великая Землячка 100 лет назад, живут на земле Запорожской, любят пейзажами Днепра и полями Таврии, смотрят на звездное небо Дикого поля и мечтают, переживают, думают, размышляют и добиваются Правды...

Литература и другие материалы

1. Материалы музейного фонда Михайловского районного краеведческого музея имени Д. Е. Оноприенко.

2. Периодическое издание «Михайловские новости» от 27 апреля 2019 г., автор — О. И. Калугина.
3. *Гальперин-Гинзбург Е. А.* Под знаменем права. Сборник статей. Берлин, 1923.
4. *Гальперин-Гинзбург Е. А.* Мировая война и судьбы международного права, 1915.
5. *Гальперин-Гинзбург Е. А.* Гарантии прочного мира, 1918.
6. *Гальперин-Гинзбург Е. А.* Женщина-крестьянка в нынешней войне и реформа волостного самоуправления, 1916.
7. Международное публичное право. Учебник. М.: Проспект, 2005.
8. Журнал уголовного права и процесса. 1912. № 4; 1913. № 1.
9. *Крестьянников Е. А.* Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79).

Соловьева Светлана Александровна

*Адвокат Адвокатской палаты
Московской области, член Коллегии
адвокатов города Москвы «Конкорд»*

PER ASPERA AD ASTRA: ЖЕНЩИНА — ТОЖЕ АДВОКАТ!

В 585 г. на Маконском соборе, собравшем епископов Бургундии, Церковь серьезно обсуждала, можно ли считать женщину человеком, есть ли у женщины душа или нет. Большинство святые отцы все же приняли решение, что женщина — тоже человек! Но не будем погружаться в столь давние времена и вековые споры о ребре мужчины, из которого Бог сотворил женщину, а остановимся на веке расцвета русской поэзии и литературы, на смену которому пришел жесткий век научно-технической революции.

На правах автора данного эссе предлагаю всякому, кто будет читать сей скромный труд (будь то мужчина или женщина), стать лицедеем времени, дабы пройти вместе со мной сквозь «тернии» в борьбе женщин за право быть адвокатом.

Итак, идет 1860 г., Россией-Матушкой правит Александр II, коего в народе уже величают Освободителем. В воздухе витает еле уловимый, но будоражащий умы «запах» перемен, который, смешиваясь с уличной суетой Невского проспекта, повозками

с лошадьми, цокающими и мчащими дам и господ в разных направлениях, на миг теряется...

В солнечной не по осени IX аудитории Петербургского университета молодые мужчины с «горящими» юриспруденцией глазами, разобравшись на маленькие клокочущие группки, рьяно спорят между собой, то и дело вскакивая со стульев в порыве спора и разводя руками, помогая тем самым обратить на себя внимание оппонента. Кипит студенческая жизнь.

Дверь аудитории, слегка скрипнув, выпускает долгожданного профессора Кавелина, заставив стихнуть студентов. Однако в этот раз профессор пришел не один: за ним входит ректор П. А. Плетнев, ведя за собой молодую и весьма миловидную барышню, со слегка остриженными темными волосами, собранными в сетку, которая, скромно опустив глаза, шла держа за руку своего спутника.

— Может, у нас сегодня бал? — с легкой ироничной усмешкой тихо спросил у своего соседа по парте голубоглазый студент.

Другой, будучи в неменьшем удивлении, пожал плечами, выдавив скупое: «Сейчас узнаем...».

Барышня села в кресло рядом со своим спутником и явно уходить не собиралась. Шепот разнесся по всей мужской аудитории, прекращенный словами Кавелина, начавшего свою лекцию. После окончания лекции барышня ушла так же быстро, как и появилась, оставив манящий запах цветочного парфюма и множество поводов для бурного обсуждения начинающих юристов.

К великому удивлению всей петербургской богемы, это «недоразумение» и вызывающее поведение

барышни повторялось вновь и вновь: каждый день она осмеливалась являться в аудиторию и наравне с мужчинами-студентами не только слушать лекции, но и записывать что-то в своих тетрадках. То и дело в разных уголках мужского бомонда можно было услышать призывы прекратить этот вопиющее, не достойное женщины поведение, что место женщины только в семье, на кухне — где угодно, но только не в профессии юриста.

Особо рьяные в деле отстранения смелой барышни от лекций узнали ее имя. Ею оказалась дочь известного в Петербурге архитектора Корсини — Наталья Корсини, которая волею судеб стала первой женщиной, появившейся в стенах Петербургского университета в 1860 г. в качестве слушателя. За нею потянулись другие женщины, которых не устраивал уровень образования институтов благородных девиц, народные и епархиальные училища, сильно уступающий классическим мужским гимназиям. По окончании таких закрытых пансионов девушки умели шить, вышивать, танцевать и красиво одеваться. Уделом их были замужество и семья, без права на собственное я.

Поднятая в обществе шумиха по поводу допущения в университеты в качестве слушателей женщин дала свои плоды. В 1863 г. принятый Университетский устав тактично обошел «женский вопрос», а позже женщинам завуалировано все-таки запретили посещение лекций в университетах. Предлогом был запрет посещать лекции посторонними лицами. Но мы-то понимаем, в чью сторону «ветер дул», выражаясь современным языком. Таким образом, напрямую не запретив женщинам посещать университеты,

был «тактично», в духе патриархального общества, законодательно обойдет вопрос об их недопуске.

Однако находились и те, кто предвидел наступление времени, когда женщина сможет достичь высот в разных профессиях, в том числе в адвокатской. Так, Федор Михайлович Достоевский предрекал: «... Вы еще слишком молоды, все придется своим порядком, но знайте, что вопрос о женщинѣ и, особенно о русской женщинѣ, непремѣнно, въ теченіе времени даже вашей жизни, сдѣлаетъ нѣсколько великихъ и прекрасныхъ шаговъ».

Но были и другие, весьма недалёковидные и даже оскорбительные мнения и слова: «Считаю, что женский пол по особенностям его конструкции и умственных и душевных его способностей нельзя признать способным ни к изучению анатомии, необходимой для медицины, ни для приобретения юридических сведений, по их сухости и строгой последовательности, ни для глубоких филологических соображений», — писал чиновник ведомства просвещения Е. Ф. фон Брадке.

На фоне всеобщих споров, в том числе по «женскому вопросу», в 1874 г. в Российской империи создается институт частных поверенных, предусматривающий ограничения для лиц, ходатайствующих о получении разрешения на ведение дел в качестве частного поверенного (частного адвоката) в части русского подданства и отсутствия исключения из числа поверенных.

Пользуясь отсутствием прямого запрета для женщин вести адвокатскую практику, то есть быть частным поверенным и выступать в суде, самая продвинутая часть женского сообщества начинает

с указанного периода прокладывать себе путь в профессию адвоката, сталкиваясь в работе с категорическим и негативным отношением мужчин-адвокатов, мужчин-обвинителей, государственных деятелей, которые шли на все, чтобы не участвовать в одном процессе с женщинами, вплоть до того, что бойкотировали такие заседания.

Брожения общества пытается прекратить министр юстиции Константин Пален изданием 30 апреля 1875 г. циркуляра, запрещающего выдавать свидетельства на право хождения по чужим делам лицам женского пола. Однако частный поверенный в Нижегородском окружном суде Козьмина обжаловала отказ допустить ее к экзамену, и Сенат признал, что циркуляр не соответствует высочайшему повелению, приняв решение в пользу Козьминой.

2 февраля 1876 г. издается высочайший указ Правительствующему сенату «О нераспространении на лиц женского пола правил 25 мая 1874 г. о частных поверенных», согласно которому женщины не могут получать звание частного поверенного.

«Женская адвокатура», хоть и была законодательно отвергнута всеми возможными для того времени средствами и способами, но ее ростки дали всходы в конце XIX — начале XX вв.

Стоит отметить, что и мужское сообщество того времени также разделилось на два противоположных лагеря. Так, некоторые юристы, например В. Д. Спасович, Н. Н. Мясоедов, А. Л. Боровиковский, приняли сторону «женской адвокатуры», а вот А. Ф. Кони, Н. С. Таганцев, напротив, высказывались против женщин-адвокатов: «В настоящее время женщина, не будучи допускаема ни в высшие учеб-

ные заведения для изучения юридических наук, ни в канцелярии правительственных и общественных установлений, не имеет даже возможности приобрести необходимые знания и опытность для получения звания частного поверенного».

На фоне общественных брожений конца XIX в. в 1888 г. в городе Кременчуг, в семье юриста, рождается девочка, нареченная в семье Екатериной (Екатерина Абрамовна Флейшиц), которой была уготована участь стать первой женщиной адвокатом и первой женщиной-юристом, защитившей докторскую диссертацию. В 1909 г. она экстерном окончила юридический факультет Санкт-Петербургского университета и с 1909 г. Екатерина Абрамовна стала помощником присяжного поверенного округа Петербургской судебной палаты и первой в России женщиной-адвокатом.

Первый же судебный процесс в XI отделении Петербургского окружного суда сделал Е. А. Флейшиц известной по причине того, что прокурором-мужчиной был заявлен протест относительно участия в судебном процессе женщины в качестве адвоката.

Перенесемся во времени и посмотрим, что же происходило на этом судебном процессе.

5 ноября 1909 г. удалось весьма холодным и туманным. Солнце в это время радовало недолго и совсем не грело. Разбитые конницами дороги, грязь, бегущий, гонимый холодом люд. Но все это не мешало бомонду, в том числе юридическому, присутствовать в Петербургском окружном суде. Кто-то сидел на скамейках, кто-то стоял, но все были в ожидании эпохального уголовного судебного процесса по «делу о бильярдных шарах», к которому

в качестве защитника была допущена женщина — Е. А. Флейшиц.

После открытия заседания и оглашения председателем подлежащего рассмотрению уголовного дела, обвинитель обращается к суду с заявлением о невозможности проведения процесса в связи с участием в нем женщины в качестве уголовного защитника, приводя в своей речи иногда даже оскорбительные доводы.

Стойко перенося все несправедливые выпады в свою сторону, адвокат Е. А. Флейшиц противопоставляет доводам обвинителя факты, ссылаясь на закон, добавляя: «Разве суд — это компания кутящих мужчин, где говорят непечатные слова?»

Суд принимает решение об оставлении Е. А. Флейшиц в процессе в качестве защитника. Но и тут мужское «я» прокурора, потерпев крах в «боях» за право представительства, бойкотирует судебный процесс, отказываясь в нем участвовать, прерывая тем самым на неопределенное время судебные слушания.

И тут начинается «охота»... не на ведьм, а на женщин-адвокатов: министр юстиции И. Г. Щегловитов, узнав о наделении Е. А. Флейшиц правом на адвокатскую деятельность, потребовал от прокурора палаты всемерно препятствовать ее участию в уголовных судах. Через неделю после сорванного процесса Соединенное присутствие распорядительного и кассационного департаментов Правительствующего Сената по представлению обер-прокурора вынесло определение, согласно которому женщины на основании ст. 389 Судебных установлений могли выступать в судах по доверенности в защиту чужих прав только по гражданским делам.

Очередная «лазейка» в законе была найдена, чтобы использовать ее против женщин-адвокатов. Не-профессиональный «выпад» обвинителя, к которому прислушались мужи при должностях, возымел верх над благоразумием.

Проигран был бой, но не проиграна война. Как показывает современная история, противостоять развитию общества и допуску женщин в профессию адвоката, мужчинам не удалось.

Как и предрекал Федор Достоевский, в 1906 г. в Санкт-Петербурге все-таки открылся юридический факультет на Высших женских курсах, которые назывались Бестужевскими, а в 1910 г. Государственный Совет признал их высшим учебным заведением с объемом преподавания, равным университету.

Двадцатый век стал веком, когда женщины добились права на высшее образование, права выбирать себе профессию. И никакие доводы, и опасения консерваторов-мужчин о том, что наружная привлекательность женщины-адвоката может стать соблазном для судей, «Бог сотворил мужа и жену, но, чтобы он сотворил их равными, этого нигде не сказано», в конце концов были побеждены здравомыслием и временем перемен.

В современном обществе женщине отведена роль не только матери, хранительницы домашнего очага. Женщины-адвокаты зачастую лучше, чем мужчины справляются в семейных спорах, спорах по наследственным делам. А женщинами-защитниками в уголовном судопроизводстве уже давно никого не удивишь.

По сведениям Федеральной палаты адвокатов РФ, в составе адвокатского сообщества в Российской Фе-

дерации в 2021 г. мужчины составляли 58,4% (48 367), а женщины—41,6% (34 510); в 2023 г. адвокаты-мужчины—58,5% (48 627), адвокаты-женщины—41,5% (34 485). Причем такая статистика держится с 2015 г.

Двадцать первый век смыкает границы между мужчинами и женщинами в профессии адвоката, предъявляя одинаковые, иногда даже жесткие правила игры, без права на ошибку или слабость. Примеров много и все они на слуху у адвокатского сообщества, даже без упоминания имен. Мужчины и женщины идут бок о бок в деле защиты своих прав адвокатов и прав своих доверителей.

Только сейчас, оглянувшись назад,— в прошлое, мы видим, насколько тяжелым был путь женщины в профессию адвоката. Но, несмотря на все препоны, попытки «заточить» женщину «на кухне», она вырвалась из патриархальных оков, проложив себе сквозь тернии путь к звездам.

Шевцова Майя Зейнуллаевна

*Адвокат Адвокатской палаты
Московской области, управляющий
партнер Московской коллегии
адвокатов «Траст энд Ло»*

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЕ: ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

История российской адвокатуры насчитывает более полутора веков и на протяжении всего этого времени женщины играли в ней значимую, хотя и не всегда заметную роль. От первых робких шагов в профессии, сопряженных с необходимостью преодолевать социальные барьеры и бороться за право голоса, до сегодняшнего дня, когда женщины-адвокаты добиваются выдающихся успехов, — таков путь, пройденный «защитницами» в России.

В современной России адвокатура все больше приобретает женское лицо. По данным Федеральной палаты адвокатов РФ, в 2023 г. более 41% из 83 тысяч российских адвокатов — женщины. Впечатляет и тот факт, что треть адвокатских палат в регионах России возглавляют женщины. Этот успех — результат долгой и непростой борьбы за равноправие в профессии, которая на протяжении многих лет считалась исключительно мужской.

Адвокатура, как одна из ключевых составляющих правового поля, неоднократно сталкивалась

с вызовами гендерного неравенства. Однако история показывает, что женщины внесли значительный вклад в развитие юриспруденции в России, начиная с первых случаев практики женщин-адвокатов и заканчивая современными достижениями. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью осмысления процессов эволюции женской адвокатуры и оценки того, какой вклад женщины внесли в формирование правовой системы страны. Цель данного эссе — проанализировать изменения, произошедшие в российской адвокатуре с момента ее становления до настоящего времени, выявить ключевые моменты и достижения, а также рассмотреть проблемы и перспективы, с которыми сталкиваются женщины в этой профессии сегодня.

Адвокатура в России была создана в период Судебной реформы Александра II и включала институт присяжных поверенных. Эти поверенные осуществляли защиту интересов клиентов и представляли их в суде. Женщины не могли стать присяжными поверенными из-за требований — высшего юридического образования и пятилетнего стажа работы в судебной системе. Кроме того, Указом от 14 января 1871 г. женщинам было запрещено занимать «канцелярские и другие должности» в государственных и общественных учреждениях. До открытия юридического факультета на Высших Женских (Бестужевских) курсах в 1906 г. женщины могли получить юридическое образование только за границей.

В те времена, когда российская юриспруденция делала робкие шаги, а нехватка адвокатов ощущалась особенно остро, нашлись смелые женщины, готовые бросить вызов устоявшимся порядкам. Представь-

те себе: XIX в., строгие законы, дискриминация по половому признаку. А эти отважные женщины, движимые благородным стремлением к справедливости и защите слабых, мечтали о праве стоять наравне с мужчинами в зале суда.

История борьбы российских женщин за право быть адвокатами — это история о мужестве, упорстве и вере в справедливость. Еще в конце XIX в., когда сама мысль о женщине-адвокате казалась многим абсурдной, передовые юристы России начали долгий и трудный путь к разрушению стереотипов. Один из них, Анатолий Кони, хотя и сомневался вначале, видел главное препятствие в отсутствии у женщин доступа к юридическому образованию. «Пусть придут в профессию достойно и по разумному призванию», — говорил он.

Консерваторы, цепляясь за букву закона и общественные предрассудки, придумывали все новые препятствия. Они апеллировали к «особенностям женской психики», опасались «женских чар», которыми те якобы будут обольщать присяжных.

Новые правила, регулирующие адвокатскую деятельность, оказались написаны не столь категорично, и некоторые женщины увидели в этом лучик надежды. Они с жадностью штудировали законы, готовились к сложным экзаменам и преодолевали недоверие и скепсис окружающих.

Так, хрупкая выпускница Вятской гимназии Е. Ф. Козьмина смогла получить заветное адвокатское свидетельство и даже одержала блестящую победу в судебном споре о наследстве. Ее имя, наряду с именами других женщин-адвокатов того времени,

засияло яркой звездой на небосклоне российской юриспруденции.

Они мечтали о праве защищать, стоять на страже закона наравне с мужчинами, сдавали экзамены, получали адвокатские свидетельства и с блеском вели дела, доказывая делом свой профессионализм. Их имена — Е. Ф. Козьмина, М. П. Аршаулова, В. Л. Кичеева — вписаны в историю российской адвокатуры как символы силы духа, непреклонной воли и веры в свое призвание. Они, подобно нежным цветам, пробившимся сквозь асфальт, доказали: желание служить справедливости сильнее любых запретов.

Их путь стал источником вдохновения для многих поколений женщин-юристов, подарив им веру в себя и надежду на равенство.

Но, к сожалению, эта история победы была недолгой. Вскоре власти исправили «упущение» в законодательстве, запретив женщинам заниматься адвокатской практикой.

Однако подвиг этих первых женщин-адвокатов России не был напрасен. Он навсегда остался в истории как символ несокрушимой женской воли, стремления к равенству и бескорыстного служения идеалам справедливости.

Комиссия, пересматривавшая Судебные уставы в конце XIX в., обсуждала и вопрос участия женщин в адвокатуре. Большинство, включая известных юристов, таких как Кони и Таганцев, были против. Они опасались, что без должного образования и опыта женщины не смогут быть хорошими адвокатами. Только трое поддержали идею, но с условием, что каждый случай будет рассматриваться отдельно.

В начале XX в. женщины, вооруженные знаниями юриспруденции, с надеждой смотрели на двери адвокатских контор. Они мечтали не просто быть юристами, а стоять наравне с мужчинами, защищать права и свободы граждан в суде.

Казалось бы, их высокий профессионализм и горячее желание служить закону должны были открыть перед ними любые двери. Но реальность оказалась суровой. Несмотря на поддержку со стороны некоторых адвокатских советов, закон оставался непреклонен: женщинам было отказано в праве быть присяжными поверенными.

Их многочисленные прошения и жалобы оставались без ответа, разбиваясь о стену непонимания и предрассудков.

Власти находили массу «веских» аргументов против: от необходимости защищать «женскую стыдливость» от «ужасных картин людских пороков» до опасений, что русские женщины, подобно английским суфражисткам, «пойдут бить стекла» вместо того, чтобы заниматься «женскими» делами.

Тем не менее смелые голоса женщин, отстаивавших свое право на профессиональную самореализацию, были услышаны. Государственная Дума, хоть и не без боя, признала необходимость перемен. Началась работа над законопроектом, который должен был навсегда открыть перед женщинами двери в мир российской адвокатуры.

Голоса прогрессивных юристов, поддержавших Екатерину Флейшиц, первую русскую женщину-адвоката, звучали громко. Флейшиц — впоследствии первый доктор юридических наук среди женщин

в СССР — для многих стала примером профессионализма и несгибаемой воли.

Ее история — это яркий пример того, как мечта и упорство способны ломать даже самые прочные стены предрассудков и открывать перед женщинами путь к равенству и профессиональной самореализации.

Великая русская революция 1917 г. сметала старые устои во всех сферах жизни, не обошла она стороной и судебную систему. Наконец-то свершилось то, о чем так долго мечтали женщины, — 1 июня Временное правительство уравнило их в правах с мужчинами на занятие адвокатской деятельностью.

Однако уже в ноябре 1917 г. большевики упразднили старые судебные институты, в том числе и должности присяжных и частных поверенных.

Новая власть декларировала всеобщее равенство, и Декрет о суде № 1 подтвердил это право «граждан обоего пола» быть обвинителями, защитниками и поверенными в суде. Так, на сломе эпох, на руинах старого мира, женщины получили реальную возможность служить закону и справедливости наравне с мужчинами. Конечно, путь этот не был простым и гладким. Создание новой, советской судебной системы сопровождалось своими сложностями и противоречиями. Но главное было сделано — право женщин на профессию юриста было признано и закреплено законодательно.

Проект закона, открывающий перед ними двери адвокатуры, вызвал настоящую бурю страстей. Министр юстиции, цепляясь за устаревшие устои, называл саму идею женской адвокатуры «противоесте-

ственной», а женщин — слишком слабыми и «стыдливими» для этой профессии.

Но находились и те, кто видел в женщинах не хрупкие создания, а талантливых и смелых профессионалов. Профессора, юристы, общественные деятели — все они выступали в защиту права женщин на труд и самореализацию, восхищаясь их умом, упорством и чувством справедливости.

И пока в высоких кабинетах разгорались споры, Первая мировая война неумолимо меняла уклад жизни. Женщины, занявшие места мужчин, ушедших на фронт, доказывали делом свою способность справляться с самыми сложными задачами.

Общество женщин-юристов, созданное в те не легкие годы, стало символом солидарности и борьбы за равноправие. Они не просто отстаивали свои права, а меняли саму парадигму мышления, доказывая, что профессия юриста не имеет пола.

И когда в огне революции рушились старые устои, мечта многих поколений женщин о равноправии в юриспруденции наконец-то стала реальностью!

Тридцатые годы XX в. стали для женщин-адвокатов СССР временем настоящего прорыва. Их число в профессии стремительно росло, завоевывая все больше доверия. Они с блеском доказывали свой профессионализм, особенно в делах, требующих особого такта и понимания, — в защите прав детей, семейных спорах, делах об установлении отцовства. Сердца женщин, всегда отличавшиеся состраданием и стремлением защитить слабых, находили отклик в судьбах людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Их голоса, все чаще звучавшие в залах советских судов, отстаивали не только букву закона,

но и принципы справедливости и гуманизма. Революция дала женщинам равноправие на бумаге, но старые предрассудки оказались живучими.

В самой большой Московской коллегии адвокатов в начале 20-х годов из 440 адвокатов было всего 7 женщин. И даже у них не было опыта настоящей адвокатской работы — до революции им это было просто недоступно. И все же, находились те, кто не сдавался. Именно эти неутомимые женщины добились важных изменений в законодательстве, защищая права материнства и детства. Лишь спустя годы упорного труда и борьбы с предрассудками женщина-адвокат смогла впервые выступить в Верховном Суде. Эта победа, освещавшаяся в газетах, стала символом долгого и тернистого пути женщин к признанию в мире юриспруденции.

Великая Отечественная война стала для женщин Советского Союза временем невиданной стойкости и самопожертвования. Они не только трудились на заводах и в госпиталях, но и взяли на свои плечи управление страной, в том числе и адвокатурой. Именно женщинам, таким как Александра Сурнакова, которая исполняла обязанности председателя Президиума МОКА с 1941 г., удалось сохранить коллегию адвокатов в тяжелейшие годы войны, не дать ей распасться под гнетом страшных испытаний.

В послевоенные годы женщины-адвокаты не боялись браться за самые сложные, резонансные дела, защищая права диссидентов и «инакомыслящих». Светлана Калистратова и Дина Каминская, без страха вставшие на защиту участников демонстрации на Красной площади в 1968 г., стали символом муже-

ства и бескомпромиссности в борьбе за справедливость.

Сегодня, когда почти половину адвокатского корпуса России составляют женщины, они добились не только формального равноправия, но и искреннего уважения коллег-мужчин.

Новые горизонты: женщины в современной российской адвокатуре

Распад Советского Союза и переход к рыночной экономике привели к кардинальным изменениям в юридической сфере. Произошла трансформация системы адвокатуры, возникла конкуренция, появились новые специализации. Современные женщины-адвокаты успешно работают во всех областях права, от уголовного до корпоративного. Они возглавляют палаты адвокатов, крупные адвокатские образования.

Несмотря на неоспоримые успехи, женщины в российской адвокатуре по-прежнему сталкиваются с рядом трудностей. Гендерные стереотипы, высокая конкурентность в профессии, необходимость совмещать карьеру с семейными обязанностями — все эти факторы создают дополнительные препятствия на пути к успеху. Тем не менее женщины-адвокаты продолжают доказывать свой профессионализм и добиваться признания. Они активно участвуют в общественной жизни, защищают права уязвимых категорий граждан, вносят вклад в развитие правовой системы России. В современной российской адвокатуре женщины играют все более заметную роль. Многие из них добились выдающихся успехов в профессии, представляя собой пример высокой квалификации и принципиальности.

Избрание Светланы Игоревны Володиной на пост президента Федеральной палаты адвокатов РФ — не просто знаменательное событие, а настоящий символ новой эры в российской адвокатуре. Это яркий пример, пробившийся сквозь стереотипы и продемонстрировавший, что женщины в России способны не только наравне с мужчинами стоять на защите прав и свобод граждан, но и успешно руководить на самом высоком уровне.

Список женщин, добившихся значительных успехов в адвокатской деятельности, можно продолжать. Они доказывают, что профессионализм и верность принципам не имеют гендерных ограничений.

Можно с уверенностью сказать, что роль женщин в российской адвокатуре будет только расти. Все больше девушек выбирают профессию адвоката, стремясь бороться за справедливость и защищать права и свободы граждан. И в этом залог дальнейшего развития и совершенствования российской адвокатуры, которая призвана служить гарантом законности и правопорядка в стране.

Заключение

В заключение можно отметить, что роль женщин в российской адвокатуре на протяжении истории претерпела значительные изменения, от полного исключения из этой сферы до активного участия и лидерства. Современные женщины-адвокаты вносят неосценимый вклад в юридическую практику, не только обеспечивая защиту прав и свобод граждан, но и активно участвуя в формировании правовых стандартов и развитии юридической культуры в стране.

Молодые адвокаты все чаще участвуют в семинарах и конференциях, обмене опытом и создании сетей профессиональных контактов. Подобные мероприятия способствуют укреплению сообщества и открывают новые возможности для карьерного роста. Примеры успешных женщин в адвокатуре служат не только стимулом для других, но и доказательством того, что разнообразие в команде ведет к более эффективному решению правовых задач.

Несмотря на существующие вызовы, таких как необходимость совмещения профессиональных обязанностей с семейными обязанностями, женщины продолжают находить способы адаптироваться и преуспевать. Становясь наставниками для начинающих коллег, они формируют новые традиции и стандарты в юриспруденции. Это важный шаг на пути к справедливому правосудию, где каждый имеет возможность реализовать свой потенциал, независимо от пола.

Литература и другие материалы

1. *Ариян П. Н.* Справка по вопросу о женской адвокатуре и юридическом образовании / Первый женский календарь на 1899 год. СПб.: паровая скоропеч. Труд, 1899. 168 с.

2. Вестник права: еженедельный журнал, издаваемый в Москве / орган адвокатуры, нотариата, суда. М.: б. и., 1917. № 10–11; 16; 24–25.

3. *Ворошилова С. В.* Становление женской адвокатуры в России // Новая правовая мысль. 2007. № 1. С. 54–58.

4. *Гаврилов С. Н.* Прекрасная половина адвокатуры: история появления (к 100-летию допуска жен-

щин к адвокатской профессии в России) // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 12(40). С. 164–149.

5. *Исакович А. С.* Первая женщина-адвокат в России Екатерина Абрамовна Флейшиц // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 2. С. 171–175.

6. *Казанцев С. М.* Русская адвокатура и женщины // Правоведение. 1985. № 6. С. 72–77.

7. *Калистратова С. В.* Такое тяжелое было время // Московские новости. 1989. № 32. 6 августа.

8. *Кони А. Ф.* О допущении женщин в адвокатуру / Собр. соч. в 8 т., т. 4. М.: Юрид. лит., 1967. 543 с.

9. *Набоков В. Д.* Может ли женщина вести защиту перед уголовным судом // Право. 1909. № 46. С. 2473–2481.

10. *Никифоров А. В.* Время не должно стереть имена выдающихся адвокатов // «Адвокатская газета». 2022. № 20 (373) // <https://www.advgazeta.ru/intervyu/vremya-ne-dolzjno-steret-imena-vydayushchikh-sya-advokatov/>

11. *Флейшиц Е. А.* О женской адвокатуре // Право. 1910. № 3. С. 143–151.

12. *Хаски Ю.* Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры 1917–1939. М.: ИГПАН, 1993. 183 с.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Денисов Вячеслав Юрьевич

*Адвокат Адвокатской палаты
Новосибирской области, член
Межреспубликанской коллегии
адвокатов (Филиал «Адвокатская
консультация № 95»)*

ПОКА МЫ ЖИВЫ, БУДЕМ ПОМНИТЬ...

Я листаю ветхие страницы архивных материалов Адвокатской палаты и уголовных дел УНКВД Новосибирской области, и не покидает ощущение утраты. Перед глазами из небытия встает образ человека, страданиями и болью расплатившегося за идеи добра и справедливости. Человека, для которого честь и достоинство оказались выше собственной жизни.

У меня один нарратив этой истории: забудем о близком нам человеке с такой судьбой — не вспомнят и о нас, в благополучии пребывающих. Упустим момент оставить его рядом с нами навсегда — навсегда утратим шанс объяснить молодому поколению защитников, как выглядит адвокатский подвиг.

Апрель 1938 г. Внутренняя тюрьма УНКВД Новосибирской области...

Очередной удар повалил его на пол. Рухнув вместе со стулом, он прижался щекой к затертым сапогами доскам...

Он уже давно болел туберкулезом. Зная о его недуге, следователь и подручные старались бить ему в грудь. Он и до этого кашлял кровью. Теперь же после каждого из допросов она шла изо рта потоком, ему трудно было дышать.

Требовалось от него — признаться в организации контртеррористического белогвардейского подполья, приготавливающего убийства первых лиц страны.

Это обвинение могло вызвать улыбку. Он вспомнил, как ученый Николай Козырев вообще рассмеялся в суде, когда его обвинили в попытке угнать на Запад реку Волгу. Но смех Козырева длился недолго — осудили на 10 лет лагерей. Здесь же сроком не отделаешься: он понимал, какую роль ему приготовили.

Как осуществляется «правосудие», он знал хорошо. В скольких таких процессах он уже побывал, отстаивая невиновность людей, попавших в жернова репрессий...

Прекратить мучения можно было прямо сейчас, подписав согласие с этим чудовищным по содержанию обвинением.

Но была проблема...

От него требовалось признаться в том, что он завербовал для убийства главных лиц страны членов Президиума коллегии защитников — в частности, Хайдукова. То есть, согласившись с обвинением и ступив на самый легкий для себя путь (как бы чудовищно это не звучало — «легкий путь»...), он должен был оговорить коллег. Ведь, сказав «да», он должен был ретранслировать чушь и о том, какие роли они исполняли в террористической организации. То есть он должен был — предать, а потом — оболгать.

Наверное, есть более точное выражение: он должен был приговорить их к смерти.

Он лежал в луже крови на полу тюрьмы УНКВД и требовал от себя только одного — выдержать...

* * *

Николай Евгеньевич Голубков родился 28 марта 1886 г. в Москве, в семье учителей. Жадный до знаний и жизни, он уже ясно представлял свой путь. Профессией присяжного поверенного он грезил с юности. Блестяще окончив университет в Петербурге, он получил классическое юридическое образование еще до революции. Он слушал лучших присяжных поверенных в столичных судах, увлекался историей государства и права Древнего Рима, писал заметки русского адвоката.

Его знания и широкий кругозор открывали простор для реализации самых грандиозных планов. Революция 1917 г. оборвала его карьеру юриста, но он не отчаивался. В 1921 г. он по собственному желанию приехал в Сибирь пропагандировать право и улучшать жизнь людей. В Сибири закончилась гражданская война, формирование государственного юридического аппарата только начиналось. В адвокатуру он придет в 1924 г., вернувшись к тому, с чего начинал...

Николай Евгеньевич слыл настоящим умницей и душой компании, он завораживал чистотой и изящностью речи в суде и в дружеском общении. Уже стал проявляться туберкулез, но Голубков не унывал. Он никогда не выступал против Советской власти, он не был политиком и не стремился к противостоянию с большевизмом, но его эруди-

ция и выдающийся кругозор постоянно раздражали как обком союза рабочего суда и прокуратуры, так и партком областного суда.

Жестокие репрессии не могли обойти стороной сибирскую столицу — Новосибирск. Органы НКВД и крайком партии руководствовались указаниями И. В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г.: в стране нет ни одного учреждения, где не засел бы враг, ставящий своей целью реставрацию капитализма.

«Бдительность» — тезис Сталина — проявился во время репрессий новосибирской адвокатуры. Еще до их массового характера отношение властей к защитникам было подозрительным. Новая власть не могла избавиться от ощущения опасности, исходящей от людей, чья профессия зародилась при царизме. А адвокат, превосходящий умом и талантами судей и прокуроров, — он вызывал уже не опасение, он представлял угрозу...

Николай Евгеньевич Голубков был всего лишь сыном учителей, но эти учителя жили при царизме и учили при царизме...

И вскоре его имя в нежелательном контексте прозвучало впервые. Именно на президиуме краевого суда было отмечено, что «Президиум коллегии защитников вызывает много вопросов». Например, Голубков — бывший канцелярист при царском режиме...

23 марта 1935 г. — это был день начала страшной расправы...

Постановлением президиума крайисполкома № 715/18с назначалась полная проверка деятельности коллегии защитников. Как следует из многочисленных материалов уголовных дел, уже в тот период многие из адвокатов были «замечены» и над их

деятельностью был установлен негласный контроль. Был среди них и Николай Голубков.

Предпринятая массовая «чистка» коллегии защитников была частью программы партии по созданию социально близкой, хорошо управляемой интеллигенции. По мнению властей, «чистки» способствовали укреплению коллегий—их освобождению от классово чуждых элементов. В действительности же с помощью чисток уничтожались традиции российской адвокатуры.

Что же являлось так называемыми пережитками, лицом которых явился Николай Евгеньевич Голубков? Это—взаимопомощь и солидарность с коллегами, готовность поддержать, не оставить в беде, отдать все ради спасения коллеги. Это то, чем все эти годы жил и что чтит Николай Евгеньевич. Это то, что мы сегодня почитаем как традицию.

Для того чтобы окончательно сломить адвокатуру, нужны были громкие политические процессы. Нужны были «враги народа», проникшие в адвокатуру с целью использования судебной трибуны для контрреволюционных диверсий.

Удары наносились изошренно по тем, кто получил классическое юридическое образование до революции, успел поработать до хаоса в стране и унаследовать лучшие традиции присяжной адвокатуры.

Что касается Николая Евгеньевича Голубкова, то из архивных материалов следует, что его принципиальная правозащитная деятельность стала надоедать судам. Сдерживаемое до поры раздражение прорвалось наружу.

Следователи уже долгое время копили в делах доносы, привлекая для оговоров сторонних лиц. Пре-

успевали во лжи и те, кого искусственно внедрили в коллегию защитников,—партийные работники, «социально близкие» элементы. Последние продержались в коллегии недолго, уж слишком велика была пропасть между их внутренними убеждениями и задачами, стоящими перед адвокатурой. Но свое дело, за которое не возьмется ни один порядочный человек, они сделали.

На основании их клеветнических показаний УНКВД приступило к работе, и уже через несколько дней чекисты докладывали партийным органам, что вскрыли многопрофильную «контрреволюционную организацию» из четырех тысяч (!) человек, руководство которой представляли адвокаты-защитники из «старого мира». Первые расстрелы согласно постановления НКВД № 780 пройдут в течение 28 января—3 февраля 1938 г.

Тем не менее эти кровавые события не принесли ощутимого результата, которым должен был быть полный отказ адвокатуры от активной защиты интересов советских граждан. Адвокатура пошатнулась, но устояла. И Николая Голубкова, как одного из самых влиятельных и образованных адвокатов «старого мира», оставляли для последнего удара.

Начался полный разгром коллективов новосибирских защитников. Но казни и разгром коллегии следовало узаконить, необходимо было придать бесчинству черты легитимности. И в этот момент председатель областного суда в ультимативной форме потребовал от Президиума коллегии созыва общего собрания. Президиум, возглавляемый защитником Павлом Хайдуковым, не сдавался.

Хайдукова поддерживал и Николай Голубков, который был уверен, что адвокатура способна отстаивать права адвокатов и принимать решения самостоятельно. Это были первые шаги адвокатуры к своей независимости. Шаги по луже крови...

По замыслу партийной власти, их ликвидация должна была пройти в условиях, исключая упрек в расправе. Для этого партийно-советские органы дали жесточайшую рекомендацию краевому суду по организации собрания защитников, наделив именно суд особыми полномочиями при его проведении. На собрании должна звучать критика деятельности Президиума и его самых ярких представителей (Голубкова), там же должен быть рассмотрен вопрос о соответствии занимаемой должности Хайдукова. Но это были слишком яркие фигуры, чтобы их можно было свергнуть посредством нелепой критики.

И тогда на помощь были призваны органы госбезопасности, которые 30 апреля 1937 г. демонстративно арестовали ближайшего соратника Павла Хайдукова — Николая Голубкова.

План был прост и давно работал. На собрании должны быть зачитаны показания Николая Голубкова, из которых бы следовало, что он и Хайдуков являлись руководителями организации, готовящей покушения на государственных деятелей СССР. Это означало конец «старорежимной» адвокатуры — в деле ее разгрома была бы поставлена точка.

Из обвинительного заключения:

«В декабре 1937 года, высказывая свои контрреволюционные настроения, о якобы тяжелой жизни в СССР, Н. Е. Голубков призывал к совершению террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского

правительства, тут же заявляя о своем непоколебимом намерении принять участие в осуществлении террористических актов, принимая меры к созданию террористической группы...»

* * *

В 19 часов 18 июля 1938 г. член обкома ВКП(б) Воробьев, член обкома союза рабочего суда и прокуратуры Старостенко, председатель облсуда Островский, секретарь парткома Гайбович и председатель трибунала Томской железной дороги Шикин собрали 54 члена коллективов защитников в зале и потребовали от председателя Президиума отчет о состоянии дел. При этом Павла Хайдукова почти никто не слушал и в течение последующих пяти (!) дней адвокатам просто предлагалась бессмысленная пропаганда. Ситуация вызывала недоумение у защитников. Но почему — пяти дней?

Потому что в это время во внутренней тюрьме УНКВД подвергался жесточайшим пыткам Николай Голубков, чьи показания должны были прозвучать на собрании.

Его пытали с апреля 1937 г., но в эти дни особенно люто. Срывался план по дискредитации новосибирской адвокатуры: собрание шло, а адвокат отказывался признавать себя виновным. Время шло, а Голубков отрицал какую бы то ни было причастность к террористической организации. Таким образом, он вводил от беды и Павла Хайдукова, своего коллегу...

А время шло. Паузы нужно было чем-то заполнять...

«Защитник дискредитирует судью и прокурора, когда отмечает их незаконие», — звучали слова председателя областного суда.

А время шло...

Речи инициаторов расправы принимали все более затяжной характер.

«Нашей славной разведкой — органами НКВД из коллегии изъято немало врагов народа, пробравшихся в советскую защиту для использования трибуны суда в своих контрреволюционных целях. Президиум прошел мимо этого факта, и не случайно. Состав Президиума проявил в этом случае свою близорукость и ничего по дальнейшему разоблачению врагов и очищению коллегии от примазавшихся элементов не сделал. Президиум даже не изжил вредительской деятельности разоблаченных врагов, не занимался вопросом ликвидации последствий вредительства в коллегии», — говорил некто П. А. Воскобойников, бывший работник областного суда, как раз накануне собрания принятый в члены коллегии защитников.

Но все это были пустые слова без признания Николая Голубкова...

* * *

А в это время Павел Николаевич Голубков избивался палачами и захлебывался кровью в подвале внутренней тюрьмы УНКВД. Он отказывался отправиться на смерть своих коллег...

План публичного и победоносного уничтожения «старорежимной» адвокатуры был сорван.

Конечно, это не могло остановить расправу. Общее собрание адвокатов было перенесено, а среди адвокатов распространили слухи о том, что Николай Голубков — враг народа. Без дополнительных разъяснений. Слухи распространялись активно, новой власти нужен был поверженный и посрамленный враг.

Но в предательство Николая Голубкова никто из адвокатов не верил.

Коллеги не имели возможности заглянуть в материалы уголовного дела в те дни.

Я такую возможность имею сейчас.

«Виновным себя не признал», — значит в нем.

А это значит, что не предал. Для того чтобы представить глубину мужества и ответственности этого человека, представьте, что вас избивают полтора года без достаточного количества света, пищи и воды.

Он один противостоял убийцам адвокатуры и победил...

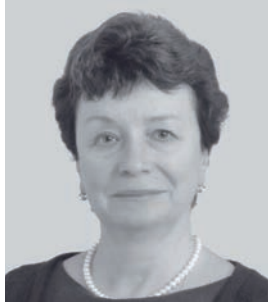
Вместе с этим в материалах уголовного дела находится паспорт нашего коллеги. Не сумев сломить его дух и волю, кто-то из карателей в бессильной злобе вырвал из него фотокарточку Николая Евгеньевича. Это была жалкая месть герою.

У него не было родственников. Он не был женат и не оставил потомков. Как-то не сложилось. Уж слишком много глобальных потрясений вписалось в его недлинную биографию. Только — истлевшие листы бумаги, но и их не так много... Но какая сила, какая мощь и порядочность заложена в этой короткой фразе, оставшейся после него — «виновным себя не признал». И это то материальное, что осталось от человека.

Но куда важнее — наша память о нем. Пока мы живы, будем помнить...

Николай Евгеньевич Голубков был убит 11 сентября 1938 г.

Реабилитирован прокурором Новосибирской области 27 апреля 1993 г.

Лаврентьева Елена Робертовна

*Член Совета Адвокатской палаты
Пермского края, председатель Совета
ветеранов Адвокатской палаты
Пермского края*

АДВОКАТСКИЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Мое становление в профессии пришлось на 80-е годы прошлого века. Прошлый век... звучит- то как! Период завершения советской эпохи. Его еще называют «периодом застоя». Только почему-то это время вспоминается с удовольствием и даже ностальгией... И, думается, не только потому, что тогда «мы были молодыми и чушь прекрасную несли», хотя и это — тоже. Мы искренне любили (и любим) нашу профессию. Мы верили в себя и заботились о репутации. Мы дружили. Нам было интересно жить и работать.

Об этом и хочется сейчас вспомнить, показав приметы времени, что уже исчезли.

Август 1981 г. Я, юная выпускница юридического факультета Пермского государственного университета, направлена по распределению (кто помнит, что это такое?) в Пермскую областную коллегию адвокатов. Выбор был осознанным. Странно, конечно, что молоденькая советская девочка не прониклась романтикой и не хотела бегать с пистолетом за преступниками, а желала их защищать. Но многое объяснялось личными обстоятельствами: я занималась

в театральной студии и мечтала о театральной карьере, но — увы, в театральный ВУЗ не поступила. У отца был друг — известный пермский адвокат Яков Борисович Лемкин, который тоже занимался в театральном коллективе. Мне нравилось, как он выглядел, говорил, и казалось, что выступление адвоката в суде во многом схоже с выступлением актера, только произносить нужно будет свой собственный текст. Чего стоили «театральные» речи великих присяжных поверенных, которыми я зачитывалась. А еще, если быть честной, хотелось материальной независимости. Вот эти слагаемые и привели меня к председателю Пермской областной коллегии адвокатов, Геннадию Семеновичу Марьину, на предварительную беседу. Местом моей стажировки была определена юридическая консультация Ленинского района г. Перми, ну а потом — обязательное направление в район области, по-иному быть не могло.

Ленинская консультация отличалась не только тем, что располагалась в центре города, но и тем, что в ее составе были мэтры пермской адвокатуры. Возглавляла же консультацию Антонина Игнатьевна Соловьева, участница Великой Отечественной войны, командир по призванию. Все было подчинено строгим правилам: если юридическая консультация открывается в 9 утра, то адвокат, не занятый в процессе, к этому же времени должен быть в юридической консультации. Что значит — делать нечего? А изучать практику, готовиться к процессам, подшивать производство?

Ведение адвокатского производства по каждому делу было обязательным. В производство подшивались выписки из материалов дела, план защиты-

тельной речи (выступления в суде по гражданским делам), которые должны были начинаться цитатами из очередного съезда партии, копии жалоб. Небольшие жалобы допустимо было подавать написанными от руки (кстати, написанными от руки вручались и приговоры).

Кроме того, по каждому из поручений заполнялась регистрационная карточка, в которой указывались фамилия, имя, отчество клиента, размер гонорара, номер квитанции, суть поручения, а также делались записи о фактическом выполнении поручения. А еще каждый адвокат ежемесячно заполнял бланк статистической отчетности, в котором указывалось, сколько и каких дел провел за отчетный период, на какой стадии судопроизводства принято поручение, какие ходатайства заявлял, сколько из них удовлетворено, сколько лекций прочитал, были ли публикации в печати, выступления по радио и телевидению и пр. Из адвокатских отчетов складывался статистический отчет юридической консультации и коллегии в целом.

Причем нельзя сказать, что все это делалось зря — точно дисциплинировало и очень помогло в дальнейшей адвокатской «вольнице». Командирский стиль руководства и «заорганизованность» не уничтожали душевность отношений между адвокатами. Можно было подойти с вопросом к любому — помогут, расскажут, да и просто «за жизнь» поговорят.

А вечера у рояля, который, по стечению обстоятельств, остался в зале консультации, и на котором любил музицировать прекраснейший адвокат Зиновий Исаевич Трегубов? А бильярд в том же зале? А «капустники» и сочинение текстов к ним? До сих

пор помнится: «Носим мы имя вождя всех народов, хоть защищаем порой и уродов». А стихи адвокатов и эпиграммы друг на друга, сопровождавшие длительные групповые процессы? А командировки в район? Это же маленькое приключение — дружной командой отправиться в групповое дело. Помнится, судья военного трибунала поселка Звездный, закрепленного за Ленинской юридической консультацией, не чурался (а с учетом нынешних реалий — не боялся) назвать заведующей фамилии молодых адвокатов, которых желал бы видеть у себя в процессе, и Антонина Игнатьевна, несмотря на свой командирский характер, соглашаюсь. Оно и понятно, дела-то в Звездном — по назначению, кого посылать, как не нас — молодых.

Кстати, дела по назначению оплачивались тогда не так уж и плохо. И самое время рассказать немного о животрепещущей для всех адвокатов теме гонорара. Размер вознаграждения регулировался в тот период Инструкцией по оплате юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам, предприятиям и организациям, утвержденной 4 августа 1977 г., и превышать таксу, указанную в Инструкции, было нельзя. Соглашение заключалось не адвокатом, а заведующим юридической консультацией, который поручал ведение дела конкретному адвокату, учитывая персональное обращение. При внесении денег в кассу консультации 75% от поступившего гонорара включалось в заработную плату адвоката, а при оказании юридической помощи по назначению адвокат получал 50% от взыскиваемого с клиента гонорара, размер которого определялся по той же Инструкции. Иными словами, и по «персональному соглашению», и при ведении дела «по назначению» гонорар опре-

делялся в одном и том же размере, однако в первом случае адвокат получал, например, из 20 рублей гонорара — 15 рублей, а во втором — 10 рублей. Разницу нельзя назвать существенной.

При этом особенность гонорарной политики Пермской областной коллегии адвокатов заключалась в том, что оплату по делу, проведенному в порядке ст. 49 УПК РСФСР (нынешняя ст. 51 УПК РФ), адвокат получал сразу же. Вся работа по предъявлению исполнительного листа к взысканию, контролю за взысканием возлагалась на бухгалтерию Президиума, в штате которой состояли бухгалтеры по исполнительным листам. Таким образом, Президиум выдавал адвокату деньги, что называется, авансом, а в последующем взыскивал с осужденного, не только покрывая свои расходы, но и оставляя средства на развитие материально-технической базы Коллегии. Эта система впервые была введена в Пермской областной коллегии адвокатов, она отвечала интересам как адвокатов, так и Коллегии и с удовольствием перенималась другими коллегиями адвокатов.

Существовали пределы получения заработной платы, начисляемой из вознаграждений. Адвокат, работающий в юридической консультации г. Перми, мог зарабатывать не больше 300 руб. в месяц, адвокат в области — не более 270 руб. Если фактический «отработанный гонорар» превышал указанный лимит, адвокат получал по итогам года так называемую «тринадцатую зарплату» — 50% от превышения, но не более тех же 300 руб. в городе Перми и 270 руб. — в области. В целом, адвокат получал за свой труд вознаграждение, превышающее зарплату

среднего судьи или следователя, не говоря о нотариусах и юрисконсультах.

При этом заработная плата молодых адвокатов не очень отличалась от общего уровня. Многие из нас вскоре после начала адвокатской практики выходили на предельный уровень зарплаты. Это объяснялось не только нашими профессиональными успехами, но и тем, что согласно ст. 18 Положения об адвокатуре заведующий юридической консультацией обязан был при распределении «не допускать перегруженности в работе одних и отсутствия надлежащей нагрузки у других адвокатов». Надо признать, что по сравнению с нынешней жесткой конкуренцией мы обучались профессии в довольно тепличных условиях.

И, говоря о «тепличных условиях», нельзя не вспомнить стажировку.

Многие тогда приходили в адвокатуру со студенческой скамьи, по так называемому «направлению» университета. Направление, с одной стороны, гарантировало прием в Коллегию адвокатов (экзаменов, кстати, тогда не было). С другой — молодой специалист обязан был «отработать» три года в том районе, куда сочтет необходимым направить его Президиум. Поэтому после окончания стажировки нас, молодых, как правило, в Перми не оставляли, а направляли в районы области. И мы ничуть об этом не жалеем, поскольку самостоятельная работа за пределами областного центра (куда все, конечно же, мечтали переехать) позволяла заявить о себе и служила прекрасной школой становления в профессии.

Мы — поколение адвокатов восьмидесятых — свидетельствуем, что стажировка в советской адвокатуре никогда не была формальным мероприятием. Наши

руководители действительно обучали нас тонкостям профессии и буквально «водили за руку». По итогам стажировки Президиум принимал стажера в члены Коллегии адвокатов, а руководитель стажировки получал не маленькую денежную премию в размере 60 руб.

Приметой времени была и кодификация. Сразу вспоминается анекдот из серии «Как же ты, папа, сдавал ЕГЭ, если “Гугла” не было?». А ведь мы сдавали экзамен на знание закона практически ежедневно — в процессах и на приеме граждан (уместно вспомнить, что к открытию консультации на улице уже стояли граждане, желающие получить у адвоката правовой совет, — где эти граждане сейчас?) Бюллетени Верховного Суда (и СССР, и РСФСР) прочитывались, вырезались карточки из вкладышей, подклеивались в кодексы изменения в законодательстве, заполнялись собственные журналы кодификации. Это сейчас все можно найти нажатием одной кнопки, а тогда правовых систем наподобие «Консультанта» или «Гаранта» не существовало в принципе.

Большую работу по кодификации и обучению адвокатов, и не только молодых, проводил Президиум Коллегии. В штате Президиума состояли два консультанта — по общим вопросам и по вопросам хозяйственной деятельности. В помещении Президиума, хоть это и была натурально — деревянная избушка, выделен большой кабинет для кодификации, где каждый желающий с помощью консультантов или самостоятельно мог найти ответ на интересующий правовой вопрос. В юридические консультации высылались обзоры, методические рекомендации, подготовленные Президиумом. Систематически про-

водились обучение молодых адвокатов, лекции и занятия для всех адвокатов, причем зачастую в них участвовали ведущие судьи Пермского областного суда.

Написала об участии судей в правовом просвещении адвокатов, и сразу вспоминается, что тогда не возбранялось совместно с судьями отмечать различные праздники — от Дня Великой октябрьской социалистической революции до Нового года. У нас были единые профсоюзная, комсомольская, партийные организации. Среди нас было немало членов КПСС, и надо сказать, что для адвоката, особенно молодого, это был некий «знак отличия». Дело в том, что существовали лимиты для вступающих в члены КПСС (определенные проценты для рабочих, колхозников, служащих, интеллигенции) и адвокаты точно не входили в список тех, кого нужно было принимать в партию по разнарядке. Да и для карьеры в адвокатской профессии партийный билет был не нужен. Нас не «загоняли» в партию, мы вступали в члены КПСС, потому что верили в «политику партии и правительства», разочарование у многих пришло позже. Молодые адвокаты принимались в партию в период своей работы в районах области по рекомендации судей, прокуроров и других работников правоохранительных органов. Меня, например, рекомендовали судьи Кунгурского районного суда, я им благодарна и не стыжусь членства в КПСС.

У адвокатской корпорации наград в виде орденов и медалей тогда не существовало, однако была развита система так называемого «социалистического соревнования». Награждались адвокаты не только грамотами, но и денежными премиями. Грамотами

и денежными премиями награждались также юридические консультации, и борьба между ними разгоралась иногда не на шутку.

Многое еще можно было бы вспомнить, но это не позволит остаться в рамках объема, предлагаемого организаторами конкурса.

Что сказать, подводя итоги воспоминаниям об этом этапе развития адвокатуры? Мне кажется, что тогда закладывались, что называется, правильные основы отношения к профессии. Постоянно учиться. Не подличать. Самоорганизовываться. Не подводить коллег. На первом месте — профессиональный рост, а за ним придет и материальное благополучие. А еще важно, что у нас, молодых, было ощущение принадлежности к элите юриспруденции. И, может быть, не случайно, что среди поколения восьмидесятых много сегодняшних корифеев? И я рада, что когда-то давно выбрала именно адвокатуру — профессию, которая приносит и моральное, и материальное удовлетворение.

В Адвокатской палате Пермского края в 2023 г. силами Совета ветеранов была организована экспозиция, посвященная 1980-м, она называлась «Адвокатская юность моя». К сожалению, в настоящий момент она уже размонтирована (сейчас у нас новая выставка — «Адвокат — профессия творческая», на которой представлены фотографии, сделанные адвокатом).

Ну а поскольку «автором и вдохновителем» экспозиции выступила я, то позволила себе трансформировать в эссе мысли и экспонаты. Прилагаю также фотографии с выставки «Адвокатская юность моя».

Выставка «Адвокатская юность моя»

Благодарственное письмо доверителя

Ирина Волосевича,
Здравствуйте!
Моя мама вы и не помните
меня, где перед вами проведет
свои годы, но зато, я вас
еще хорошо помню. Ведь
вы защитили мою свободу.
Я вам очень благодарен за это.
Только походяжно и надо
говорить, что у вас такой
спешился, что это ваша
работы Ирина Волосевича, я
убожался людей вашей професс-
ии и отдал им когда
должно, потому что мы
взаимосвязаны друг с другом.
Я краснел перед этими
людьми за то, что они
пришли и противной нам

Здравствуйте Ирина Волосевича!
Почтой вышло это письмо маме,
вашего подзащитного Николая
Алексеевича Григорьевича. Я пишу маме
извинить за то что отрываю
у вас время но я хочу
поблагодарить вас за доброе
отношение ко мне, за
советы что мне дали, и
по просьбе сына, который
прислал письмо и просит
столкнуть к вам и передать
от него привет и сказать,
что он находится в Сибирске.
У вас конечно очень много
прочих людей и возможно
не помните о нем но мы
вас благодарим за ваше
доброе сердце и любовь
которая была к нему
и к нему и ко мне. А мне
мама так как нужно были
доброе слово в такую трудную

Гонорар адвоката за участие на следствии

№ 222 /
11.06.82

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА
ПЕРВОЙ ОБЛАСТНОЙ КОЛЛЕГИИ
АДВОКАТОВ

от Горбунова Я. Ф., проживающего
пригород Краснокамск,
пос. Майский, ул. 3-й Питилетки,
3-19

Садмулина С. Г., проживающего
пригород Краснокамск,
пос. Майский, ул. Центральная,
10

23 июля 1965 года мы были осуждены Краснокамским городским
народным судом по ст. 206 ч. 2 УК РСФСР к двум годам исправительных
работ каждый. Фактически хулиганских действий мы не совершали.

В процессе одним из адвокатов защиты поддерживала Александровна
Александра Григорьевна.

После вынесения приговора, в течение более двух лет,
Александрова А. Г. отстаивала наши законные интересы. Она обра-
щалась с кассациями на приговор в различные инстанции, принимала
участие неоднократно при рассмотрении нашего дела в областном
суде.

Наконец справедливость восторжествовала.

Верховный суд РСФСР 19 мая с. г. в отношении нас дело
производством прекратил.

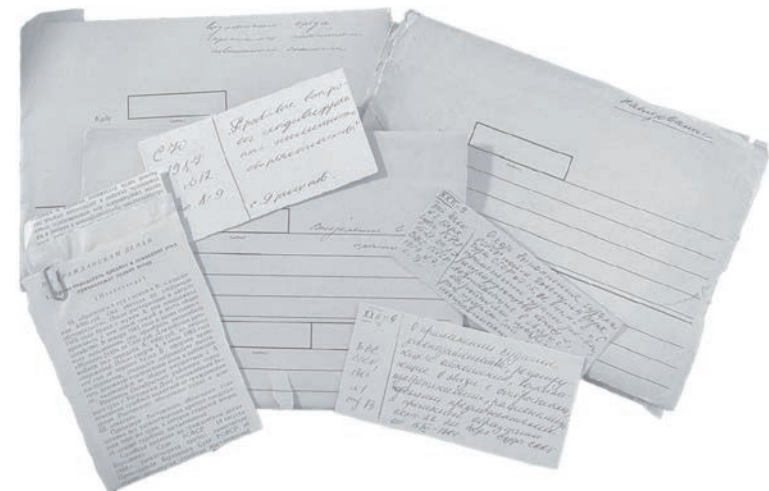
Убедительно просим Вас поздравить адвоката Александровну
Александровну Григорьевну за ее добросовестное отношение к своим
служебным обязанностям.

Я. Ф. Горбунов
С. Г. Садмулина

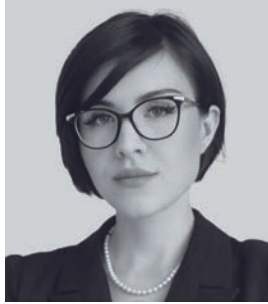
Я. Ф. Горбунов
С. Г. Садмулина

13.06.82

Благодарственные письма доверителей

Карточки и конверты личной кодификации
адвоката Беловой (Лаврентьевой) Е. Р.

Сенькина Дарья Александровна

Адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, член Коллегии адвокатов «Интерправо»

НЕБЕСНЫЕ ПОКРОВИТЕЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Данное эссе посвящено памяти знаменитых представителей юридического сообщества: адвоката Ивана Михайловича Ковшарова и профессора Юрия Петровича Новицкого, которые, будучи воспитанными в евангельском духе, выбрали для себя путь бескорыстного служения обществу и Богу. В годы страшных гонений на православную веру они принимали активное участие в приходской жизни Петроградской епархии, занимали активную гражданскую позицию и как истинные христиане безбоязненно высказывались в защиту церкви, являя собой пример мужества, силы духа, верности профессии и вере.

23 февраля 1922 г. опубликовано Постановление ВЦИК об изъятии церковных ценностей, которое было обусловлено «неотложной необходимостью спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие служить средством борьбы с голодом в Поволжье». Местным советам было предложено в месячный срок изъять церковное имущество, переданное в пользование верующим, все драгоценные предметы из золота,

серебра и камней, изъятие которых не могло «существенно затронуть интересы самого культа», и передать их в особый фонд на нужды голодающих. Вышеуказанное постановление фактически санкционировало насильственное отобрание представителями власти церковных ценностей вопреки ранее декларируемому принципу свободной передачи. В соответствии с секретным письмом В. И. Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 г. необходимо было произвести изъятие церковных ценностей «с максимальной быстротой и беспощадностью подавления реакционного духовенства». Голод в Поволжье 1921–1922 гг. стал катализатором для изъятия церковных ценностей и уголовного преследования представителей духовенства и мирян.

Петроградский процесс 1922 г., связанный с изъятием церковных ценностей в период голода в Поволжье, — это одна из самых страшных страниц в истории гонений на православную церковь. Данный процесс был инициирован в целях устрашения духовенства и православной общественности, жертвами которого стали И. М. Ковшаров и Ю. П. Новицкий. Они оказывали содействие в налаживании конструктивного диалога между церковной и светской властью по вопросу оказания помощи голодающим.

И. М. Ковшаров с 1911 г. состоял присяжным поверенным Санкт-Петербургского округа судебной палаты и вел имущественные дела церковных организаций, а также несколько раз выступал в качестве защитника в политических процессах. С 1918 г. он стал членом Духовного собора и юрисконсультom Александрo-Невской лавры, кроме того, на Петро-

градском епархиальном съезде духовенства и мирян он был избран комиссаром по епархиальным делам «для представительства и защиты общих прав и интересов» Петроградской епархии. По иронии судьбы И. М. Ковшаров, ранее защищавший революционеров от царских властей, защищал Церковь, ее служителей и имущество от большевистского правительства. Он умело выполнял свой профессиональный долг, активно препятствуя закрытию церкви петроградского православного прихода. В период голода в Поволжье он был среди членов правления Общества православных приходов Петрограда и губернии, которые выступали за компромисс с властями по вопросу о помощи голодающим. По инициативе И. М. Ковшарова была открыта столовая для голодающих. 6 марта 1922 г. он сопровождал митрополита Вениамина (Казанского) на переговорах об изъятии церковных ценностей с членами комиссии Помгола Петроградского Совета.

Ю. П. Новицкий был православным общественным деятелем, в частности, в 1911 г. по его инициативе был создан приют для детей ссыльнокаторжных революционеров. С 1914 г. он был приват-доцентом Петербургского университета, а затем получил звание профессора. В университете читал курсы по истории западноевропейского и русского права, истории русского государственного и общественного строя, вел практические занятия и пользовался популярностью у студентов. Ю. П. Новицкий был избран председателем правления Общества объединенных петроградских православных приходов, созданного при активной поддержке митрополита Вениамина (Казанского). В 1922 г. как председатель Общества

православных приходов он помогал митрополиту Вениамину (Казанскому) вести переговоры с советской властью. Отстаивал идею о недопустимости политизации общества и выступал за компромисс с властями по вопросу помощи голодающим при условии добровольности пожертвований.

В конце апреля 1922 г. были арестованы некоторые видные священники и миряне Петрограда, в число которых попали И. М. Ковшаров и Ю. П. Новицкий по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей. И. М. Ковшаров также обвинялся в том, что, являясь присяжным поверенным, он вел не только гражданские дела, но и уголовные, а также участвовал в качестве политического защитника, то есть помимо прочего ему в вину вменяли профессиональную адвокатскую деятельность.

Представители юридического и научного сообществ, руководствуясь принципом корпоративности, предпринимали попытки противодействия репрессивному аппарату, добиваясь прекращения уголовного преследования в отношении своих коллег, однако данные попытки не принесли плодов.

И. М. Ковшаров и Ю. П. Новицкий прекрасно понимали свою предрешенную участь и то, что Петроградский процесс представляется судилищем с политической подоплекой, однако сохраняли самообладание.

Фигурантов Петроградского дела защищали пятнадцать знаменитых адвокатов, которые проявили высокий профессионализм и приверженность закону и до последнего осуществляли защиту Ю. П. Новицкого и И. М. Ковшарова, а также остальных подсудимых из числа представителей духовенства и мирян.

В соответствии с приговором Петроградского губернского революционного трибунала по военному отделению Ю. П. Новицкий был обвинен в том, что, «состоя Председателем Правления приходов православной русской церкви, будучи ответственным лицом, на коем лежала обязанность направлять деятельность Правления, в духе утвержденного властями устава, вопреки законной деятельности указанной организации, совместно с митрополитом и активной группой придал организации характер деятельности, поставившей себе целью борьбу с Советской Властью. Далее в том, что для осуществления контрреволюционных замыслов против Рабоче-Крестьянской власти, с целью организации единого фронта непосредственно сносился с Патриархом Тихоном, получая от него указания и директивы. В том, что созывал, под видом легальных собраний, совещания Правления, по вопросам об изъятии церковных ценностей, на коих каких-либо протоколов не вел, с той целью, чтобы скрыть преступную деятельность организации. Таких собраний созывал два: 6-го и 13-го марта. В том, что с 11-го марта с. г. совместно с активной группой и митрополитом участвовал в закрытом совещании в частной квартире, где обсуждался текст второго послания в Исполком, и в том, что, действуя в духе принятых решений, во все время переговоров в Комиссии Помгола по вопросу об изъятии церковных ценностей, таковой переговоры прервал, вступив тем самым на путь борьбы с Советской Властью». И. М. Ковшаров обвинялся в том, что, «состоя членом Правления, участвуя во всех собраниях этого Правления и активной группы, вел совместно с митрополитом переговоры с гражданской властью,

ставя ей ряд неприемлемых условий, принимал участие в противозаконных собраниях Правления от 6-го и 13-го марта и, наконец, в том, что принимал участие в закрытом совещании на частной квартире, а также присутствовал на совещании 5-го марта в алтаре Исаакиевского собора».

Приговором Петроградского губернского революционного трибунала по военному отделению от 6 июля 1922 г. И. М. Ковшаров и Ю. П. Новицкий были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества.

13 августа 1922 г. на окраине Петрограда они были расстреляны и погребены в безвестной общей могиле вместе с митрополитом Вениамином (Казанским) и архимандритом Сергием (Шеиным).

По иронии судьбы И. М. Ковшаров до революции защищал тех, кто вынес ему смертный приговор в 1922 г. Ю. П. Новицкий под влиянием идей Ф. М. Достоевского был активным противником смертной казни, сторонником идей христианского социализма, всю жизнь боролся против смертной казни и в итоге не смог избежать печальной участи.

Переосмысление роли жертв Петроградского процесса в деле об отстаивании интересов верующих и православной церкви произошло на закате советской власти. Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 31 октября 1990 г. приговор Петроградского губернского революционного трибунала по военному отделению в отношении И. М. Ковшарова и Ю. П. Новицкого был отменен, производство по делу прекращено в связи с отсутствием в их действиях состава преступления.

После реабилитации И. М. Ковшарова и Ю. П. Новицкого произошла их канонизация. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1992 г. И. М. Ковшаров и Ю. П. Новицкий причислены к лику святых, став одними из первых мучеников в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

И. М. Ковшаров и Ю. П. Новицкий, как известные представители адвокатского и юридического сообщества, обладавшие активной гражданской позицией, стальным характером, прогрессивными взглядами, приверженностью христианским ценностям, остались в памяти потомков. Поколение молодых адвокатов с уважением относится к памяти своего коллеги И. М. Ковшарова, а студенты юридических факультетов российских университетов чтут память Ю. П. Новицкого.

27 ноября 2016 г. состоялась торжественная церемония передачи в дар Морскому Никольскому собору в городе Кронштадте иконы святых новомучеников адвоката И. М. Ковшарова и юриста Ю. П. Новицкого.

Стоит отметить, что Президент Российской Федерации В. В. Путин, всегда при посещении Морского Никольского собора в Кронштадте, отдает дань уважения памяти И. М. Ковшарова и Ю. П. Новицкого и подходит к их иконе.

И. М. Ковшаров и Ю. П. Новицкий являются святыми небесными покровителями всех представителей юридического сообщества России. Их чтут коллеги по ремеслу и передают память о них из поколения в поколение.

АДВОКАТСКАЯ ЭТИКА

Гаврилов Александр Михайлович

*Адвокат Адвокатской палаты
Чувашской Республики, Коллегия
адвокатов «ЗАЩИТА» города
Чебоксары*

О ЖИВОТВОРЯЩИХ ИСТОЧНИКАХ АДВОКАТСКОЙ ЭТИКИ

Животворящие святыни!
Земля была б без них мертва,
Без них наш отчий край — пустыня,
Душа — алтарь без божества.

А. С. Пушкин

Указом государя-императора Александра II от 20 ноября 1864 г. были утверждены основополагающие законодательные акты Крестьянской, Земской и Судебной реформ. Одним их таких актов — Учреждение судебных установлений — в России был учрежден институт присяжных поверенных. Его можно назвать уникальным правовым источником, который заложил основы для развития лучших традиций, в том числе и этических основ присяжной адвокатуры России.

Можно выделить множество достоинств указанного правового акта для своего времени. Уникальность его, как видится автору, состоит в том, что в нем содержались весьма прогрессивные этические нормы, которые сохранили свою актуальность и являются достойными ориентирами для развития адвокатской этики в современной и будущей России.

Следует отметить, что Учреждение судебных установлений не содержало глав или соответствующих отделений, в которых регулировались исключительно этические отношения. В главе второй, посвященной присяжным поверенным, имеется совсем небольшое количество статей, содержащих нормы этики. Однако ценность их заключается не в исчерпывающей формализации, а в смысловом содержании. Они затрагивают глубокие нравственные и духовные устои и ценностные ориентиры.

О приоритете нравственных характеристик в обществе присяжной адвокатуры свидетельствует то обстоятельство, что в соответствии с Судебными уставами 1864 г. предоставлялось право отказать в звании присяжного поверенного соискателю, который формально удовлетворял требованиям закона, но не имел нравственных качеств, необходимых для правильного исполнения обязанностей адвоката. Более того, определения о непринятии, основанные на нравственной оценке личности, обжалованию в суд не подлежали.

Следует также обратить внимание на ст. 401 Учреждения судебных установлений, согласно которой присяжный поверенный не может действовать в суде в качестве поверенного против своих родителей, жены, детей, родных братьев, сестер, дядей и двоюродных братьев и сестер. Очевидно, что в приведенной норме

раскрывается принцип сохранения и защиты семьи, семейных традиций при осуществлении деятельности присяжным поверенным. Данный принцип также закреплен в присяге из приложения к Учреждению судебных установлений, и это свидетельствует, насколько семейные ценности были значимы для государства, общества и личности. Кроме того, это подчеркивает проявление глубокой мудрости и провидения назревающих тенденций ослабления семейных традиций. В связи с этим весьма символично, что в 2024 г. юбилей российской адвокатуры совпал с Годом семьи, который был объявлен в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей¹.

Полагаю, что для наглядности обозначенных выше тезисов следует обратиться непосредственно к тексту присяги присяжного поверенного, который был следующим: «Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием и животворящим крестом Господним, хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому, исполнять в точности и по крайнему моему разумению законы Империи, не писать и не говорить на суде ничего, что могло бы клониться к ослаблению православной церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности, но честно и добросовестно исполнять обязанности принимаемого мною на себя звания, не нарушать уважения к судам и властям и охранять интересы моих доверителей и лиц, дела которых будут на меня возложены, памятуя, что во всем этом должен буду дать

¹ Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи».

ответ пред законом и пред Богом на страшном суде Его. В удостоверение сего целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».

Представляется, что присяга присяжного поверенного содержит глубокие духовно-нравственные принципы и ценностные ориентиры. Прежде всего, присяжный поверенный призывался при осуществлении своих полномочий к возвышенным добродетелям, воздержанности от всего, что могло поколебать духовно-нравственные устои и традиции общества. Отдельно в тексте присяги выделена добрая нравственность как критерий поведения присяжного поверенного.

Примечательно, что в современном лексиконе термин «добрая нравственность» почти не используется. Однако в условиях нарастания тенденций размывания традиционных ценностей в обществе добрая нравственность как этическая категория являет собой ориентир добродетели.

Касаясь вопроса о нравственности, следует отметить, что в законодательстве России отсутствует четкое закрепление понятия нравственности. В действующем Кодексе профессиональной этики адвоката имеются отсылки на нормы нравственности. Так, из п. 1 ч. 1 ст. 9 следует, что адвокат не вправе руководствоваться безнравственными интересами при оказании юридической помощи, а в ст. 10 указывается, что Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Как видно из приведенных примеров, имеются ссылки на нормы нравственности, но они не конкретизированы. В данном случае мы можем согласиться с позицией тех авторов, которые рассматривают мораль в качестве достояния внутреннего мира индивида, а нравствен-

ность — в качестве внешнего регулятора¹. При этом в законодательстве, как правило, подразумевается общественная нравственность.

В дериватологическом смысле термин «добрая нравственность», который содержится в присяге присяжного поверенного, можно рассматривать как категорию, позволяющую отграничить в нравственности доброе и полезное от сомнительного или вовсе непотребного.

Очевидно, что термин «добрая нравственность» не является изобретением, специально внедренным в присягу присяжного поверенного. Об этом свидетельствуют многочисленные источники XIX в. Достаточно отметить, что указанный термин имеется в толковом словаре Даля. Для того чтобы уяснить истинное значение этого термина, следует обратиться к первоисточнику:

«Нравственный, противоп. телъскому, плотскому: духовный, душевный. Нравственный бытъ чловѣка важнѣе быта вещественнаго. || Относящійся къ одной половинѣ духовнаго быта, противоп. умственному, но составляющій общее съ нимъ духовное начало: къ умственному относится истина и ложь; къ нравственному добро и зло. || Добронравный, добродѣтельный, благоднравный; согласный съ совестью, съ законами правды, съ достоинствомъ чловѣка, съ долгомъ честнаго и чистаго сердцемъ гражданина. Это чловѣкъ нравственный, чистой, безъ укорной нравственности. Всякое самоотверженіе есть поступокъ нравственный, доброй нравственности, добльсти. Христіанская вера заключаетъ въ себя правила самой высокой нравственности. Нравственность веры нашей выше нравственности граж-

¹ См.: Тасаков С. В. Общественная нравственность и ее роль в преодолении кризиса // Российская юстиция. 2009. № 5.

данской: первая требует только строгаго исполненія законовъ, вторая же ставитъ судьейо совесть и Бога¹.

Как видно, добрая нравственность, по словарю Владимира Даля, наряду с доблестью и самоотверженностью является высшей формой проявления нравственности.

Практический смысл внедрения доброй нравственности в этический лексикон заключается в том, что в современном профессиональном мировоззрении определенная линия поведения адвоката внешне может укладываться в рамки законного и вполне нравственного. При этом с позиции доброй нравственности то же самое уже не может быть принято как допустимое.

В качестве примера из сферы внутренней организации адвокатской корпорации, идущего в разрез с доброй нравственностью, можно привести самоутверждение, создание определенного имиджа известности, основанного на эгоизме, противопоставлении себя устоявшимся традициям адвокатского сообщества, некий софизм, ведущий к подрыву авторитета адвокатуры и его органов управления в обществе. Такому явлению есть очень точное определение — смутьянство.

Другой стороной проявления недоброй нравственности может быть реализация адвокатом весьма спорных, с точки зрения нравственности и морали, правовых возможностей и механизмов. В качестве таковой можно назвать продвижение адвокатом механизмов ювенальной юстиции, ведущих к разрушению семьи, изъятию ребенка из семьи и другие подобные действия по весьма формальным или незначительным поводам. Следует отметить, что до последнего времени попытки реализации и насаждения крайне негативных форм

¹ См.: Толковый словарь Даля. 2-е изд. 1881. Т. 2.

ювенальной юстиции по калькам европейского сообщества продвигалась и в России¹. И нужно признать, что в некоторых странах «цивилизованной Европы» это тенденция уже приобрела зловещий характер.

Добрую нравственность наполняют смыслом не иллюзорные представления о добре и зле, а конкретные источники, которые были близки, знакомы и понятны, во всяком случае, православному христианину, жившему в период Судебной реформы 1864 г. По сути, такие нравственные источники содержит Евангелие, они получили развитие в постановлениях Вселенских и Поместных Соборов, предметно исследованы представителями христианской церкви в своих трудах. К ним можно отнести Наставления о доброй нравственности и святой жизни в 170 главах Антония Великого в первом томе Добротолюбия. Книги святых и преподобных Аввы Дорофея «Душеполезные поучения», Иоанна Синайского «Лествица» по праву называют сокровищницами духовной мудрости.

У искушенного читателя может возникнуть резонный вопрос, какими источниками должны были руководствоваться представители других конфессий в присяжной адвокатуре в вопросе сохранения доброй нравственности. В этой связи обращает на себя внимание ст. 381 Учреждения судебных установлений, согласно которой каждый адвокат присягал «по правилам своего вероисповедания». Эта норма неукоснительно соблюдалась. Например, у начинавшего

¹ В России работа над внедрением ювенальной юстиции проводилась в рамках Европейской социальной хартии, закрепляющей ряд общественных прав человека, а также на основе ратифицированной Конвенции о правах ребенка и ее положений, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

в Перми адвокатскую карьеру М. И. Хволоса присягу принимал раввин, а присягавший целовал не крест, а слова Святой Библии; первый адвокат-татарин г. Казани С. Г. Алкин целовал слова Святого Корана, а присягу у него принимал мулла уездной мечети¹.

В этой связи следует отметить, что добрая нравственность как универсальная этическая категория не входит в противоречие с основополагающими догматическими положениями традиционных конфессий, вполне вписывается в них. Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию².

В современном обществе вопросы морали и нравственности регулируются этическими кодексами. Задача этических кодексов заключается в том, чтобы привести порой противоположные представления членов профессионального сообщества о добре и зле к общему социально полезному знаменателю. Этого можно достичь, только формализовав до определенной степени нравственные идеалы, на которых базируется та или иная профессиональная деятельность.

В преамбуле Кодекса профессиональной этики адвоката в качестве цели его принятия указывается

¹ См.: *Смирнов В. Н., Усманов Р. Р.* История адвокатуры Среднего Урала. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 1999. С. 41.

² См.: п. 6 Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

поддержание профессиональной чести, развития традиций российской (присяжной) адвокатуры. Кроме того, в ст. 1 и п. 3 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката¹ определяется перечень источников регулирования вопросов профессиональной этики адвоката и в соотношении со ст. 2 Кодекса позволяет установить их иерархию:

- 1) законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре;
- 2) Кодекс профессиональной этики адвоката;
- 3) сложившиеся в адвокатуре обычаи и традиции, соответствующие общим принципам нравственности в обществе.

Анализ положений ст. 1 Кодекса свидетельствует также о том, что адвокаты в Российской Федерации в своей деятельности вправе руководствоваться международными стандартами, например Общим кодексом правил для адвокатов стран Европейского Сообщества, при отсутствии противоречий таких правил не только законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре и положениям Кодекса, но и вышеуказанным обычаям и традициям. Такой вывод следует из обязательности традиций и обычаев, в отличие от правил, содержащихся в международных стандартах.

При этом автору представляется весьма оценочным положение о том, что обычаи и традиции, сложившиеся в адвокатуре, согласно п. 3 ст. 4 Кодекса становятся обязательным для адвокатов источником регулирования вопросов профессиональной этики лишь при условии их соответствия общим принципам нравственности в обществе. В практической плоскости соотношение соответствия обычаев и тра-

¹ Далее по тексту — Кодекс.

диций общим принципам нравственности в обществе вызовет непреодолимые сложности ввиду отсутствия формализованных положений последних.

В законодательстве Российской Федерации встречаются отсылки к нормам нравственности, морали, совести. В некоторых случаях раскрываются их характеристики, например добропорядочность, честность, справедливость и др. При этом добрая нравственность является неизменной категорией и своеобразным камертоном добра и зла, в основе которого лежат вечные источники абсолютной истины. Чего не скажешь об общих принципах нравственности в обществе, которые могут меняться в угоду историческим, политическим, экономическим условиям. Эта тенденция становится заметной в современных условиях глобализации общества, развития технологий, влекущих размывание граней этики и нравственности

В связи с вышеизложенным указанное положение п. 3 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, очевидно, требует оживляющей ее корректировки.

Нравственность в Российской Федерации признается конституционной ценностью, ограничение прав и свобод человека и гражданина допускается, если это необходимо для ее защиты. В ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Нравственные основы современного российского общества через традиционные ценности получили от-

ражение в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В частности, в указанном доктринальном нормативном акте установлено, что традиционные ценности— это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимопочтение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России¹.

Таким образом, Учреждение судебных установлений является по праву не только уникальным памятником права, заложившим основы становления и развития присяжной адвокатуры, но и животворящим источником развития и качественного совершенствования норм адвокатской этики и правовой этики в целом в духе традиционных ценностей народов России.

¹ Там же.

Гасанова Луиза Рашидовна

*Адвокат Адвокатской палаты
Республики Дагестан, член Коллегии
адвокатов «Апеллянт»*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ АДВОКАТСКОЙ ЭТИКИ

Когда защищаешь чужой интерес
На поле большом правовом, беспокойном,
Твори невозможное. В мире чудес,
Оно, может быть, тоже станет возможным.

В руках твоих меч из законов и прав
И щит из способностей, вера в свободу.
Ты будь человечен, благому воздав,
И не забывай, откуда ты родом...

Л. Р. Гасанова

Обстоятельства сложились так, что 20 ноября — это самый любимый для меня день в году. С самого рождения. В этот день я появилась на свет. Не знаю, обусловлено ли это датой моего рождения, или нет, но я всегда отличалась развитой способностью к эмпатии, желанием понять другого человека, защитить слабого и даже сентиментальностью. Но, наряду с этими «мягкими» качествами, мне всегда была присущи сила воли, целеустремленность, упорство в достижении целей, шепетильность, честность

и оптимизм. Я не пытаюсь этими словами польстить себе. Но вот что удивительно: у адвокатуры, родившейся в этот же день уже много лет назад, те же самые качества и черты характера. Возможно, их концентрат в воздухе в эту дату так велик, что они достались мне просто по факту рождения. Теперь я адвокат.

Адвокат. Слово из семи букв. Но сколько в него вложено! Сколько путей-дорог пришлось ему пройти прежде, чем оно достигло современной формы, содержания и смысла. Сколько раз оно прозвучало в пространстве и во времени, будучи произнесенным людьми разных эпох, возрастов, поколений, статуса, положения, разными голосами — мужскими и женскими, ровными, вибрирующими от смеха, тонкими от сдавливающих горло слез или слишком спокойными от охватившего оцепенения, но никогда — равнодушными.

У каждого была тому своя причина — кто-то участвовал в законодательном регулировании благородной адвокатской деятельности, освещении таковой в прессе, но большинство произносящих кричали о своей боли, оказавшись в тяжелых жизненных ситуациях, в которых они были совсем одинокими, брошенными на произвол судьбы, уязвимыми и после — недоверчивыми и замкнутыми. Казалось, все отвернулись от них и ни одна душа в целом мире не может их понять, согреть словом, а главное — им помочь. Однако случалось «чудо» (да-да, в понимании человека, ставшего жертвой страшных обстоятельств, это на самом деле чудо) — появлялся он, поверенный, адвокат. В корнях этих слов — русское «вера», латинские «защищать, помогать словом, при-

зывать к помощи». После такого перевода отпадает необходимость дополнительно говорить о важности и благородстве этой профессии. Но возникает другая необходимость — разобраться в этической составляющей этого непростого ремесла. Ведь говорить о вере и строить защиту грешно без фундамента из нравственности, совести и порядочности.

Сегодня адвокатская этика — один из основополагающих факторов деятельности адвоката, ведь она обуславливает ее эффективность, качество выполнения адвокатом долга как перед доверителем, так и перед обществом в целом. Правила и нормы поведения отражены в принятом на I Всероссийском съезде адвокатов, состоявшемся 31 января 2003 г., Кодексе профессиональной этики адвоката.

Но всегда ли интересы доверителей опекались сквозь призму адвокатской добросовестности? Рассмотрим этот вопрос в историческом разрезе.

И. В. Гессен писал: «Истории русской адвокатуры... нет дела до того, что существовало раньше судебной реформы, ей там искать нечего и незачем приподымать завесу безотрадного прошлого» [1, с. 2]. Разделяя позицию об очень слабом родстве адвокатуры современной с дореформенной, опушу предысторию адвокатуры и затрону некоторые вопросы возникновения адвокатской этики и ее развития со второй половины XIX в.

В Учреждении судебных установлений 1864 г. были определены статус присяжных поверенных, вопросы рассмотрения жалоб на их действия и наблюдения за точным исполнением ими законов, установленных правил и всех принимаемых ими на себя обязанностей сообразно с пользою их доверите-

лей; определения взысканий с поверенных, порядка привлечения их к дисциплинарной ответственности, мер дисциплинарного взыскания. Одним словом, закреплены основы дисциплинарной ответственности.

Также были установлены конкретные запреты и ограничения с развитым «этическим корнем». настолько развитым, что из него выросли и по сей день цветут нормы адвокатской этики.

Приведу несколько примеров:

Первый: в соответствии со ст. 403 Учреждения судебных установлений 1864 г. присяжный поверенный не должен оглашать тайн своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случае устранения от оногo и даже после окончания дела.

Сегодня данная норма, закрепленная в Кодексе профессиональной этики адвоката, звучит так: «Доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации... Срок хранения тайны не ограничен во времени...»

Адвокатской тайне коррелирует очень важный аспект адвокатской работы — доверие со стороны лица, обратившегося за помощью. Тут вспоминаются слова Олега Роя: «Доверять друг другу нужно не только радости и мечты, но также горести и проблемы, а это куда сложнее».

Адвокат — это лицо, которое должно вызывать полное доверие у доверителя. Тавтология в данном случае ни капельки не портит текст, а только обращает внимание на ценность и важность рассматриваемого этического принципа. Кого, если не своего

адвоката, можно посвятить в вопросы, причиняющие так много страданий человеку? Кто, если не адвокат, может защитить, несмотря ни на что? За этими риторическими вопросами следуют и некоторые другие, такие как: «Сможет ли адвокат выстроить правильную линию защиты или представительства, не зная важных деталей, при желании правды? Не прогнется ли его защита или представительство в суде, выстроенные из предоставленной доверителем скудной или недостоверной информации под тяжестью посыпавшихся фактических обстоятельств, подкрепленных доказательствами? Не является ли целесообразным позволить адвокату подготовиться к делу, учтя все особенности и детали, и быть готовым ко всем возможным вариантам развития событий?» Мысленно каждый ответит на последние вопросы так, что важность и ценность адвокатской тайны, ее установления и правовой защиты будет очевидной. И очевидность эта была актуальна в далеком и недалеком прошлом, актуальна в настоящем и будет актуальна всегда.

Второй: в ст. 402 Учреждения судебных установлений 1864 г. закреплен запрет на оказание юридической помощи в условиях конфликта интересов доверителей: «Присяжный поверенный не может не только быть в одно и то же время поверенным обеих спорящих сторон, но и переходить по одному и тому же делу последовательно от одной стороны к другой». Сегодня данная норма в более раскрытом варианте предусмотрена подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре), согласно которому ад-

вокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

Третий: в ст. 400 Учреждения судебных установлений 1864 г. указано: «Присяжным поверенным запрещается покупать или иным образом приобретать права своих доверителей по их тяжбам как на свое имя, так и под видом приобретения для других лиц. Все сделки такого рода признаются недействительными и подвергают поверенных ответственности по постановлению их совета». Сегодня Кодекс профессиональной этики адвоката говорит о том, что адвокат не вправе приобретать каким бы то ни было способом в личных интересах имущество и имущественные права, являющиеся предметом спора, в котором адвокат принимает участие как лицо, оказывающее юридическую помощь.

Четвертый: ст. 395 Учреждения судебных установлений 1864 г. гласила: «Количество вознаграждения присяжных поверенных за хождение по делам зависит от соглашения их с доверителями. Условие о сем должно быть письменное». Ныне вопросы, касающиеся адвокатского вознаграждения (гонорара), закреплены в ст. 25 Закона об адвокатуре, ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката. И сегодня предусмотрено обязательное заключение соглашения между адвокатом и доверителем с указанием гонорара адвоката. Устойчивость данного принципа и сохранение его основы по сей день подчеркивает неизменное бережное отношение адвокатуры к интересам и спокойствию доверителей.

Очевидно, что современный блок этических норм профессиональной деятельности адвоката сформирован на базе лучших отечественных нормативных традиций адвокатуры, сложившихся в процессе ее исторического развития. Это понятно, правильно, логично и последовательно, ведь несмотря на то, что взгляды очень сильно меняются со временем, соответствуя всем внешним изменениям общественной жизни, базовые понятия, такие как мораль и нравственность, человечность и совесть, остаются неизменными и с незначительной разницей интерпретируются примерно одинаково почти в любой исторический период.

Учитывая изложенное, отвечая на поставленный ранее вопрос о том, всегда ли интересы доверителей опекались адвокатурой сквозь призму адвокатской добросовестности, отвечаю: да. Так было с момента становления адвокатуры. С момента ее зарождения все этические принципы, присущие своему периоду, — не просто социальные нормы, за нарушение которых адвокат рискует быть подвергнутым неодобрительному взгляду со стороны любого представителя общества, хлестким, как удар, медленным кивкам головы, порицающим нарушение, или обруганным в каких-либо узких кругах, а нормы правовые и родные правовым.

Нарушить их — значит не только поступиться своими честью и достоинством, не только подвести доверителя, не только пошатнуть его к себе доверие, а подвергнуть себя риску быть привлеченным к ответственности. О чем это говорит? Это говорит о прочном фундаменте, на котором построена адвокатура. А дом, выстроенный на прочном фундаменте, простоит века. С годами лишь только возникает

необходимость его облагораживать, подкрашивать забор, проводить косметический ремонт. Так, собственно, и происходит. Пережив после своего установления кризисы, революции, войны, нормы адвокатской этики сохранили актуальность, усовершенствовались, упорядочились и снова в строю.

Рассматривая основы этического поведения адвоката сквозь призму истории и наблюдая их сегодня, дополнительно убеждаешься в том, что главная этика вообще, и адвоката в частности, — это человечность. Просто быть человеком. И тогда тебе не нужно каждый раз заглядывать в инструкции, чтобы проверить, как можно, а как нельзя, не нужно изворачиваться или искать объяснение себе и свои поступкам. В этом и других подобных случаях я часто вспоминаю известную притчу о сороконожке:

Спросили как-то сороконожку: «Сороконожка, скажи, как ты умудряешься ходить сорока ногами и не запинаться, и не падать?» Сороконожка задумалась и... упала.

Чтобы адвокату «не падать», анализируя причины своего профессионального поведения, нужно тренировать «этику головного мозга», «этику души и своего состояния» до тех пор, когда она, если и не была родным качеством, станет таким. Ведь адвокат — не только профессионал, но и человек. Настоящий. С достоинствами и недостатками, с силой и слабостью, обостренным чувством справедливости, душевный, глубокий настолько, чтобы черпать в этой глубине стремление к защите слабого, уязвимого, нуждающегося в помощи. Не способный предать, обмануть, отнестись формально к проблеме себе подобного. И не подвластно это ни времени, ни ходу истории...

*Ходатаем он вышел из тени,
Периодически меняя имена.
И в светлый день, и в пасмурные дни
Пред ним стояла только цель одна —
Помочь. Помочь, а как? Да как-нибудь...
Так шел он, пробираясь сквозь года,
Проделал очень долгий, трудный путь,
Оставив за собой лишь тень следа.
Был орошен хлестающим дождем
Из изменений права и людей,
Все говорили с гордостью о нем
В судейской, прилегающей среде.
И дали имя новое ему,
И закрепили новые права,
И обязали следовать тому,
О чем в законе целая глава,
Что заменила прошлое собой.
Присяжные поверенные там
Сверкали вдохновенно новизной,
Преследуя реформы по пятам.
И в статусе таком не год один
Прошел он сквозь события, века.
По рекам юридических рутин,
Он плыл, смотря на правды облака.
Добравшись до семнадцатых годов
Под кризисом событий тех времен,
Попав под революции покров,
Он статуса частично был лишен.
Теперь правозаступник. А таким
Любой прохожий мог спокойно быть,
Но не хотел он, так же как другие,
Формальным и бессмысленным прослыть.
Он оклемался. Продолжал брести*

*По узким тропам воли и свобод
И на тернистом правовом пути
Дошел до дома своего ворот.
Входи скорее! Ты не стой у врат
И позаботься о себе без нянек,
Ведь с именем достойным — адвокат —
Другим — спасенье. Кнут себе и пряник.*

Литература и другие материалы

История русской адвокатуры. М., 1914. Т. 1: *Гес-сен И. В.* Адвокатура, общество и государство. 20. XI. 1864—1914.

Трубецкой Никита Александрович

Вице-президент Адвокатской палаты Ставропольского края, член Ставропольской краевой коллегии адвокатов

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ АДВОКАТУРЫ — ВНЕ ВРЕМЕНИ. АДВОКАТЫ И СОВЕСТЬ: ВЫСОКИЕ МОРАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ КАК ЕСТЕСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИИ АДВОКАТА

Датой рождения адвокатуры в России принято считать 20 ноября 1864 г., когда в ходе Судебной реформы императора Александра II был учрежден институт присяжных поверенных.

За последующие 160 лет институт российской адвокатуры прошел тернистый путь развития, преодолевая как политические, так и экономические трудности, тяжелые времена гонений и преследований. Менялась власть, менялся кадровый состав адвокатуры, но нравственные ценности членов адвокатского сообщества оставались неизменными. Какие бы сложные времена ни переживала адвокатура, ее представители всегда помнили — нравственные устои профессии остаются незыблемыми, что постепенно нашло отражение и в правовых актах, регулирующих деятельность адвокатского сообщества. Соответственно, категории «честь» и «достоинство» довольно часто упомянуты как в дисциплинарных отчетах Со-

ветов присяжных поверенных, так и в нашем современном Кодексе профессиональной этики адвоката (далее — также КПЭА).

Вступая в профессию, присяжные поверенные приносили присягу, в которой клялись, в том числе, «честно и добросовестно исполнять обязанности принимаемого мною на себя звания».

Для наглядности напомним текст современной присяги¹: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности адвоката, защищать права, свободы и интересы доверителей, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката».

Присяжные поверенные всегда подчеркивали свою принадлежность к особому, элитарному сообществу, объединяющему людей, которые обладают не только высоким профессионализмом, но и исключительной нравственностью. Конечно, элитарности сословия присяжных поверенных способствовали и высокие критерии отбора: случайные люди в их число, как правило, не попадали.

Надо отметить, что этические правила адвокатской деятельности с момента появления адвокатуры как отдельного сословия (корпорации) выделяли высокие моральные принципы как естественную составляющую профессии адвоката.

Как было отмечено членом Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты Александром Николаевичем Марковым (систематизировав-

¹ См. ч. 1 ст. 13 Закона об адвокатуре (здесь и далее — Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

шим постановления советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики) еще в начале прошлого века: правила строгой морали составляют внутреннюю силу сословия и его могучее орудие против раздающихся иногда нападков на адвокатуру¹.

Правила советской адвокатуры также определяли, что помимо обязанности «постоянно совершенствовать свои знания, повышать свой идейно-политический уровень и деловую квалификацию, активно участвовать в пропаганде советского права», «адвокат должен быть образцом моральной чистоты и безукоризненного поведения»².

Если убрать идеологическую составляющую, то аналогия корпоративных правил (начиная от присяжных поверенных и заканчивая современными адвокатами) в части нравственных начал профессии, ее духа, очевидна.

Сейчас, конечно, совсем иное общественное устройство, которое предопределяет и более демократичные критерии для вступления в профессию.

Кадры решают все?

Тем не менее кадровое обеспечение и сегодня играет серьезную роль, в том числе в свете предстоящей реформы по профессионализации судебного представительства с упором на адвокатуру.

Как следует из правовой позиции Конституционного Суда РФ³, возложение на адвоката обязанности

¹ См.: *Марков А. Н.* Правила адвокатской профессии. Опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. М., 1913.

² Закон РСФСР от 20 ноября 1980 г. «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» (ст. 16).

³ См.: Определение от 17 июня 2013 г. № 907-О.

соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и решения органов адвокатской палаты, а также наделение адвокатской палаты правом прекращения статуса адвоката направлены на обеспечение адвокатуры квалифицированными специалистами, обладающими высокими профессиональными и **морально-нравственными качествами** (здесь и далее выделено мной. — *Прим. авт.*).

В связи с этим следует отметить, что сегодня в адвокатуру реже приходят молодые люди сразу по окончании вуза (с учетом необходимого стажа для сдачи квалификационного экзамена). Как правило, молодежь идет на госслужбу, поскольку там более льготные условия, особенно в плане социальной защищенности.

Помимо этого, молодые люди, практикующие представительство по гражданским и административным делам в судах общей юрисдикции или в арбитраже, не хотят становиться адвокатами и с учетом непропорционального налогообложения (адвокат всегда платит подоходный налог 13 процентов, ИП и самозанятые имеют возможность платить 6 и менее процентов с дохода от деятельности по оказанию юридической помощи).

Полагаю, для того, чтобы молодые люди шли в адвокатуру, необходимо повысить престиж профессии. И здесь, конечно, одними лозунгами не обойдешься, в том числе поэтому адвокатская корпорация последовательно ратует за скорейшее решение вопроса о профессионализации судебного представительства на базе адвокатуры.

А пока что адвокатура в основном пополняется за счет претендентов 40 плюс, ранее находившихся

на госслужбе (как правило, в правоохранительных органах). Ничего не имею против таких лиц (не понаслышке знаю, что немалая часть из них обладают, помимо высокого профессионализма, еще и недюжинными моральными качествами), однако отмечу, что зачастую они приходят со сформировавшимся нравственным нарративом, порой довольно специфическим. При этом, имея достаточный жизненный опыт и навыки работы по юридической специальности, многие из них с большим скепсисом относятся именно к этическим основам новой профессии, полагая их неким атавизмом.

Между тем, полагая, вхождение в профессию необходимо начинать именно с морально-нравственного аспекта, т. е. с этических правил профессии. Эти правила гораздо легче донести до тех, кто еще не имеет отрицательного практического опыта, т. е. до молодежи.

Совесь адвоката как предмет дискуссии

Недавно, читая лекцию для молодых адвокатов на тему профессиональной этики при участии в уголовном судопроизводстве, я обратил внимание новых коллег на конструкцию ст. 17 УПК РФ, определяющую правила оценки доказательств.

В частности, на то, что ч. 1 ст. 17 УПК РФ предусмотрено: судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь при этом законом и **совесью**.

Общеизвестно, что совесть относится к категориям морали. По одному из распространенных опреде-

лений совесть — способность личности самостоятельно формулировать собственные нравственные обязанности и реализовать нравственный самоконтроль, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков.

Надо сказать, что указание законодателя на необходимость руководствоваться совесью при оценке доказательств, причем почему-то именно и исключительно в уголовном процессе, несколько нетривиально и в том числе наводит на юмористическо-риторические размышления относительно его практического использования, например: что может свидетельствовать о бессовестной оценке доказательств; как это зафиксировать и/или доказать; является ли бессовестная оценка должностным лицом доказательств основанием для отмены принятого им процессуального решения; и т. п. Но это — тема для отдельного разговора.

В данном же случае, обратив внимание коллег на факт неуказания защитников среди участников уголовного судопроизводства, которым предписано производить оценку доказательств (в том числе руководствуясь совесью), я объяснил логику законодателя отсутствием у защитника, в отличие от других названных в указанной норме участников судопроизводства, права принятия в рамках уголовного процесса обязательных для исполнения решений.

Тем не менее названное обстоятельство (отсутствие адвоката в указанном перечне) дало коллегам повод для шуток (надеюсь, что шуток) о ненужности совести в работе адвоката.

В связи с чем мы вспомнили и обсудили известные поговорки: «Наличие совести — признак про-

фессиональной непригодности юриста»; «Размер вознаграждения адвоката, как правило, обратно пропорционален объему его совести»; и т. п. Вспомнили классика, вложившего в уста одного из героев фразу: «А адвокат известно что: адвокат — “нанятая совесть”»¹.

Подобное мировоззрение построено на предположении, что за деньги адвокат способен взяться за оправдание любого зла, в том числе и незаконными методами. Не секрет, что многие известные художественные произведения построены на тематике лавирования адвоката между добром и злом — как в реальности, так и на метафизическом уровне.

Альтернативная позиция гласит: адвокат в силу закона обязан защищать в том числе зло (конечно, законными методами) хотя бы для того, чтобы оно не могло оправдаться несправедливостью процесса. В этой связи можно привести и следующее выражение²: лучше оправдать десятерых виновных, чем осудить одного невиновного.

В конце этой несколько несерьезной дискуссии некоторые из коллег попросили меня все же сформулировать серьезный ответ о необходимости (или отсутствии таковой) адвокату руководствоваться совестью в своей деятельности. Полагаю, что ответ на данный вопрос лежит на поверхности и давно уже зафиксирован в тексте (хотя иногда и между строк) закона и КПЭА.

¹ Цитата из романа Федора Михайловича Достоевского «Подросток» (1875).

² Происхождение фразы связывают с императорами Екатериной II и Петром I; также подобная фраза вложена Ф. М. Достоевским в уста одного из героев романа «Братья Карамазовы».

Итак, нужна ли совесть в профессиональной деятельности современного адвоката и почему нравственное начало так важно в его работе?

Анализ современного законодательства об адвокатской деятельности в Российской Федерации позволяет утверждать, что одним из условий надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей, как и прежде, является соблюдение им ряда нравственных требований.

Само существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих **чести и достоинстве**, а также об авторитете адвокатуры (2 абзац преамбулы КПЭА).

Закон об адвокатуре (п. 1 ч. 1 ст. 7) и КПЭА (п. 1 ст. 8) прямо предписывают адвокату (при осуществлении профессиональной деятельности) действовать в том числе **честно и добросовестно**.

Кроме того, КПЭА еще в целом ряде норм (ст. 4, 5, 7, 9, 10) оперирует подобными морально-нравственными категориями: адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять **честь и достоинство**, присущие его профессии (в том числе вне профессиональной деятельности, если принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения); убежденность доверителя в **порядочности, честности и добросовестности** адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему; адвокат не вправе руководствоваться **безнравственными интересами**; закон и **нравственность** в профессии адвоката выше воли доверителя; и т. д.

Как видно хотя бы из перечисленных норм (Закона об адвокатуре и КПЭА), этические начала в дея-

тельности современного адвоката не менее важны, чем соблюдение формальных требований закона.

Названные нормы закона и Кодекса профессиональной этики должны исполняться каждым адвокатом. Это его профессиональная, статусная обязанность, которая становится таковой после принесения присяги. За игнорирование данных требований предусмотрена индивидуальная дисциплинарная ответственность.

При этом предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре требование **честности и добросовестности** — не что иное как прямая отсылка законодателя к морали, которой должен придерживаться адвокат в своей деятельности.

Отсутствие в законе легального определения названных понятий порождает споры

Так, указанное положение Закона об адвокатуре, в котором законодателем в том числе используются оценочные понятия «честность» и «добросовестность» при формулировании обязанности адвоката по отстаиванию прав и законных интересов доверителя, — становилось предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ¹. Однако КС не стал рассматривать жалобу заявителя по существу со ссылкой на свою ранее изложенную правовую позицию² о том, что для решения споров на основе законоположений, в которых законодатель использует в рамках конституционных предписаний оценочные по-

¹ См.: Определение от 16 декабря 2010 г. № 1580-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лябихова Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав».

² См.: Определение от 2 апреля 2009 г. № 484-О-П).

нятия, позволяющие правоприменителю эффективно обеспечивать баланс интересов, в наибольшей мере предназначена именно судебная власть, действующая на основе принципов самостоятельности, справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия. Следовательно, по мнению КС, отсутствие в тексте Закона об адвокатуре легальных определений «честности», «разумности» и «добросовестности», а также оценочный характер используемых законодателем терминов сами по себе не могут рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод заявителя в его конкретном деле.

В этом контексте нельзя не отметить, что современный КПЭА представляет собой небольшой свод основных (принципиальных) этических ценностей и запретов, которые на уровне интуиции должны быть понятны любому адвокату. Оценочный характер некоторых приведенных в нем терминов действительно оставляет некоторое пространство для рассуждений об отсутствии правовой определенности. Однако в целом свойства морали (этики) таковы, что мы на подсознательном уровне, как правило, мгновенно понимаем, правильно или нет поступил человек (адвокат) в той или иной ситуации. В то же время требуется определенное время для формулирования мыслительной деятельности и ее переноса в вербальную или документальную форму. При этом иногда бывает крайне сложно выразить свое внутреннее убеждение словами так, чтобы это в полной мере отражало исконную мысль.

В этом смысле современный Кодекс профессиональной этики, будучи продолжением заложенных нашими предшественниками традиций и дополне-

нием к правилам, установленным Законом об адвокатуре¹, как раз больше (в сравнении с законом) отражает дух профессии (моральные нарративы, те самые сложившиеся в адвокатуре обычаи и традиции), нежели формальную сторону (букву закона). Так КПЭА² предусматривает возможность его применения и в случаях, когда какая-то ситуация прямо не урегулирована в его нормах, исходя из сложившихся в адвокатуре традиций и общих принципов нравственности в обществе. Последнее обстоятельство в том числе подтверждает, что в этой системе ценностей (мораль, этика) невозможно лишь строгое формально определенное регулирование, построенное на ограничительном толковании этических норм и понятий.

Очевидно и то, что в нормах этического кодекса невозможно предусмотреть все возможные ситуации, особенно выходящие за рамки стандарта (шаблона). Предметное (применительно к конкретной ситуации) толкование сформулированных в КПЭА общих принципов и понятий, как правило, происходит в процессе правоприменительной и разъяснительной деятельности корпоративных дисциплинарных и экспертных органов, в рамках установленных законом полномочий.

¹ См. п. 1 ст. 2 КПЭА.

² «В тех случаях, когда вопросы профессиональной этики адвоката не урегулированы законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре или настоящим Кодексом, адвокат обязан соблюдать сложившиеся в адвокатуре обычаи и традиции, соответствующие общим принципам нравственности в обществе» (п. 3 ст. 4 КПЭА).

Правила корпоративной этики — «профессиональная совесть» адвоката

Резюмируя сказанное, попробую сформулировать ответ на заданный по ходу повествования вопрос, нужна ли совесть адвокату в профессиональной деятельности и почему нравственное начало так важно в его работе, следующим образом.

Все люди, в том числе и адвокаты, рождаются с совестью и вольны руководствоваться ею в своих поступках так, как полагают правильным. Вступая в профессию и принося присягу (именно с этого момента, в силу закона, лицо приобретает соответствующий статус), адвокат приобретает помимо общечеловеческой (врожденной) еще и «профессиональную совесть» (в части профессионально-нравственных нарративов, предусмотренных КПЭА), которой он обязан руководствоваться в своей деятельности в силу закона.

За отсутствие, полную или частичную утрату данной (приобретенной) «профессиональной совести» (т. е. за нарушение принципов и норм профессиональной этики) адвокат может быть привлечен к дисциплинарной ответственности вплоть до лишения статуса адвоката. Мы все на это «подписываемся», вступая в профессию.

ПРАВА АДВОКАТА

Хмыров Ростислав Владимирович

Вице-президент Адвокатской палаты Краснодарского края, председатель Коллегии адвокатов «Хмыров, Валявский и партнеры», председатель Комиссии по защите профессиональных прав адвокатов Адвокатской палаты Краснодарского края, член Комиссии Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по защите прав адвокатов, кандидат юридических наук

ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТАЙНЫ АДВОКАТА

Наша жизнь находится в неизменном движении: ночь сменяется днем, а день — ночью. Как говорил древнегреческий философ Гераклит Эфесский: «Все течет, все меняется...» Однако существуют проблемы, актуальность которых не угасает по прошествии времени, возможно, даже напротив, возрастает, но, что самое интересное, не поддается разрешению. Волей-неволей соглашаешься с утверждением Александра Александровича Блока: «...Умрешь — начнешь опять сначала, и повторится все, как встарь...».

Проблемы, о которых я говорю, связаны с вопросами обеспечения гарантий, которыми по праву наделен адвокат.

Сегодняшние реалии уголовного судопроизводства — участвовавшие случаи оказания давления на уголовно-процессуальный статус адвоката, нарушение его профессиональных прав и интересов — убедительно доказывают право члена адвокатского сообщества не только оказывать, но и получать квалифицированную юридическую помощь. Именно поэтому органами адвокатского самоуправления созданы комиссии по защите прав адвокатов, что является новой вехой на пути построения института адвокатуры как сильной уважаемой обществом и государством самоуправляемой организации, цель которой — оказание квалифицированной юридической помощи всем и каждому в ней нуждающемуся. От того, насколько сильным и независимым является профессиональное сообщество адвокатов, зависит качество оказания квалифицированной юридической помощи.

Одним из элементов квалифицированной юридической помощи выступает право обратившегося к адвокату лица на сохранение в тайне сообщенных ему сведений. Если для доверителя, обратившегося за юридической помощью к правозащитнику, рассчитывать на конфиденциальность переданных сведений — право, то для адвоката сохранение в тайне полученной информации является обязанностью, которая носит не декларативный, а практический характер и является безусловным приоритетом его деятельности.

При этом, чем страшнее тайна, тем сложнее ее хранить. Возможно, именно поэтому процессуаль-

ные оппоненты заинтересованы в получении доступа к адвокатской тайне, что порой толкает их на нарушение закона, охранять который они призваны.

Запрет на допрос адвоката в качестве свидетеля, исполнившего свои обязанности по тому же делу, имеет глубокие исторические корни, восходящие к Судебным уставам 1864 г. Именно с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. связано зарождение профессиональной тайны присяжного поверенного. Так, в п. 709 Устава уголовного судопроизводства содержался запрет: *«Никто не может быть допрошен в качестве свидетеля совместно с исполнением по тому же делу обязанностей прокурора, или защитника подсудимого, или поверенного, постного обвинителя или гражданского истца»*.

В 1913 г. член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты А. Н. Марков (в Правилах адвокатской процессии в России) подчеркивал важность существующего запрета допрашивать присяжного поверенного, буквально говорил следующее: *«Интересы общественные, не менее возвышенные, чем интересы правосудия, противятся такому порядку, по которому лицо, обладающее чужой тайной в силу своего особого профессионального положения, было бы обязано свидетельствовать о ней хотя бы перед тем же правосудием»*. В этих же Правилах отмечалась священность полученной присяжным поверенным во время консультации доверителя информации, которая по своей важности приравнивалась к сведениям, которые становились доступны ему после вступления в дело в качестве официального защитника.

Гарантия в виде запрета на допрос защитника в качестве свидетеля была подтверждена и в п. 1 ст. 65 УПК РСФСР 1922 г., где говорилось о том, что не подлежит допросу в качестве свидетеля: *«...защитник обвиняемого по делу, по которому он выполняет таковые обязанности...»*. Аналогичная норма, запрещающая допрос защитника в качестве свидетеля, содержалась и в п. 1 ст. 61 УПК РСФСР 1923 г. Запрет на допрос адвоката распространялся лишь на защитника обвиняемого по делу, что позволяло правоохранителям допрашивать адвоката в качестве свидетеля в иных случаях.

В УПК РСФСР 1960 г. гарантия адвокатской деятельности получила свое развитие. Так, ст. 72 УПК РСФСР 1960 г. содержала два пункта, в первом из которых было указано, что не подлежат допросу: *«защитник обвиняемого — об обстоятельствах дела, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника»*. Во втором же говорилось о недопустимости допроса лиц, которое в силу своих физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

В дальнейшем ст. 72 УПК РСФСР 1960 г. была дополнена п. 3, в котором говорилось, что не могут допрашиваться в качестве свидетеля: *«адвокат, представитель профессионального союза и другой общественной организации — об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением ими обязанностей представителя»*.

Таким образом, помимо запрета на допрос защитника обвиняемого в качестве свидетеля, был

установлен и запрет на допрос адвоката, который участвовал в уголовном судопроизводстве в качестве представителя. Однако из буквального толкования ст. 72 УПК РСФСР 1960 г. следовало, что свидетельский иммунитет предоставляется только защитнику обвиняемого и адвокату, которые участвовали в уголовном судопроизводстве. В иных случаях, закрепленная в уголовном-процессуальном законе гарантия (в виде свидетельского иммунитета) на адвоката не распространялась.

Новый этап развития уголовно-процессуального законодательства по закреплению свидетельского иммунитета произошел после обращения в Конституционный Суд РФ адвоката Виктора Васильевича Паршуткина, указавшего в своей жалобе на несоответствие ст. 72 УПК РСФСР и ст. 15 и 16 Положения об адвокатуре Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ согласился с доводами адвоката, указав в Определении от 6 июля 2000 г. № 128-О, что оспариваемые адвокатом положения не могут препятствовать допуску к участию в уголовном деле избранного им защитника, так как исключают возможность допроса последнего в качестве свидетеля об обстоятельствах и фактах, ставших ему известными в рамках профессиональной деятельности по оказанию юридической помощи, независимо от времени и обстоятельств получения им таких сведений.

Действующий УПК РФ 2001 г. в ст. 56 сохраняет запрет на допрос адвоката в качестве свидетеля, уточняя, что адвокат или защитник не могут быть вызваны на допрос в статусе свидетелей по обстоя-

тельствам, ставшим им известными в ходе оказания юридической помощи.

Таким образом, уже более 159 лет закон охраняет право адвоката на неприступность сообщенных ему доверителем сведений, защищая интересы лиц, обратившихся к нему за юридической помощью. О существующем запрете прекрасно информированы все участники уголовного судопроизводства: дознаватели, следователи, прокуроры и судьи. Эта правовая традиция продолжает служить важным элементом правовой системы, обеспечивая защиту прав граждан и поддержку справедливости в судебном разбирательстве.

Однако знание основ уголовно-процессуального закона не препятствует следователю вызывать адвоката или защитника на допрос в качестве свидетеля по делу его доверителя. Стоит адвокату отказаться явиться, как следователь — с согласия руководителя следственного органа — обращается в суд и получает судебное разрешение на производство следственного действия в его отношении, позволяющее не только вызвать адвоката на допрос в качестве свидетеля, но и допросить его, лишив тем самым права на дальнейшее участие в том же деле в статусе защитника или представителя.

Примеров незаконных вызовов адвокатов на допрос в качестве свидетелей довольно много. Такие вызовы происходят в различных регионах нашей страны, о многих из которых можно найти информацию в «Адвокатской газете». Приведу лишь некоторые из них:

— адвокат АП Санкт-Петербурга — Сергей Бобровский после вступления в дело в статусе защит-

ника был вызван следователем на допрос в качестве свидетеля и отведен от участия в деле¹;

— адвокат АП города Москвы — Анжелика Тамбовская была вызвана на допрос в качестве свидетеля об обстоятельствах оказания ею юридической помощи 18-ти российским компаниям²;

— адвокат АП Краснодарского края — Вадим Кряколов вступил в уголовное дело в качестве защитника и в этот же день был отведен следователем на основании вручения ему повестки о вызове на допрос в качестве свидетеля³.

Каждый член адвокатского сообщества понимает, что решение о вызове адвоката на допрос в качестве свидетеля по делу его доверителя — не что иное, как преступное посягательство на правопорядок, установленный государством, но такого понимания нет у правоохранителей, которые осознанно идут на то, чтобы вновь и вновь преступать закон.

Профессиональная тайна адвоката представляет собой один из основополагающих принципов правового государства, обеспечивающий защиту прав и свобод граждан. Несмотря на длительное существование правовых норм, гарантирующих эту тайну,

¹ Басманный суд признал незаконной попытку следователя допросить адвоката по делу ее доверителя // <https://www.advgazeta.ru/novosti/basmannyi-sud-priznal-nezakonnoy-popytku-sledovatelya-doprosit-advokata-po-delu-ee-doveritelya/>

² Басманный суд признал незаконной попытку следователя допросить адвоката по делу ее доверителя // <https://www.advgazeta.ru/novosti/basmannyi-sud-priznal-nezakonnoy-popytku-sledovatelya-doprosit-advokata-po-delu-ee-doveritelya/>

³ Защитник обжалует постановление об отводе, вынесенное после вручения повестки о вызове на допрос // <https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchitnik-obzhaluet-postanovlenie-ob-otvode-vynesennoe-posle-vrucheniya-povestki-o-vyzove-na-dopros/>

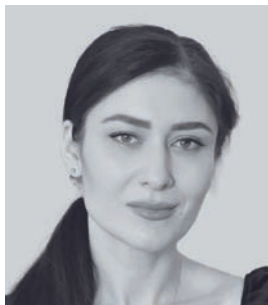
практика порой демонстрирует не только неофициальное давление на адвокатов, защитников, но и явные нарушения этих норм со стороны правоохранительных органов.

Такое положение дел ставит под угрозу доверие граждан к правосудию и эффективность уголовного судопроизводства в целом. Защита адвокатов от неправомερных действий должностных лиц органов предварительного расследования становится необходимым условием для нормального функционирования адвокатуры как одного из важнейших институтов правовой системы.

Отказ адвоката от обеспечения конфиденциальности переданных доверителем сведений превращает его в уязвимое звено, а не в защитника прав своих доверителей. В связи с этим важно, чтобы профессиональное сообщество отвергало любые попытки нарушения установленного правопорядка и активно боролось за соблюдение своих профессиональных прав.

Только так можно обеспечить и качественное оказание квалифицированной юридической помощи, и восстановление справедливости.

АДВОКАТ В ПРОЦЕССЕ

Айрапетян Нарине Павловна

*Адвокат Адвокатской палаты
Ставропольского края, член Коллегии
адвокатов «Арм Юст»*

ПОГОДИТЕ ЕЩЕ

...Но поражения от победы
Ты сам не должен отличать.
И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

Б. Л. Пастернак

«Номеров даже не видно», — подумала я, остановившись и оценив с прищуром припаркованную у суда машину. Обычно на остановки и подобные оценки времени катастрофически нет. Доехала, и слава Богу. Выскакиваю и бегу в суд, обвешанная баулами — одна сумка с документами, другая с ноутбуком на случай вынужденного простоя. Так складывается, что приезжаю прям тютелька ко времени либо даже с некоторым параминутным опозданием.

А этот день был другим. Приехала рано, аж десять минут в запасе. Можно и посмаковать.

Промозглая, серая, грязная погода колола морозом уши, не покрытые никаким убором. Шапка решила составить компанию сумкам с документами и с ноутбуком, ожидая свою хозяйку в машине. Из всего понадобились лишь удостоверение и ежедневник. «На кой мне ежедневник?» — подумала я и на мгновение захотела вернуться и оставить его в машине. «Хотя, мало ли, может, опять отложимся», — перебила я саму себя. Судебный процесс был богат на разнопричинные отложения, поэтому все доверились течению и были готовы к любому повороту «не туда». Потерла пальцы о пальцы, чтоб избавиться от трассовой грязи, оставшейся на руках от закрытия двери машины, и направилась ко входу. Открыла дверь, и передо мной сразу образовались три знакомые фигуры мужчин — двое подсудимых, один из них мой, и адвокат второго. Они по обыкновению приходили раньше меня, так как были местными.

— Как дела? — задористым голосом поприветствовала я их, проскочив без проволочек по причине отсутствия ручной клади через металлическую рамку.

— Плохо, — улыбнулся в ответ один из подсудимых.

— Готовитесь? — уточнила я, продолжив тему про «плохо».

— Да, сумки собраны.

— Погодите еще, — проговорила я все так же задористо, как вначале.

Евгений — высокий, практически двухметровый, лысоватый парень — стоял в бежевом под цвет оставшихся волос свитере кашемирового, приятного на

вид качества. Его светлое лицо, плохо очерченное белесыми ресницами и бровями, светилось на протяжении всего многомесячного судебного следствия, и сегодняшний день не был исключением. Александр ровно в два раза ниже и был тоже светлым от природы, но на его лице улыбку можно было видеть реже. Он очень избирательно и скупое ею раскидывался, всегда должен был быть какой-то особенный повод. Сегодня он был во всем черном, поддерживая свой сложившийся образ, и всем своим видом подтверждая то самое «плохо».

В это время кто-то позвал в зал, мужчины расступились, пропуская даму.

— Кто это? — отпрянула я назад, заглянув в зал.

Скамьи большого зала судебных заседаний были до отказа забиты людьми в темных одеждах.

— Это сотрудники, друзья наши, пришли нас поддержать, — ответил Евгений.

— Так надо было хотя бы на прения их привести, послушали бы, что да как, а так... — скептически пожала я плечами.

— Ничего, нормально, — улыбнувшись, шмыгнул он передо мной, торопясь всех еще раз поприветствовать.

Так как заседания по этому делу были частым явлением и отношение к ним уже было обывательски-привычным, особенно фильдеперсничать не было никакого смысла. Ни пиджака, ни строгого платья, ни в целом нормального адвокатского вида я в тот день не обеспечила. А тут толпа. На фоне коллеги-адвоката, который исправно был строг в выборе одежды, я смотрелась как-то, мягко говоря, не очень. «Кто ж знал», — подумала я и решила хотя бы попра-

вить волосы. В уборной я завела за уши все волосы, стянула их тугим резинкой, пригладила непослушно торчащие кудряшки у висков, смочив их водой для надежности. Повертелась немного у маленького потускневшего зеркала, застегнула наглухо всеми имеющимися пуговицами теплый изумрудный жакет с бежевыми пунктирными ромбами. Поправила брюки, то и дело не находящие компромисса с сапогами — то внутрь них влезавшими, то снаружи нависающими.

Убедившись, что выгляжу более или менее сносно, я вновь последовала в зал. Толпа сидящих слушателей взглядом проводили меня на место и еще некоторое время изучающе смотрели. Я не смотрела в их сторону, но чувствовала на себе более десятка пар глаз. «Лучше бы они на прения пришли», — подумалось мне снова. Мой мне сказал тогда, что это было блестяще. Возможно, и они бы оценили — не саму форму, разумеется, подачи, а содержание. То, что их друг, их коллега, их близкий невиновен. То, что обвинение абсурдно. Хотя, если они здесь, наверное, они знают. Наверное, им не нужно лишних доказательств. Наверное, они не нуждаются в словах. «Ладно», — успокоила я саму себя и повернулась в сторону подзащитного.

— Мама плачет? — тихо спросила я.

— Да, с утра как начала, так и...

— А папа?

— Папа на работе, еще не знает.

— Надеется?

— Угу.

— Все правильно, погодите еще.

В зале царила тишина. Люди в темных куртках сидели, не двигаясь. На их лицах была тоска и полное отсутствие признаков хоть какой-нибудь надежды. Так как ознакомительный, оценивающий этап миновал, я решила, что можно позволить себе тоже на них посмотреть более изучающе. Среди толпы мужчин и парней сидела одна черноволосая девушка. Маленькая и хрупкая, но с такими же мужественными глазами, готовыми принять все. «Какие хорошие люди, — подумалось мне, — Это же надо, оставили службу, пришли. Вот как надо жить. Чтобы в трудный момент к тебе пришли, а ведь всю эту дорогу казалось, что никого и нет вовсе, кроме мамы с папой, о которых то и дело упоминал подзащитный. Иногда в разговорах мелькала жена, которая, как все случилось, так и ушла. А тут на тебе — толпа». Мой мыслительный поток внезапно перебил Евгений.

— Автозак проехал, — показал он мне глазами в сторону окна, свойственно ему улыбнувшись.

Пока я перевела взгляд с толпы на окно, успела увидеть только заднюю часть автомобиля, прошмыгнувшего мимо окна очень юрко и сноровисто.

— Точно? — спросила я.

— Точно, — улыбнулся Евгений.

За долгие годы работы по уголовным делам, конечно же, меня не обошли стороной случаи заключения под стражу в зале суда. И, конечно же, моя романтическая натура немного с годами очерствела, огрубела, а иногда и вовсе заставляет меня изумляться и задаваться вопросом: «Я ли это?». Но и на мою приспособленную натуру иногда бывает проруха. От этого «зака» как-то стало волнительно внутри, опять

захотелось потереть пальцы о пальцы, но уже не от трассовой грязи, а от внезапно выступившего пота.

— У нас же есть шанс в апелляции? — прислонившись ко мне ближе, тихим голосом спросил он.

— Фактура есть. Есть с чем работать. Доказательств нет. Женя...

— А Верховный? — перебил он меня.

— Погодите еще, — успела я ему сказать перед тем, как в зал вошла судья.

Судья, которая обычно собирала волосы то в хвост, то в дулечку, не нарушая сложившийся свойский характер взаимоотношений, сегодня распустила волосы и выглядела как-то по-особенному красиво. Как-то по-особенному светилась кожа ее лица под нюдовым макияжем. И вряд ли это было дело рук тонального крема с мерцающими элементами. Здесь было что-то другое. Из-под длинной черной мантии выглядывали не кроссовки, как обычно, а каблуки, которые стройным тактом простучали до судейского места.

— Присаживайтесь, — обратилась она ко всем участникам процесса. — У нас был объявлен перерыв, заседание продолжено, состав суда не изменился, пожалуйста, вам предоставляется последнее слово.

Подсудимые поочередно встали, сказали практически одинаково, что они не признают вину и что их оговорили, просили оправдать. Эти простые парни не умели говорить красочно, но и этих простых слов хватило, чтобы толпа немного оживилась. Некоторые из них чуть выпрямились, некоторые более смелым взглядом уставились в сторону судьи. «Эх, как жаль, что они на прения не пришли», — подумала я в очередной раз, хотя до этого целый мыс-

лительный анализ провела по этому поводу и даже к некоторым выводам успокоительным пришла.

— Суд удаляется в совещательную комнату для вынесения приговора, ориентировочное время провозглашения — через 15 минут.

Все встали. Судья быстрой походкой пронесла себя в своей мантии в сторону выхода. Какое-то мгновение все оставались на своих местах. Царила все та же тишина.

— А может, покурим? — вдруг задорно выскочил в середину зала Евгений.

Все охотно откликнулись, засобирались. И даже те, кто, очевидно, никогда не курил прежде. Им непременно хотелось провести эти минуты вместе.

— Мы пойдем? — повернулись оба подсудимых к нам с коллегой.

— Только недолго, — ответил по-родительски предупредительно адвокат Александра.

Я молча стояла и смотрела на них всех. У меня не было каких-то слов, и мыслей особенно не было. Уже одевшись и выходя, Евгений повернулся, посмотрел на меня и стремительно направился в мою сторону.

— Нарине, я уже все знаю. Мне позвонили, сказали, — близко к уху проговорил он.

Я было хотела сказать «погодите еще», но осталась молча стоять.

Все пошли курить. Через некоторое время зал опять наполнился людьми. Появилась секретарь как предвестник скорого появления судьи.

— Идет?

— Идет, — подтвердила она тихим безысходным голосом.

Как только воцарилась уже привычная тишина, вошла судья, вновь прогремев каблучками до места, встала, оглядела зал, выдержала паузу и начала: «Именем Российской Федерации...»

Резолютивная часть приговора звучала под аккомпанемент наручников, играющих возле двери снаружи. Это была музыка, которая резала слух и заставляла изменяться в лице, морща ее носогубную часть. По бокам стояли двое подсудимых и, высоко задрвав подбородки, смотрели куда-то сквозь окно. Они не морщились, мускулы их лиц были застывшими, как наверняка и сердце.

Под скрипучий звук наручников особенно отчетливо прозвучали семь лет лишения свободы. Потом был еще некоторый текст, и вдруг в дверях появились двое парней в форменной одежде со своими «музыкальными инструментами». За ними появилась худенькая завитая девушка с мелированными белокурыми прядями и торчащими ресницами. По всему было видно, что заведующая тройкой была она. Как только наручники совершенно театрально замкнулись на кистях осужденных, она распорядилась отыграть все назад.

— Так не положено, — объяснила она коллегам строгим тоном.

Те послушно освободили руки заключенным и попросили последовать в аквариум, чтобы соблюсти церемонию подписания всяких нужных для суда бумаг. Осужденные также послушно последовали туда, куда им велено.

— Запишите свой номер, — попросил Евгений.

— Конечно, — согласилась я и на двух маленьких листиках написала номера, протянула в щель. Потом

вспомнила, что нужно дописать адвокату, чтобы никто лишней раз на эти огрызки не посягнул.

— Спасибо, жалобу напишете?

— Конечно. Погодите еще, посмотрим.

Когда бумаги для подписываний закончились, осужденных вывели вновь. В этот раз не спешили с наручниками. Атрибут был уже приторен и на публику не мог повторно возыметь должного эффекта. Вокруг Евгения с Александром быстро сомкнулось кольцо из людей в темных куртках. Один за другим они быстро обнялись, похлопали друг друга по плечам, перекинулись парой фраз. Убедившись, что все, два парня из конвоя вновь подошли, загремели железками и последовали на выход.

— Спасибо, что пришли, — поблагодарили толпу уходящие.

Посмотрели на меня тоже, ничего не сказали, кивнули оба. Я тоже кивнула.

Собрала свои адвокатские пожитки и последовала на улицу. Погода казалась еще более слякотной и серой. Толпа растворилась быстро кто куда. Белую машину выдавали лишь торчащие не полностью загрязненные уши-зеркала. «Надо помыть, вернуть машине ее цвет», — подумала я и села в давно уже растоптанное под меня кресло.

Уже заводясь, вслух повторила установку: «Помыть надо и жалобу написать надо, погодите еще, в общем». Всю дорогу вместо песен машинного радио в голове фоново разливалось мелодичное, настоящее и правильное во все времена: «И должен ни единой долькой не отступаться от лица, быть живым, живым и только, живым и только до конца».

Золотухин Борис Анатольевич

*Адвокат Адвокатской палаты
Белгородской области, Октябрьской
Центральной адвокатской конторы
г. Белгорода, член Совета Адвокатской
палаты Белгородской области,
советник Федеральной палаты
адвокатов Российской Федерации*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС — НЕ ИГРА, А БОРЬБА

Когда применительно к уголовному процессу слышу от коллеги «выиграл дело», возмущаюсь. И дело не в том, что есть известная поговорка «в азартные игры с государством не играют», а в том, что если считать состязательность сторон в уголовном процессе игрой, то ставка в ней со стороны защиты слишком высока для игры — второе по значимости место после конституционного права на жизнь конституционное право на свободу.

Более того, полагаю, что в уголовном судопроизводстве вообще нет проигравших или выигравших, поскольку при законном и справедливом рассмотрении дела «выигрывают» все — и государство, и гражданское общество, и все лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство.

П. Сергеич (Петр Сергеевич Пороховщиков), выдающийся российский юрист и теоретик судебного красноречия, в начале прошлого века в книге «Уголовная защита» сформулировал мысль, которую считаю наиболее подходящей для определения сути нашей профессии: «Уголовная защита — нелегкое

и в нравственном отношении *высокоответственное* дело. Тот, кто избрал ее своим служением жизни, должен проникнуться убеждением, что совершает нравственное преступление всякий раз, когда, взявшись за дело, не сделал для подсудимого всего, что было в силах и власти его».

В своей книге П. Сергеевич настаивает, что изложенная мысль должна стать убеждением адвоката.

Убежден, что только в полной мере осознав ответственность своей работы в уголовном процессе, адвокат добьется многого не в одном конкретном уголовном деле или в нескольких делах, а целом в своей профессии.

Несмотря на то что мысль П. Сергеевича прозвучала более века назад, считаю, что ее значение в современных реалиях даже более актуально, нежели тогда.

И сделать для подсудимого «все, что в силах и власти нашей» подразумевает как раз не «игру», а борьбу за подзащитного.

Причем борьбу не формальную, с обозначением своего присутствия на следственных действиях и в суде, а активную, с использованием всех доступных законных средств.

И хотя сейчас не модно обращаться к опыту зарубежных коллег, все же сошлюсь на выпущенную в 2009 г. «Издательством АСТ» книгу «Настольная книга адвоката: Искусство защиты в суде», автор которой, известный американский адвокат Джерри Спенс, обладающий более чем пятидесятилетним опытом судебной защиты, дает не только полезные практические советы по работе в суде присяжных,

но и, на мой взгляд, формулирует серьезные философские принципы нашей работы.

Так, развивая известный тезис о том, что история человечества—это история войн, Спенс, вспоминая феодальный «божий суд», в котором участники боя—поединок—профессиональные (и зачастую наемные) бойцы отстаивали интересы спорящих сторон.

И хотя прошли столетия, сегодня мы, адвокаты—профессиональные защитники, за плату идем в зал суда вести борьбу за победу.

Соглашаться ли с такой трактовкой нашей роли американским адвокатом?

Если нет, то как же быть тогда с убеждением П. Сергеевича о том, что любое послабление с нашей стороны в защите является нравственным преступлением?

Если не соглашаться, то как же быть с конституционным принципом состязательности сторон и что такое состязательность, как не борьба?

И если соглашаться, то что же сегодня является нашим оружием?

Считаю, что ответ очевиден—знания (хорошо бы и опыт, но опыт дело наживное).

Причем необходимость и потребность в знаниях сегодня более очевидна.

Еще двадцать лет назад адвокату, специализирующемуся в уголовном судопроизводстве, было значительно проще.

УК РСФСР действовал более тридцати лет, УПК РСФСР—сорок лет.

Была сложившаяся и устоявшаяся судебная практика.

А сегодня не только относительно новые УК и УПК, но, и несмотря на определенные проблемы сегодняшнего момента, общепризнанные нормы международного права.

И все это адвокат (чтобы не совершить то, что П. Сергеич называет нравственным преступлением) обязан знать.

А сколько постановлений и определений Конституционного Суда РФ выносятся ежегодно — и это тоже источник уголовного и уголовно-процессуального права.

Кстати, лично для себя считаю необходимым (и советую это же делать коллегам) регулярное изучение дисциплинарной практики Квалификационных комиссий и Советов Адвокатских палат города Москвы, Московской области и города Санкт Петербурга.

Уверяю, что это ценный источник трактовки нашими коллегами как уголовного и уголовно-процессуального права, так и положений Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и нашего Кодекса профессиональной этики.

Полагаю необходимым привести примеры, когда использование норм международного права и законной трактовки положений материального и процессуального права серьезно помогли в борьбе за подсудимых.

Так, несколько лет назад вместе с группой коллег при групповой защите лиц, обвинявшихся в совершении преступлений экстремисткой направленности (где было несколько подсудимых, не достигших восемнадцатилетия), удалось добиться от суда приме-

нения Шанхайской конвенции («Пекинские правила»), касающейся осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних.

В отличие от п. 2 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, предусматривающего закрытое судебное разбирательство лишь в отношении лиц, не достигших шестнадцати лет, эта Конвенция предусматривает возможность судебного разбирательства в отношении всех несовершеннолетних, т. е. до восемнадцати лет.

Суд удовлетворил ходатайство защиты, сославшись на нормы международного права, и провел закрытый процесс.

Дело в том, что к этому процессу проявляли чрезмерный интерес средства массовой информации (в том числе и федеральные), а рассмотрение дела в закрытом режиме несколько умерило интерес к нему и, на мой взгляд, повлияло на размер назначенного подзащитным наказания.

Редко применяют коллеги и Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, принятые 14 декабря 1990 г.), которыми предусмотрено, что любая мера пресечения, не связанная с изоляцией от общества (причем не только подписка о невыезде) применяется исключительно с согласия лица, к которому применяется.

Изучая дела, вижу, что часто коллеги не используют положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2014 г. № 29, разъясняющие правоприменителям порядок применения законодательства, которое обеспечивает право на защиту в уголовном судопроизводстве.

Между тем п. 1 Постановления, которым фактически в уголовный процесс введено понятие «заподозренный», четко разъясняет, что право на защиту не связано с формальным процессуальным статусом лица (подозреваемый, обвиняемый), а распространяется и на иных лиц, чьи права существенно затрагиваются или могут быть затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности.

Грамотно используя эту позицию Верховного Суда РФ, можно добиваться повторного назначения судебных экспертиз, проведенных до придания нашим подзащитным формального статуса.

Серьезно помогает в работе и детальное знание УПК РФ.

Так, работая в групповых делах, редко вижу, как коллеги не возражают против действий председательствующего, когда в этом есть явная необходимость.

Да, я понимаю и на себе неоднократно испытал реакцию на такие возражения со стороны председательствующих, воспринимающих такие действия как нарушение порядка, но положения ч. 3 ст. 243, п. 6 ч. 3 ст. 259 УПК РФ предоставляют нам такое право, и им нужно пользоваться.

Раз уж пошла речь о реакции на нашу работу со стороны обвинения и суда, то тот, кто решил бороться за подзащитного, должен быть готов к тому, что с ним будет бороться и сторона обвинения, а в последнее время порой и суд.

Причем иногда борьба с нами из-за принципа начинает заменять задачу обвинения по доказыванию вины подзащитного.

К сожалению, в формате одной статьи трудно высказать все мысли и наработанные методы защиты, но хотел бы обратить внимание коллег на то, что современный уголовный процесс требует не только знания уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и ориентации в использовании постоянно развивающихся возможностей специальных познаний в различных отраслях, связанных с производством судебных экспертиз.

Кстати, в НИИ Генеральной прокуратуры РФ нашим процессуальным оппонентам — прокурорам, и прежде всего поддерживающим обвинение в суде присяжных, при повышении квалификации формируют навыки психотехники убеждающего воздействия.

Согласитесь, что имеющий такие навыки государственный обвинитель серьезно осложнит нашу работу не только в суде присяжных, но и в обычном судопроизводстве.

Следовательно, наша задача — знать то же и превосходить процессуального противника в использовании этих знаний, тем более что Федеральная палата адвокатов РФ предоставляет прекрасную возможность получения таких знаний от самых лучших специалистов посредством вебинаров.

Начав статью цитатой из П. Сергеича, завершу его же мыслью о том, что защитник не может быть равнодушен к участи тех, кого защищает.

Ранее статья опубликована в издании: Российский адвокат. 2023. № 3.

Макаров Сергей Юрьевич

*Адвокат Адвокатской палаты
Московской области, член Московской
коллегии адвокатов «Град», советник
Федеральной палаты адвокатов
Российской Федерации, доцент
Университета имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), кандидат юридических наук*

ЗНАТЬ ПРОШЛОЕ РАДИ УСПЕХОВ В НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

Адвокатура ценна своей многовековой историей оказания юридической помощи тем, кто в ней нуждается. В России она была создана очень поздно, значительно позднее, нежели в остальных европейских странах, но все равно она существует уже почти 160 лет. И связь времен — неотъемлемая часть адвокатуры: ее настоящее основано на прошлом и их единение, вместе с современностью адвокатуры (а она априори современна, ибо только так можно успешно оказывать юридическую помощь, и поэтому адвокатура, оставаясь в основе своей консервативной, тем не менее обязательно должна воспринимать все новое), помогает ей увереннее идти в будущее.

И на этой линии — «прошлое—настоящее—будущее» — иногда проявляются весьма интересные пересечения, вызванные тем, что в нашей стране адвокатура и появилась поздно, и развивалась особенным путем. И историю адвокатуры нужно знать, чтобы не попадать в ловушки, ненавязчиво расставляемые ею.

Расскажу историю из своего опыта.

Много лет назад, в самом начале 2000-х гг., на заре моей адвокатской практики, я представлял интересы ответчицы в гражданском деле в одном из районных судов Москвы. Интересы истицы представлял довольно известный в Москве адвокат. В процессе заседания мне потребовалось выяснить одно юридическое обстоятельство, я задал вопрос истице, она не смогла ответить на него, что ничуть не удивительно, поскольку вопрос был сугубо юридическим, и тогда я обратился к суду:

— Уважаемый суд, можно задать вопрос представителю истицы?

И тут этот адвокат, не вставая и даже не поворачивая головы в мою сторону, проговорил многозначительно:

— Я не представитель. Я адвокат. Ни на какие вопросы я отвечать не буду. Свое мнение я выскажу в прениях.

И замолк.

У меня, признаюсь, был шок — я не понимал, почему он так сказал. Но заседание идет, времени на обдумывание внушительного высказывания коллеги не было, поэтому я быстро преодолел шок и продолжил представление интересов доверителя — хотя мой вопрос так и остался без ответа.

А тот адвокат вплоть до завершения исследования судом материалов дела действительно не сказал ни единого слова. Но я, уже не обращая внимания на его молчание (однако — истолковав его неответ в пользу нашей стороны), и письменные доказательства представил, и приглашенных моим доверителем свидетелей допросил, и даже свидетелей другой стороны допрашивал тоже я — разумеется, задавая им

вопросы так, чтобы получить ответы, положительные для интересов моего доверителя.

А тот адвокат все молчал.

В прениях он, как и обещал, выступил — с основательной, хорошо подготовленной и качественно аргументированной речью. Но изменить баланс по делу, очевидно сместившийся в нашу сторону, его речь, какой бы прекрасной она ни была, уже не могла — потому что дело было наполнено доказательствами в пользу моего доверителя.

Суд вынес решение об отказе в иске, тем самым полностью защитив права моего доверителя.

Разумеется, я очень радовался победе, тем паче, что для молодого, начинающего адвоката каждая победа, каждое выигранное дело — великий успех.

Но меня не покидало недоумение: почему тот адвокат отказался отвечать на мой вопрос и почему он вообще не участвовал в заседании, а лишь присутствовал на нем? Он же опытный адвокат — почему он фактически предал своего доверителя?

Вопросы оставались безответными вплоть до 2008 г., когда я получил поручение готовить курс по истории адвокатуры и преподавать его в МГЮА. И вот тогда, изучив историю адвокатуры, причем не только российскую, но и всемирную, я нашел ответ на этот многолетний вопрос.

Широко известно, что, когда разработчики Судебной реформы 60-х гг. XIX в. готовили ее, они основательно изучили опыт функционирования современной им судебной системы в странах Западной и Центральной Европы. Это касалось и адвокатуры, поскольку исторически в Европе она всегда являлась частью судебной системы.

На момент разработки Судебной реформы в Западной и Центральной Европе существовало два типа адвокатуры, которые обобщенно можно обозначить так: англо-французская и австро-германская.

К первому типу относилась адвокатура в Великобритании, Франции и некоторых других государствах, ко второму типу — в Австрии, Пруссии и других германских государствах, существовавших до создания единой Германии в 1871 г. Если исключительно коротко обрисовать их различие, то можно свести его к двум положениям:

— в плане организации адвокатуры в германских государствах адвокатура находилась в ведении государства, в странах англо-французского типа было предусмотрено ее самоуправление;

— в плане организации адвокатской деятельности в германских государствах адвокат полностью сам оказывал помощь «от и до» — от принятия поручения вплоть до исполнения решения, в странах англо-французского типа, напротив, адвокат был исключительно судебным оратором, образно говоря, он надевал мантию, брал бумаги по делу и шел выступать в зале суда, а всю работу по делу до заседания и после заседания выполнял второй юрист — поверенный, и с доверителем, нуждающимся в юридической помощи, тоже общался поверенный, адвокат общался только с поверенным (подобная система сохраняется в Англии, где изначально барристер — это адвокат, а солиситор — это поверенный, и их статусы только во второй половине XX в. начали сближаться); соответственно, адвокату не нужны были полномочия от доверителя, он не являлся его представителем, а все

необходимые действия от имени доверителя выполнял поверенный как его представитель.

И если в отношении организации адвокатуры правительство Российской империи взяло смешанную форму (по общему правилу, адвокаты находились в структуре судов, но если практику вело определенное количество адвокатов, официально именуемых присяжными поверенными, и они принимали решение создать Совет, все организационные вопросы переходили в ведение Совета присяжных поверенных), то в отношении организации адвокатской деятельности за основу был взят опыт германских государств и присяжные поверенные были адвокатами, которые вели дело «от и до».

Но, по-видимому, стремление к идеалам англо-французской адвокатуры, с ее высоким статусом адвоката как исключительно судебного оратора, правозаступника, появилось среди российских адвокатов, и более того — сохранилось и в XX в., перейдя даже в советскую адвокатуру. В последующие годы еще несколько раз встречал со стороны старших товарищей убежденное мнение, что адвокат при оказании помощи в гражданском судопроизводстве не является представителем, он является *адвокатом* — как будто бы быть представителем как-то унижительно для адвоката.

Но если в уголовном процессе для этого есть хотя бы примерные основания, так как при осуществлении защиты у адвоката есть особый процессуальный статус защитника, то в гражданском процессе никакого особого статуса нет и адвокаты оказывают помощь в статусе представителей, поскольку это единственный предусмотренный в ГПК РФ процессу-

альный статус для лиц, оказывающих юридическую помощь. В этом нет ничего унижительно — это закон. И, соответственно, адвокат ни в коем случае не должен из-за высокомерного отношения к статусу представителя фактически предавать доверителя своим бездействием во время судебного процесса.

Убежден, что нам важно знать и уважать историю адвокатуры, чтобы не поддаваться заблуждениям и тем самым не осложнять свою работу. Мы можем стремиться к соответствию высоким идеалам англо-французской адвокатуры XIX в. в плане уважительного отношения к своему статусу и осуществления своей профессиональной деятельности таким образом, чтобы она вызывала и у окружающих уважение к нашему статусу, нашей деятельности и адвокатуре в целом. Но мы не должны позволять своим установкам создавать препятствия для оказания эффективной помощи нашим доверителям, ибо главная задача адвоката — именно оказание высококвалифицированной юридической помощи тем, кто в ней нуждается, в полном соответствии с законом, вне зависимости от наших собственных установок. Так было всегда — и в Древнем Риме, и в средневековых Франции и Англии, и в европейских странах в XIX в., и сейчас. Важно это знать и помнить, чтобы наша деятельность была во всем правильной.

Сосновцев Владимир Григорьевич

*Адвокат Адвокатской палаты
Санкт-Петербурга, член Санкт-
Петербургской городской коллегии
адвокатов (статус приостановлен)*

ДУЭЛЬ С ПРОКУРОРОМ

Дуэль (франц. — *duel*, лат. — *duellum*, от *bellum* — война) — условленный бой двух лиц на смертоносном оружии, по условленным на данный случай или же освященным обычаем правилам, обыкновенно — с целью восстановления оскорбленной чести.

*(Энциклопедический словарь
Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона)*

Описываемые мной события произошли незадолго до распада Советского Союза, когда применялось законодательство РСФСР.

Для начала следует рассказать об одном маленьком эпизоде, имеющем отношение к рассказу о дуэли с прокурором.

УПК РСФСР предусматривал возможность личного доклада надзорной жалобы судьбе, члену Верховного Суда. Адвокаты старались использовать данную возможность, иногда она приносила положительный результат.

Прочитав в моем присутствии надзорную жалобу по уголовному делу и приложенные к ней судебные акты, судья — мужчина представительного вида и солидного возраста, в безупречном костюме, в очках в золотой оправе, некоторое время пристально смотрел мне в глаза, а затем произнес: «Вот приходит на берег дурак, бросает камень в воду, от чего идут круги. А десять умных должны разбирать, зачем он это сделал, куда идут эти круги».

Моя жалоба не пошла в Судебную коллегия ВС РСФСР, но судья отправил письмо председателю суда, вынесшего кассационное определение, на основании чего уголовное дело было прекращено за отсутствием события преступления. Но в словах судьи — члена Верховного Суда прозвучала неприкрытая оценка труда адвоката.

О деле.

Подводная лодка совершала межфлотский переход. По прибытию на базу матрос срочной службы, по должности — трюмный машинист, обратился в медсанчасть по поводу ушибов и ссадин на теле. Пояснил, что его избил сослуживец — старшина 2-й статьи срочной службы. Прокурором военно-морской базы возбуждено уголовное дело, расследование закончено в срок два месяца, в шести томах. Потерпевший допрошен двенадцать раз. Мой подзащитный, обвиняемый — шестнадцать раз, вину в совершении преступления не признал.

При ознакомлении с материалами уголовного дела мной заявлены ходатайства о дополнении материалов расследования, в них последовательно было отказано следователем и военным прокурором базы.

В стадии судебного разбирательства дело рассматривал военный трибунал военно-морской базы. Все ходатайства защитника им были удовлетворены: судом произведен осмотр места происшествия с выходом в отсеки подводной лодки, допрошены дополнительные свидетели, проведена комплексная психолого-психиатрическая экспертиза потерпевшего в военно-морском госпитале. Эксперты выдали заключение об отсутствии признаков психического расстройства потерпевшего, но установили у него истероидный тип личности. Это означало — потерпевший выдает выдуманные им события за реальные.

В судебном заседании эксперты свои выводы подтвердили, пояснив, что люди такого типа стараются любым способом обратить на себя внимание, обладают склонностью к самовосхвалению и стремятся получить одобрение и долю восхищения от окружающих. Ради достижения этой цели такой человек использует любые средства, он легко придумывает не существовавшие в действительности события, с мельчайшими подробностями.

В немалой степени эти выводы сделаны с учетом писем потерпевшего своим родителям, изъятых следователем при выезде в город, из которого призывался потерпевший. В них рассказывалось о его неоднократных избиениях со стороны старослужащих матросов. Проведенные военной прокуратурой проверки не подтвердили рассказы потерпевшего.

Суд допросил дополнительно вызванных свидетелей, из показаний которых вытекало, что потерпев-

ший мог поскользнуться на скользком межпалубном трапе накануне прибытия на базу. Повар экипажа (*кок* — на флотском сленге) при бортовой качке пролил суп на палубу и трап, их сразу не привели в порядок. В тот день лодка шла в надводном положении при волнении моря около четырех баллов, что подтвердилось справкой метеослужбы, полученной по ходатайству защитника.

Государственный обвинитель, помощник военного прокурора военно-морской базы, просил признать моего подзащитного виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ст. 244 УК РСФСР, то есть в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, повлекших причинение легких телесных повреждений, и применить наказание в виде направления в дисциплинарный батальон сроком на два года.

Позиция защитника — оправдать подсудимого в связи с отсутствием события преступления.

Суд вынес оправдательный приговор, указав на непричастность подсудимого к получению потерпевшим телесных повреждений.

По нормам действовавшего УПК РСФСР, военный прокурор военно-морской базы принес протест во вторую, в то время кассационную инстанцию — военный трибунал флота.

Прокурорский протест по объему лишь немного уступал объему приговора, поэтому подготовке мной было уделено много внимания и времени.

Прежний порядок рассмотрения дела в суде второй, кассационной инстанции, отличался от порядка, действующего сейчас. Вот выдержки из ст. 338 УПК РСФСР.

Рассмотрение дела начинается докладом одного из членов суда, который излагает существо дела и доводы жалобы или протеста. Если дело слушается по протесту, то после доклада члена суда прокурор обосновывает протест.

Затем осужденный или оправданный, их защитники, если они участвуют в заседании, дают объяснения.

После дачи объяснений суд выслушивает заключение прокурора и предоставляет слово для дополнительных объяснений осужденному или оправданному и их защитникам и удаляется в совещательную комнату для вынесения определения.

В заседании военного трибунала флота доводы кассационного протеста обосновывал и поддерживал заместитель военного прокурора флота, в звании полковника юстиции.

Прежде всего, представитель государственного обвинения достаточно подробно изложил мнения прокуратуры о необоснованных и незаконных выводах суда первой инстанции и просил отменить неправомерный оправдательный приговор, фактически повторив содержание протеста.

Как защитнику, мне пришлось высказаться по всем пунктам протеста и настаивать на законности и обоснованности оправдательного приговора, изложив неизменную позицию защиты.

Настала очередь прокурору представить суду свое заключение, ибо таков был порядок, от которого такой высокий суд, как военный трибунал флота, неукоснительно соблюдал.

Прокурор вновь подтвердил просьбу об отмене приговора и сказал о том, что сам факт вынесе-

ния такого приговора отрицательно сказывается на мнении военнослужащих срочной службы и командиров о неотвратимости наказания за совершенные преступления. Затем, совершенно неожиданно (полагаю не только для меня, но и для военного трибунала) во второй части своего заключения стал говорить об ужасной роли в данном деле защитника-адвоката.

Оказывается, все сотрудники военной прокуратуры денно и нощно, изо всех сил, работают над сохранением правопорядка на флоте, поддержания крепкой воинской дисциплины, заняты профилактикой и предотвращением неуставных взаимоотношений между военнослужащими. Их усилиями количество преступлений в частях ВМФ неустанно сокращается.

«Но находятся среди нас такие личности, — сказал он, сделав рукой жест в мою сторону, — которые встают на этом благородном пути, препятствуют наведению правопорядка». Далее он говорил о том, что такие личности могут применять недопустимые приемы и методы, тем самым вводя суд в заблуждение. Совершивший преступление военнослужащий должен быть наказан, иначе безнаказанность приведет к лавине правонарушений. Таким личностям — адвокатам, не место в адвокатур, и они не должны участвовать в отправлении правосудия!»

В эту минуту я вспомнил судью Верховного Суда с его сравнением адвоката и дурака, но член ВС РСФСР, во всяком случае, говорил иносказательно и не переходил границы приличия.

Вызов брошен. Мне надлежало продолжить поединок и в присутствии суда дать достойный ответ на прозвучавшие оскорбления, защитить оскорбленные мое достоинство и честь всей адвокатуры.

Обращаясь к суду, я не стал скатываться на обвинения, а тем более, оскорбления прокурора, хотя правила дуэли могли это позволить. Вместо этого напомнил — древние греки изображали Фемиду (после них древние римляне — Юстицию, завязав ей глаза) с весами. Прежде чем применить карающий меч, суду следует взвесить все доказательства.

Унижение и даже оскорбление защитника-адвоката есть призыв к отказу от состязательного процесса, к применению элементов инквизиционного процесса. Осуществление правосудия невозможно без адвокатуры. В своей работе по данному делу нарушений закона и оскорбления участников процесса я не допускал. Считаю: прокурор (не назвал его товарищем или уважаемым) должен принести мне свои извинения, поскольку он, в моем лице, позволил себе унижить всех адвокатов страны и принизить роль и значение адвокатуры.

Вне зависимости от того, будут ли принесены извинения, я просил суд не оставить без внимания эту выходку прокурора и должным образом отреагировать на нее. Это затрагивает не только вопросы этики и морали, но профессионализм такого должностного лица.

Военный трибунал удалился на совещание. Прокурор не смотрел в мою сторону, вел себя уверенно, можно сказать, был доволен собой. Он о чем-то пошептался с секретарем судебного заседания, подошел к окну.

По истечении часа совещания суда, прокурор стал заметно волноваться, несколько раз переключивал материалы своего надзорного производства, нервно стучал пальцами по столу, смотрел на часы.

Напряжение в зале достигло максимума. Дуэль еще не была закончена.

Суд вернулся в зал через один час сорок минут. Оглашено определение (по УПК РСФСР): оставить приговор военного трибунала базы без изменений, кассационный протест прокурора — без удовлетворения. Пауза. Председательствующий, он же Председатель военного трибунала флота в звании генерала-майора юстиции, положил листы с текстом на стол и взял в руки другой лист.

Объявляет: вынесено частное определение в адрес военного прокурора флота. Из его содержания вытекало — военный трибунал флота просит принять предусмотренные законодательством меры в отношении заместителя военного прокурора флота, участвовавшего в деле в качестве государственного обвинителя, допустившего непозволительные высказывания в адрес защитника-адвоката, носящие бездоказательный и оскорбительный в отношении него характер.

Суд по материалам судебного разбирательства вправе вынести частное определение (постановление), если признает это необходимым (извлечение из ст. 21.2. УПК РСФСР, введенной в 1983 г.).

Смотрю на прокурора. Не приукрашиваю, но лицо его побагровело, как-то сморщилось, словно от боли. Вероятно, он не ожидал такого поворота и это в его карьере случилось впервые.

Через несколько дней встречаю помощника военного прокурора базы, который стал спрашивать: что произошло в трибунале флота? Отвечаю: вам наверняка рассказали. Да, ответил он. На совещании им объявили о том, что общение с адвокатами должно проходить исключительно в рамках служебной деятельности и вежливо. По поводу заместителя военного прокурора флота он высказался так: хорошо, что отделался «строгачом», а не НСС (неполным служебным соответствием). И вдруг заявляет мне: ты зарубил ему карьеру — ему приготовили аттестацию для повышения по службе, на будущей должности он мог стать генералом. Я ответил: он сам себе испортил карьеру и судьбу. Суд указал на его профессиональную ошибку. Обиды на него не держу.

Про себя подумал: дуэль завершена, честь и достоинство адвоката защищены и восстановлены.

Мой подзащитный, после увольнения в запас, поступил на службу в МВД. Командир подводной лодки неоднократно заходил в нашу консультацию, благодарил, то дело, оказалось, связано и с его продвижением по службе.

Через несколько лет встретил судью военного трибунала базы, вынесшего тот приговор. После выхода в отставку он поступил в адвокатуру.

Следователь, который вел то самое дело, также стал адвокатом. Несколько дней назад мы встретились в одном из судов, в разговоре вспомнили и это дело.

Лучшие традиции адвокатуры соблюдались в период СССР, они сохраняются в наше время. Наблюдал за работой моих молодых коллег, на протяжении

семи лет проводивших сложное уголовное дело. Обвинялся один из руководителей коммерческой организации в уклонении от уплаты налогов в особо крупном размере.

По ходатайствам защитников-адвокатов трижды суд возвращал дело прокурору. Первый оправдательный приговор отменен. Второй оправдательный приговор вступил в законную силу.

Присяжные поверенные, правозаступники, адвокаты из поколения в поколение передавали эстафету преданности профессии и добросовестного исполнения своих обязанностей. Сейчас есть все основания гордиться нашими коллегами.

АДВОКАТСКАЯ ПРОФЕССИЯ

Зоркальцева Ирина Ивановна

*Адвокат Адвокатской палаты
Пермского края, Адвокатский
кабинет № 23*

МОЙ ВЫБОР И ИСТОРИЯ ОДНОГО ДЕЛА

Еще учась в 7 классе, я точно знала, что хочу быть юристом. И, окончив 8 классов в небольшом городе Белебее Башкирской АССР, я поехала поступать в Челябинский юридический техникум. Это было в далеком 1971 г. Тогда юридических техникумов в стране было только два — в Челябинске и Армавире. Конкурс был 21 человек на место. Поступающие во время экзаменов жили в общежитии по 2 человека на одно койко-место. Экзамены по математике у нас принимала учитель индустриального техникума. Взяв билет, через 10 минут я подняла руку. Учитель сочувственно посмотрела на меня, решив, что я не справилась с билетом. Она очень удивилась, услышав от меня, что я готова отвечать. После экзамена она мне предлагала пойти в ее техникум без дальнейших экзаменов, предупреждая меня,

что в юридическом техникуме будет еще диктант по русскому языку и неизвестно, пройду ли я по конкурсу. Но я твердо шла к своей цели — только юрист, и ничего другого. И я поступила.

Дальнейший мой путь был не менее интересным и, если можно так сказать, авантюрным.

В то время после окончания техникума студентов распределяли к месту работы. Я шла практически в первой десятке при распределении. Но однажды в журнале «Огонек» я увидела пейзажи Горного Алтая и «заболела» этим прекрасным краем. Наша классный руководитель трижды меня выпроваживала с комиссии и в коридоре объясняла, что меня могут направить для работы не в центр Алтайского края — Барнаул, а в далекое село. При этом предлагались города центра России — Уфа, Ярославль и другие. Но со мной собрались ехать еще 5 человек — моя ближайшая подруга и наши друзья, поэтому отказаться от принятого решения было просто невозможно.

Итак, я и мои друзья уехали на Алтай. И радость — нас всех оставили в Барнауле.

В этот же 1975 г. я поступила в Алтайский государственный университет. И еще удача, сопутствовавшая стремлению идти по намеченному пути. Также по распределению приехали три девушки из Армавирского юридического техникума, две из которых окончили его с отличием. У них при распределении были такие города, как Сочи, Краснодар. Но и их поманила мечта увидеть горы Алтая. Эти девочки ни разу в своей жизни не видели валенки. И в первую лютую зиму Сибири им шли посылки с валенками, теплыми вещами и колбасами. Их родители,

как и наши, не понимали, что нас всех «понесло» в холод.

Они тоже все поступили в университет. С тех пор мы все дружим и не представляем, как бы мы жили, не будь этой встречи и нашего желания стать юристами.

После окончания университета все разъехались по своим родным местам и стали работать: преподавателем в институте города Ставрополя, судьей в Ростовском областной суде, адвокатом в Челябинской коллегии адвокатов. И меня тоже мои родные в 1983 г. переманили в город Пермь. Уже с семьей.

Я в Перми 4 года работала юристом в транспортном объединении. Мне моя работа стала казаться однообразной, а значит, неинтересной. И вот в один из зимних вечеров после работы я шла по центру города Перми и зашла в здание, где находилась Пермская областная коллегия адвокатов. Это было одноэтажное старое деревянное строение. Один плюс — в центре города. Времени было около 19 часов, и я не надеялась кого-то застать. Но в приемной горел свет, и навстречу мне вышел высокий седовласый мужчина. На вопрос, зачем я зашла, я ответила, что хотела узнать о том, как можно поступить на работу в качестве адвоката. На двери кабинета, куда он прошел, позвав меня, я увидела: председатель Марьян Геннадий Семенович. Мы беседовали больше часа, после чего он сказал написать мне заявление и позвонить через неделю, после заседания Президиума Пермской областной коллегии адвокатов. Через неделю я узнала, что принята с местом работы в юридической консультации одного из отдаленных районов города.

Это, казалось бы, сухая информация. Но как много она говорит о людях, работавших в то далекое время. Принимали не просто по сухим анкетным данным, а после бесед, в которых председатель коллегии узнавал о человеке все: о его семье, интересах, друзьях, об отношениях в коллективе, отношении к работе, и, самое главное, причину, по которой он выбирает профессию адвоката. Именно об этом мы беседовали с Геннадием Семеновичем. Он был интеллигентным и умнейшим человеком и адвокатом.

И вот в январе 1987 г. я стала адвокатом Пермской областной коллегии адвокатов. Моя радость была безмерной.

Через пять лет работы в отдаленной юридической консультации Кировского района я была направлена на работу в юридическую консультацию Дзержинского района города Перми. И это было не просто везение, а подарок судьбы. Коллектив состоял из адвокатов, преданных своему делу. Но, кроме этого, все без исключения были с прекрасным чувством юмора, чувством взаимоподдержки и взаимопомощи. Организатором этого замечательного коллектива была заведующая Ирина Валерьевна Фадеева. Но все адвокаты поддерживали ее неутомимые идеи и творили в буквальном смысле шедевры собственного сочинения — капустники, вечера юмора. На эти вечера приходили судьи, прокуроры, следователи. Все дружили, и никто никогда не использовал эти отношения в работе. Все было честно и профессионально.

В то время существовал журнал распределения дел. Приходишь утром в консультацию, заглядываешь в журнал, а там написано: куда идешь, к кому

из судей или следователей и фамилия твоего будущего подзащитного.

Вот однажды я увидела назначенное мне дело: ст. 102 УК РСФСР — убийство, допрос в СИЗО № 1. Думала, будет обычное дело. Но оказалось не совсем так.

Фабула дела состояла в том, что молодой 26-летний парень убил свою одноклассницу. Причина, как всегда, для следствия была банальной: она оскорбила его обидным словом, за что он и задушил ее шнуром от утюга. Вину признавал. Осталось только предъявить обвинение и передать дело в суд.

Мне тогда казалось, что причина преступления в другом и надо парню помогать. И я практически каждый день или через день стала ходить в СИЗО и беседовать с ним.

Когда я увидела его, то не могла поверить в такую версию. Красивый, высокий, крепкого телосложения. С потерпевшей учился в одном классе, и у них еще в школе была симпатия друг к другу. Оба жили в небольшом селе и имели прекрасных родителей, которые дружили между собой. Так сказать, семьями. Он ушел в армию, она закончила университет и работала на предприятии главным бухгалтером. После армии он вернулся в город Пермь. Они встретились, и у них начались близкие отношения. Согласитесь, невозможно поверить, что убийство произошло из-за оскорбления в виде тюремного жаргона.

Это все я выяснила в ходе наших с ним долгих разговоров. На встречах он всегда был сдержан, краток в ответах и удивительно грустен. В глазах была опустошенность и безнадежность. Но всегда стоял на этой нелепой версии причины произошедшего.

Почему же мне это дело запомнилось?

Я особо остро чувствовала проблему и для потерпевшей, и для моего подзащитного, потому что это убийство произошло не в ходе пьяной драки, и понять истинную причину случившегося я считала своим долгом.

Мне стало особенно тяжело, когда ко мне сначала пришли родители девушки, которые не могли поверить в то, что это горе им причинил хорошо знакомый сын их друзей. Они выясняли у меня, нет ли ошибки в том, что обвиняют именно его. Я тогда думала о том, каким благородством надо обладать, чтобы не винить ни родителей за то, что сделал их сын, ни его самого.

Потом ко мне пришли родители обвиняемого, они не верили в случившееся. Пытались удостовериться: правда ли это, доказано ли? И задавали себе вопрос: как они теперь будут смотреть в глаза родителям погибшей девушки? Они твердили, что им не жить в этом поселке и придется уехать.

Слезы и страдания обеих семей, бессмысленная смерть молодой и успешной девушки — мысли об этом не оставляли меня ни на минуту, как и мои личные переживания. От этого было еще тяжелее вести это дело.

А мой подзащитный больше ничего не добавил в своих показаниях.

И только от следствия мне стало известно, что он занимался сутенерством, о чем стало известно потерпевшей. Она в тот злополучный вечер сказала ему, что сообщит об этом в милицию. Он пришел в ярость, кричал так, что было слышно в соседней комнате. Затем бросил в нее утюг, но попал в голо-

ву. Она упала, потеряла сознание. Опасаясь за последствия, он ее задушил шнуром от утюга.

Моя попытка найти причину, возможно, в том, что девушка ему изменила, или другую, делавшую преступление хоть чуть-чуть объяснимым, потерпела фиаско. Желаемое сострадание к нему пропало.

Мне было сложно осуществлять его защиту. Я долго не могла понять, что сказать, когда в зале суда родители и потерпевшей, и подсудимого. Они приходили ко мне каждый со своим горем. Что сказать, чтобы каждый понял задачу адвоката? И я начала свое выступление, сказав, что адвокат защищает не преступление, а закон. Закон, который должен быть справедливым и к потерпевшим, и к обвиняемым.

Суд определил ему 12 лет лишения свободы. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Да, дело действительно не представляло, казалось бы, большой сложности в юридическом смысле. Но сколько эмоциональных потрясений мне, как адвокату, пришлось пережить.

Это дело для меня является ярким примером того, какой непростой является наша работа. Не бывает простых дел. Каждая человеческая история проходит через твое сердце.

И сейчас, когда мой адвокатский стаж составляет 37 лет, я с уверенностью могу сказать, что я не случайно в 13 лет выбрала эту профессию, определенную мне судьбой. Я шла к этой работе. И все силы мне в этом помогали.

Горжусь адвокатами, с которыми я начинала работать и с которыми работаю сейчас. Их пережива-

ния и терзания о том, правильно ли они выбрали позицию, близки и понятны мне.

И поэтому я считаю, что только тогда можно выбирать профессию адвоката, когда ты будешь относиться к каждому делу как к первому и последнему в своей жизни.

Это было и остается главным принципом работы адвокатов всех поколений.

Мадеева Елена Валерьевна

*Адвокат Адвокатской палаты города
Севастополя, Адвокатский кабинет
Мадеевой Е. В. в г. Севастополе*

«ЭМФЕМИДА СПРАВЕДЛИВОСТИ»

Каждая мама однажды отвечает своим детям на простой вопрос: кем ты работаешь? У меня пятеро детей, и каждому из них я рассказывала, кем работаю. В свою очередь мой младший сын спросил меня об этом. «Адвокатом», — сказала я прямо и честно. Взрослому человеку такой ответ показался бы исчерпывающим, но ребенок, услышав странное слово, потребовал объяснений. «Мама — защитник», — постаралась растолковать я. Восторг сына ошеломил: «Ты рыцарь?!» Теперь я признаюсь, что работаю рыцарем. Каждый день занимаюсь тем, что защищаю людей. Разных, но иногда и тех, за кого не заступится уже никто.

Мой «рыцарский» долг — защищать людей. Всяких. И чувства к ним я испытываю разные. Иной раз ну невозможно не любить! Это только со стороны кажется, что преступник — априори плохой человек. Но, преступая закон в силу разных причин и обстоятельств, добрый не становится злым, умный — глупым, честный — лжецом. Личность — всегда своеобразная и особенная — не теряет своих качеств, не перестает страдать, переживать, сочувствовать,

любить. Даже если человек сделал кому-то очень больно, даже смертельно больно...

Был в моей практике один такой случай... Уголовное дело возбуждали в связи с тем, что мой подзащитный по пьяной лавочке выбил глаз своему давнему другу. Статья тяжкая, все наши потуги, направленные на изменение квалификации преступления, разбивались о нерушимую стену бесхарактерности потерпевшего.

Тот, с одной стороны, совершенно не желал, чтобы злодея моего посадили в тюрьму, ведь приятель и деньги ему регулярно давал, и за свой счет глазной протез установил, причем не просто стекляшку какую-нибудь. Новый глаз видел лучше, чем старый, и из всего наличного имущества это искусственное око, вмонтированное в беспутную голову нашего потерпевшего, и составляло его самое ликвидное имущество. С другой стороны, ему совсем не хотелось признавать, что сам он во всем и виноват, что именно его пьяная брань и удары вынудили злодея треснуть друга для вразумления так неудачно.

Статья, по которой моего подзащитного привлекали, наказание предусматривает серьезное — до восьми лет лишения свободы. По таким делам, да еще с учетом отягчающей истории личности, для правосудия выбор не велик — сажать...

Вот и сидим мы рядком в ожидании приговора на скамейке в коридоре суда: я, сам виновник «торжества» и его мать. Под лавочкой — собранный ею в тюрьму нехитрый «тормозок». Женщина лет пятидесяти пяти с уставшими глазами перебирает край скромной куртки, тербит замок. Время как будто встало. Подзащитному периодически звонит бывшая

сожительница, мать их маленького сыночка, который после того, как выпил чистящее средство, стал глубоким инвалидом и нуждается в бужировании желудка не реже раза в месяц.

Мальчик Марк очень любит папу просто потому, что никто не любит его так, как отец-преступник. Но «гражданской» жене в отставке мой подопечный не отвечает, ему просто нечего сказать. Она не знает, что ее «бывший» ждет приговора, а значит, решения судьбы — своей и ребенка. Время вязнет, и ожидание с каждой минутой становится все мучительнее.

Мать робко берет сына под руку, заглядывает ему в лицо, как бы прося разрешения на эту прощальную, вырвавшуюся у нее нежность. Измученная, смотрит минуту и не выдерживает: слезы заливают щеки двумя широкими реками. На мгновение она пугается своей несдержанности, но следует мгновенная же реакция сына. Сын двумя огромными ладонями хватается мокрые лицо матери, притягивает к себе и целует соленые щеки. Сквозь шорох одежды и всхлипывания слышно: «Мамочка, мамочка, прости меня, ты не плачь, не расстраивайся. Ты ко мне не приезжай, только не бросай Марка, он маленький, ему плохо, ему без тебя не выжить, просто прости...» От минутной сцены невозможно оторвать глаз, столько в ней всего... Мать и сын, обессилив, садятся и, обнявшись, замолкают. Они уже сказали друг другу все.

И вот начинается чтение приговора. Мои подопечные слушают его обреченно. Они приготовились к худшему, смирились. Молитвы к Богу высказаны, выплаканы, выкрикнуты, сил просить чуда больше нет. Тот, Кто вершит судьбы людские, уже принял

решение. Они безропотно и безнадежно согласны принять самое худшее из Его рук. «Вот это, наверное, и есть настоящее смирение», — думаю я.

Судья читает приговор тихо и неспешно. Мать медленно клонится, теряя способность стоять на ставших ватными ногах. Я хватаю падающую женщину за руку и, перебивая судью, говорю ей то, что мне самой уже ясно: сегодня ее сына не посадят в тюрьму, сейчас они пойдут забирать счастливого малыша и все вместе будут ужинать дома.

Но мама в это не может поверить, взглядом она ищет поддержки у судьи, которая, заканчивая читать приговор, подтверждает мои слова. Потом обвиняемому долго объясняют, как отбывать условное лишение свободы, что ему можно делать, чего нельзя. Но все это уже не имеет никакого значения, потому что произошло самое важное — раскаяние, смирение, прощение. Сказаны самые главные слова, самому любимому человеку.

Судебное заседание окончено. Осужденный, поднимая руку, торжественно обращается к судье: «Ваша честь, Вы — Эмфемида справедливости! Эмфемида!»...

Онучин Александр Николаевич

Адвокат Адвокатской палаты
Пермского края, Адвокатский кабинет
Онучина А. Н.

АДВОКАТОВ

Прошел день,
ничем не омраченный,
почти счастливый.

*А. И. Солженицын,
Один день Ивана Денисовича*

Шесть часов. Будильник. Сегодня на шесть часов. В шесть, значит, будет час личного времени и кофе, час кофе и личного времени.

Адвокатов проснулся и открыл глаза: день провинциального защитника начинался. Фамилию защитника себе не выбирал—так случилось, что потомок сельских попов, один из которых был за неимением фамилии наречен в семинарии Адвокатовым, стал адвокатом.

Снились ли ужасики Адвокатову? Да, снились. Какие могут быть ужасики у провинциального адвоката? Естественно, вечные сны про пропуск срока исковой давности или процессуального срока. На втором десятке профессиональной деятельности обратиться к психотерапевту? Ага, где провинциальный адвокат и где психотерапевт! И потом, это

не лечится: страх пропуска срока, кажется, выдают вместе с дипломом юриста либо с первой записью в трудовой книжке «юрист».

Час личного времени относителен: надо прочитать новости с правовых полей, обсуждение коллегами случаев из судебной практики и новелл законодательства.

Кто-то, может быть, укажет на отрицательный оттенок «провинциальный» адвокат, но тут стыдиться нечего. У столичных—свой один день и чаще—не такой насыщенный из-за расстояний, пробок, загруженности ИВС, СИЗО, судов и прочих мест, о наличии и месте нахождения которых счастливые люди, а такие есть, не имеют представления.

Каждый второй провинциальный адвокат—это мужчина старше пятидесяти лет со стажем адвокатской деятельности примерно пятнадцать лет, избравший индивидуальную форму работы в виде адвокатского кабинета, и Адвокатов—не исключение.

Семь часов. Время неспешного и плотного завтрака. На сегодня запланировано участие в четырех делах по назначению. Одно дело—в СИЗО, одно—в полиции и по одному—в краевом и районном судах. Завтрак—это когда просыпаешься после чашки кофе. Завтрак для адвоката—это жизнь, так как обед часто бывает под вопросом, впрочем, как и ужин.

Молодым коллегам Адвокатов при случае постоянно твердит: адвокат ест не тогда, когда хочет, а тогда, когда есть время, и сам неуклонно этому совету следует.

Итак, завтрак. Творог с кефиром и ложкой варенья, чашка овсяной каши на воде, бутерброд с вареной курятиной, сыром, огурцом и маслом, иногда

второй бутерброд с печенью трески, икрой или слабосоленой рыбой, круассан (в память о бюджетных поездках в Италию) и вторая чашка кофе.

Этого хватает организму на полдня, до условного обеда, а иногда и до ужина.

Восемь часов. Время одежды. Если дни не присутственные, либо в планах посещение ИВС или СИЗО, то можно позволить вольность в одежде. В дни судебных заседаний, даже если в этот день ИВС или СИЗО, — только классический костюм с неизменным знаком адвоката. Кстати, знак адвоката помогает в суде отличить коллегу от посетителей и юристов, да и знакомые приставы на входе пропускают без лишних формальностей.

Когда судебные заседания назначаются на девять часов утра, Адвокатов по старой привычке готовит костюм с вечера, чтобы не просыпаться на час раньше.

Девять часов. Можно загрузить сведения из личного кабинета на сайте банка. В это время там отражаются поступления на расчетный счет: вознаграждение за работу по назначению и гонорары от юридических и физических лиц. Поступления делают день светлым и радостным, не зависимо от погоды.

Финансовая дисциплина требует аккуратности и своевременного отражения в записях о погашенных органами долгах.

Если есть поступления, Адвокатов вносит новые данные об оплате труда по назначению в программу на сайте родной адвокатской палаты. Действия не обязательные, но нужные Совету адвокатской палаты для анализа задолженности правоохранительных

органов и судебного департамента перед адвокатами, особенно тогда, когда задолженность является критической и адвокаты по полгода не получают оплаты за свой труд.

Обычный день — это два-три дела по назначению.

Так случилось, что Адвокатов начал работать в одном из самых больших и криминальных районов города, насыщенных к тому же различными правоохранительными органами — районными, городскими, краевыми и военными. Под стать району было и количество коллег-конкурентов, отчего нагрузка чаще всего ограничивалась тремя-четырьмя ордерами по назначению в месяц. Редко попадались либо многоэпизодные уголовные дела, либо уголовные дела в отношении группы лиц, либо многотомные.

Адвокатов иногда с грустью вспоминал первый год работы, когда из-за несвоевременной оплаты труда по назначению можно было брать столько дел, сколько позволяли тогда силы. А еще можно было выбирать между гражданскими и уголовными делами, между предварительным и судебным следствием.

Через год государство навело порядок в оплате труда по назначению, Адвокатов оказался нечаянно «богат». Но коллеги не дремали, жаловались и полномоченный по району стал более прижимист в выдаче ордеров по назначению.

Следующим шагом в наведении порядка в распределении дел по назначению стали дни дежурств по району.

Адвокатов вспомнил, как прогуливался в пятницу, в теплый августовский вечер, по проспекту краевого центра с эскимо. День дежурства подходил к концу.

Ничто не предвещало. Как вдруг ожил мобильный телефон. Следователь приглашал дежурного адвоката на допрос подозреваемого. Допрос окончился к утру. Восток уже осветился и можно было вместе с подзащитным вернуться по домам.

Интересное дело тогда попало. Про себя Адвокатов окрестил его делом «врачей-вредителей», но из пятнадцати обвиняемых врачом был только один. Подзащитный обвинялся в посредничестве во взятничестве между призывниками и членами призывной комиссии и в пособничестве в уклонении от службы по призыву.

Расследование и психиатрическая экспертиза по тринадцати вменяемым эпизодам уклонения показали, что семь диагнозов «расстройство личности» были поставлены верно, что, по мнению Адвокатова, логично предполагало не осуждение, а объявление благодарности участникам уголовного дела.

Дело закончилось для подзащитного благополучно. Средств на уплату двухмиллионного штрафа по приговору суда не было, штраф ожидаемо был заменен на лишение свободы, большую часть срока осужденный провел в тюремной больнице и вскоре вышел на свободу.

А затем краевая палата одной из первых в стране ввела систему автоматизированного назначения защитников—предтечу КИС АР, что привело к равному распределению дел и возможности иногда планировать свою занятость.

Десять часов. СИЗО—как много в этом слове, сказал классик, для сердца защитников слилось, да и отозвалось немало.

По установившейся традиции защитники, как вольные стрелки, приезжали в СИЗО, когда инициаторами следственных действий были следователи, на час позднее, когда следователи уже оформили вывод подзащитных и ожидали их в следственной части изолятора.

Проход в следственную часть обычно не занимает много времени.

Адвокатов прошел первый КПП. Зарегистрировался. Поднялся на третий этаж. Оформил в спецчасти требования на вывод подзащитных, чтобы отработать в день не одно, а несколько дел.

Тут же, на этаже,—канцелярия изолятора номер один, где защитник сдал запрос о времени и дате посещения подзащитных для последующей оплаты дней занятости, получил ответы на ранее оставленные запросы.

На первом КПП сдал вещи, что запрещены к проносу в следственную часть изолятора, получил бирку, попутно по номеру бирки и номеру требования отметил, есть ли свободные кабинеты или нет. Если следователь уже прошел, то можно не заботиться о кабинете—все равно пропустят.

Далее небольшая пробежка по улице до старинного тюремного здания, в котором, как пишут историки, перебивал весь цвет российской интеллигенции, выдающиеся революционеры и председатель первого советского правительства.

Второе КПП с фотографией на память. Там Адвокатов сдал удостоверение и получил электронный пропуск и ощущение полного бесправия, так как из всех документов на руках остались только безымянный электронный пропуск и бирка первого КПП.

Второе КПП — источник для бесконечных шуток.

«Деньги есть?» — как-то спросил контролер у Адвоката. Адвокат не остался в долгу, ответил: *а что вход в СИЗО стал платным?* Благо, в шестом изоляторе одно КПП и рядом камеры хранения, куда можно оперативно положить забытую в кармане мелочь.

Не допускаются к проносу и банковские карты. Конечно, никто из адвокатов их специально в следственную часть и не носит, но повод для шутки есть: у вас что, там внутри банкоматы установили?

В этот день Адвокату повезло быстро пройти в следственную часть. На втором КПП с его шлюзами и реверсивным проходом не было ни идущих на или возвращавшихся с планерки работников, ни преподавателей, ни групп курсантов местного института ГУФСИН.

Знакомых дежурных по следственной части и выводящих Адвокатов после приветствия неизменно спрашивал: *соскучились?*

Чаще следователь с подзащитным уже общаются в выделенном кабинете, а иногда приходится вместе со следователем в облезлых кабинетах старинного памятника архитектуры дожидаться подзащитного и два, и три часа. Для этого у Адвоката есть свое противоядие или примета: если возьмешь с собой книгу, то подзащитного приведут быстро, если нет, то можно ждать его долго.

После очередной проверки СИЗО изменились правила. Если раньше, ожидая подзащитного, можно было пообщаться с коллегами и следователями, то сейчас стали запирают в кабинетах, а подзащитных, вне зависимости от статьи обвинения, — в клет-

ках, устроенных в кабинетах. Адвокатов так и не смог постигнуть суть изменений. В каких бы тяжких преступлениях ни обвинялись его подзащитные, в СИЗО они вели себя спокойно.

Одиннадцать часов. Обычно подзащитных выводят в следственную часть в течение часа.

Так сложилось, что вокруг квартала СИЗО, в центре города, располагались и краевой суд, и районный суд района имени помощника присяжного поверенного, и одноименный отдел полиции. Ранее в соседнем здании располагался и арбитражный суд края. После того как арбитражному суду построили новое высотное здание рядом с железнодорожными воротами города, в это помещение въехала городская прокуратура, назначение которой (при наличии в городе семи районных и одной краевой прокуратур), несмотря на значительный стаж, Адвокатов так и не понял.

Пока арбитражный суд располагался рядом с СИЗО, забавно было, завершив следственные действия по уголовному делу, попасть на процесс по обжалованию людоедского полумиллионного штрафа за несоблюдение мелким ЗАО законодательства о ценных бумагах в части ежегодного отчета эмитента, часто в отношении единственного акционера, либо в дело о праве на торговую марку или компенсацию проезда льготных категорий пассажиров.

Адвокатов даже как-то умудрился между СИЗО и арбитражным судом забежать в соседний квартал в ГИМС¹ и сдать теоретический экзамен на право управления маломерным судном. Удостоверения, впрочем, он так и не получил. Занятость помешала

¹ Государственная инспекция маломерного флота МЧС России.

ему забрать удостоверение. А через год ему позвонил следователь отдела полиции на транспорте и пригласил на допрос, где выяснилось, что удостоверение Адвокату было оформлено, но изъято следователем на время расследования коррупции в краевом ГИМС. Добрый следователь по просьбе Адвоката выдал ему заверенную ксерокопию удостоверения, с которой Адвокатов несколько сезонов отходил на своей яхте, благо инспекторы ГИМС к парусным яхтам не придирались, да и запутанное правовое положение парусных яхт и статус их владельцев и капитанов не оставляли ГИМС каких-либо перспектив для законного преследования.

Тринадцать часов. Время с 13.00 до 14.00 — «мертвый» или «тихий» час для юристов, обеденный перерыв и в судах, и в правоохранительных органах.

Как ни странно, но еда, а точнее своевременный ее прием занимает важное место в жизни адвоката. Адвокатов не был исключением. Конечно, он не носил как его коллеги бутерброды, но старался перекусить тогда, когда была такая возможность. При этом ни кулинарные изыски, ни жирная, ни острая пища не подходили. В рабочее время, а оно у адвоката редко бывает нормированным, еда должна быть простой, а ее объем оставлять чувство легкого голода. Как говорят немцы, *Ein voller Bauch studiert nicht gern*, полное брюхо к учению глухо.

Можно было пообедать и в изоляторе, коллеги хвалили кухню столовой изолятора, да одна беда — там можно было рассчитывать только наличными, а пандемия, защита фальшивомонетчиков привели Адвоката к стойкому убеждению рассчитывать только банковской картой. Поэтому единственной

столовой с приемлемым качеством блюд была столовая краевого суда, находившегося в квартале от СИЗО, с ее диетической кухней, супом-пюре, паровыми котлетами или отварным языком и овощами, но туда желательно было попасть до начала обеда в самом суде, неспешно при этом прогуляться по тюремному скверу имени Ф. М. Достоевского.

Четырнадцать часов. Время начала послеобеденной работы. В этот раз и обед, и слушание в краевом суде апелляционной жалобы защитника на избрание меры пресечения совпали.

Долгие годы практики убедили Адвоката, что мера пресечения в виде заключения под стражу, избираемая судом по ходатайству следователя, если и эффективна, то в первые месяцы расследования уголовного дела по преступлениям против личности, в дальнейшем она становилась платой за непризнание подзащитным своей вины, за принципиальную позицию по делу, а то и просто мелкой мстью следователя (как и запрет на телефонные разговоры и свидания с родственниками).

Недаром на письменном столе Адвоката стоит не статуэтка Фемиды или Юстиции, а каслинского литья статуэтка Дон Кихота. Подобно Дон Кихоту в эпизоде с мельницами, Адвокатов с согласия подзащитных раз за разом обжаловал и избрание меры пресечения в виде содержания под стражей, и ее продление (к сожалению, по назначению обжалование заканчивается на стадии апелляции, так как полномочий на иные стадии нет, а подготовку кассационной жалобы для подзащитного государство не оплачивает).

Только раз подзащитный, отсидевший ранее срок по части 4 статьи 111 УК РФ и вновь задержанный по обвинению по части 1 статьи 105 УК РФ, письменно уведомил Адвокатова об отказе подавать апелляционную жалобу на избрание и продление стражи, так как понимал беспочвенность просьбы о домашнем аресте или запрете определенных действий в отдаленном райцентре края, когда следствие ведет краевое управление в краевой же столице.

Пятнадцать часов. Апелляция с традиционным прокурорским «законно и обоснованно» уложилась в тридцать минут, даже с учетом ВКС.

Адвокатова ждал районный суд, где его подзащитного обвиняли в совершении семи преступлений по частям 3 и 4 статьи 159 УПК РФ.

Всего пять томов уголовного дела, тщательно изученного ранее. На заявление Адвокатова об ознакомлении с материалами дела неизвестное лицо наложило резолюции: «Не более трех дней». Адвокатов изучал дело пять дней. Тщательное изучение привело к тому, что действия подзащитного были переквалифицированы на пять составов по части 5 статьи 159 УК РФ и два состава — по части 3 статьи 159 УК РФ, и подзащитный получил условный срок — пять лет.

Семнадцать часов. Час до окончания рабочего времени аппарата краевой палаты, возможность посетить ее в течение рабочего дня.

Сегодня первый день месяца, значит, начало срока уплаты взноса в палату. Взнос можно уплатить и до 20 числа месяца: смешно звучит, но в первые годы работы адвокатом иногда не хватало денег, чтобы вовремя заплатить взнос. Сейчас Адвокатов платил взнос в первые два — три дня месяца, если не

забывал. Иные коллеги платят в начале года за все двенадцать месяцев сразу (в больших палатах взнос небольшой).

Привычка платить взносы лично и ежемесячно сформировалась еще в те годы, когда Адвокатов платил взносы наличными в кассе палаты. Вместе с оплатой можно было узнать новости, переговорить с коллегами и забрать экземпляр свежей газеты или журнала. Цифровизация и эпидемия свели личное общение к нулю: взносы сейчас перечислялись Адвокатовым с личного счета на счет палаты, новости палаты выкладывались на ее сайте, а с коллегами можно было переговорить в группах по интересам.

В этот раз, встретившись с коллегами в большом уголовном деле с десятком подзащитных, защитники быстро создали группу в одном из мессенджеров, где обменивались новостями по делу.

Самостоятельная работа приучает к пунктуальности. Известный девиз для адвоката, работающего в адвокатском кабинете, звучит так: *если не ты, то и никто*.

Большая тема для каждого адвоката — это налоги. Доверитель платит адвокату из тех доходов, что уже обложены государством налогом на доходы физических лиц. Получая гонорар, адвокат платит такой же налог с него, за минусом профессиональных расходов, стандартных, социальных и имущественных вычетов. Поэтому гонорар адвокатов — это, образно говоря, овца, с которой государство дважды состригло шерсть.

Адвокатов помнил еще то время, когда два года подряд платил со своих доходов налог в размере шести процентов (за минусом отчислений в фонды

обязательного пенсионного и медицинского страхования). Сейчас только юристы, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, могут позволить себе такую роскошь.

Восемнадцать часов. С восемнадцати часов по положению краевой палаты у защитников по назначению начиналось ночное время, которое подлежало бы оплате по повышенной ставке, да только правоохранительные органы и суды игнорировали это благое пожелание и неизбежно оплачивали по повышенной ставке только действия после 22.00 местного времени.

Краевая палата одной из первых в стране ввела систему автоматизированного назначения защитников, что привело к равному распределению дел и возможности иногда планировать занятость.

Но все относительно. Сейчас вызовы защитников стали непредсказуемыми. Как-то на город обрушился сильный снегопад. Все встало. Завершив дела в кабинете, что находился в квартале от районного отделения полиции, Адвокатов пошел домой, предпочитая метель и минус десять градусов, тесному автобусу со скоростью улитки.

Добравшись до дома в виде самоходного сугроба, Адвокатов не успел разогреть ужин, как на смартфон прилетело сообщение о том, что его ждут незнакомый подзащитный и следователь для допроса. После краткого обсуждения стороны договорились отложить допрос на два часа, чтобы защитник смог поужинать и доехать до отдела полиции. К счастью, пурга стихла, час пик прошел, общественный транспорт восстановил график движения и цены на такси упали.

Адвокатов никогда не понимал попытки советов палат регулировать вопросы, которые законодательство палатам не делегировало: касалось ли это ночного времени, индексации оплаты по назначению или порядка оформления прихода денежных средств в адвокатском кабинете. Во всех этих случаях дело заканчивалось бессмертным: хотели как лучше, а получилось как всегда.

Девятнадцать часов. Время начала театральных спектаклей и концертов. Если позволяло расписание, Адвокатов старался сходить и на оперу, и на концерт. Как написал знакомый поэт: Но праздник сей не вечный:

Рутина жизни брэнной
Препятствует, конечно,
Порывам вдохновенным.
...И сыграна соната,
И тишина настанет,
А сердце адвоката
Опять холодным станет»¹.

Двадцать один час. Время ужина, если нет никакой срочной работы.

Двадцать три часа. Адвокатов подсчитывал гонорар за день. Допрос обвиняемого в СИЗО — 1646 рублей, свидание с другим подзащитным по назначению там же — 1646 рублей, участие в судебном заседании районного суда — 2118 рублей (уголовные дела в отношении трех или более подозреваемых, обвиняемых (подсудимых); в случае предъявления обвинения по трем или более инкриминируемым деяниям; по делам, объем материалов по которым составляет более

¹ Стихи Д. И. Мишакина.

трех томов), участие в заседании краевого суда — 2359 рублей (уголовные дела, отнесенные к подсудности верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда), допрос обвиняемого в полиции — 1882 рубля (уголовные дела, с участием несовершеннолетних потерпевших, не достигших возраста 16 лет).

Итого — 9651 рубль, а с учетом пусть небольшого, но районного коэффициента — 11098,65 рубля.

Удачный день для провинциального защитника. Адвоката не смущало и то, что эти деньги он получит через два — три месяца и их безжалостно съест инфляция.

Двадцать четыре часа. Закончился еще один день провинциального защитника. Время восстанавливать силы. И если нет срочных дел — спать, спать и спать.

И тут присяжный поверенный Иван Иванович Гагарин проснулся.

Гагарин так и не понял, что стало причиной этого кошмарного вещего сна о будущем российской адвокатуры: то ли обильный ужин, то ли позднее ночное продолжение ужина в загородном ресторане.

АДВОКАТУРА И НАУКА

Насонов Сергей Александрович

Адвокат Адвокатской палаты города Москвы, член Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1), советник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации

АДВОКАТЫ-УЧЕНЫЕ: ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ПРИСЯЖНОЙ АДВОКАТУРЫ В РАЗВИТИЕ НАУК УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЦИКЛА

Учреждение российской присяжной адвокатуры 160 лет тому назад совпало с моментом введения в действие новых процессуальных кодексов Судебной реформы, в том числе Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Не удивительно, что именно первые российские адвокаты — присяжные поверенные, подвергая доктринальному анализу новые уголовные и уголовно-процессуальные нормы в своих судебных речах, стали «первооткрывателями» правовых идей, существенно обогативших науки уголовно-правового цикла (уголовное право, уголовно-процессуальное право, криминология, криминалистика), придав импульс их ускоренному развитию.

Подобные правовые идеи можно найти в речах Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасовича, Н. П. Карабчевского, К. К. Арсеньева и многих других корифеев присяжной адвокатуры. Вместе с тем вклад присяжных поверенных в развитие наук уголовно-правового цикла не исчерпывается только их судебными выступлениями. Профессиональная адвокатура, основанная на принципах самоуправления, корпоративности, свободы мнений, стала совершенно новым общественным институтом для России, быстро завоевав общественное признание и авторитет. В адвокатуру потянулись лучшие юристы того времени, в том числе и университетские профессора. Войдя в сообщество присяжных поверенных, они продолжили свою научную деятельность, обогащая научные труды эмпирическими сведениями, полученными в ходе адвокатской деятельности. Вклад в науку таких адвокатов-ученых оказался особенно велик.

Среди плеяды выдающихся адвокатов-ученых того времени особенное место занимает Владимир Данилович Спасович, который оказался в адвокатском сообществе благодаря... своему учебнику по уголовному праву. Владимир Данилович написал его, не будучи адвокатом и даже не задумываясь об адвокатской стезе, но именно этот учебник роковым образом способствовал становлению мэтра российской присяжной адвокатуры. Спасович приступил к написанию этого учебника в 1857 г., когда начал преподавать курс уголовного права в С.-Петербургском университете. Через пять лет первый том учебника был дописан (планировалось несколько томов). За это время Владимир Данилович успел оставить университет и перейти на преподавательскую работу в Училище

правоведения и Аудиторское училище в С.-Петербурге. Первое издание первого тома «Учебника уголовного права» (179 страниц) вышло в 1862 г. Спустя год ученый подготовил второе, существенно дополненное издание, состоявшее уже из 428 страниц¹. Именно его В. Д. Спасович представил в Совет по защите диссертаций Петербургского университета в качестве своей докторской диссертации. Защита докторской диссертации В. Д. Спасовича состоялась 22 декабря 1863 г. Заседание продолжалось три часа, без перерыва, и завершилось успехом соискателя.

Учебник В. Д. Спасовича был прогрессивным для своего времени. Автор выступал против социологической школы уголовного права, против ломброзианства, утверждал о свободе воли, полагал, что задачей наказания должно быть не устрашение преступников, а их ресоциализация, поэтому выступал резким противником смертной казни. Учебник содержал обширный сравнительно-правовой материал по каждой излагаемой теме. После защиты диссертации ученого ждала блестящая научная карьера, но вдруг все изменилось.

В марте-апреле 1864 г. были опубликованы две рецензии на учебник В. Д. Спасовича. В трех номерах газеты «Современная летопись» вышла рецензия профессора кафедры философии Московского университета П. Д. Юркевича. Он представил свои соображения в форме открытого письма к ректору Московского университета, правоведа-криминалисту С. И. Баршеву. Философ писал, что позиция В. Д. Спасовича, изложенная в тексте учебника, сопоставима со взглядами коммунистов и социалистов,

¹ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб.: Типография Иосафата Огрязко, 1863. Т. 1. Вып. 1–2. 430 с.

несет опасность для российского общества и государства. П. Д. Юркевич писал, что рецензируемая им работа является «карикатурой науки», от которой «раздается гнилой запах». В завершение философ перешел к критике личности самого автора учебника, поставив в укор В. Д. Спасовичу его польское происхождение. Спасович потом ответил на эти обвинения, полностью разбив их, блестящей статьей «Ответ г. Юркевичу», опубликованной в С.-Петербургских ведомостях 5 апреля 1864 г. и, позднее, в четвертом томе собрания своих сочинений¹. Однако вскоре была опубликована и вторая рецензия, которая представляла собой ответ профессора С. И. Баршева на открытое письмо П. Д. Юркевича. В своей рецензии С. И. Баршев отмечал, что работа В. Д. Спасовича не соответствовала эталону классического учебника. Более того, П. Д. Юркевич и С. И. Баршев обратились в III-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (оно надзидало за неблагонадежными лицами). Вследствие чего учебник В. Д. Спасовича поступил на экспертизу в специально созданную комиссию, состоящую из сотрудников III-го отделения. В период с 11 по 16 декабря 1864 г. члены комиссии подробно изучали содержание учебника и нашли в нем 36 фрагментов, которые «содержали враждебные мысли», «подрывающие основы общественного строя». Решением комиссии учебник был исключен из перечня рекомендуемой для учебного процесса литературы, а его автор лишился права заниматься преподавательской деятельностью. Так, В. Д. Спасович потерял самое дорогое — люби-

¹ Спасович В. Д. Сочинения. 2-е изд. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1913.

мую профессию, которую считал своим призванием. И... перешел в созданную недавно присяжную адвокатуру, став одним из величайших ее представителей.

За годы своей адвокатской деятельности Владимир Данилович написал ряд научных работ по уголовному судопроизводству, а также переработал труды более раннего периода. Среди них нельзя не отметить фундаментальный курс лекций «О теории уголовно-судебных доказательств, в связи с судостроительством и судопроизводством» (1860 г.)¹, работу «О языке в области уголовного судопроизводства» (1881 г.)², множество научных статей в юридической периодике³. Эти работы не утратили своей научной значимости и в настоящее время являются предметом отдельных научных исследований⁴.

Другим видным представителем науки уголовно-процессуального права, вошедшим в 1893 г. в сообщество присяжных поверенных, стал Леонид Евстафьевич Владимиров — профессор Императорского Харьковско-

¹ Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством // Сочинения В. Д. Спасовича: в 10 т. Т. III. Статьи, диссертации, лекции юридического содержания. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1890. С. 161–274.

² Спасович В. Д. О языке в области судопроизводства // Сочинения В. Д. Спасовича: в 10 т. Т. III. Статьи, диссертации, лекции юридического содержания. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1890. С. 293–321.

³ См.: Спасович В. Д. Вопрос о праве присяжных заседателей оправдывать лиц, повинившихся в преступлениях // Вестник права, 1904. Т. 1. С. 5–19.

⁴ См.: Тюленева М. А. Влияние политико-правовых взглядов В. Д. Спасовича на развитие правосудия и правозащитной деятельности в Российском государстве (вторая половина XIX — начало XX вв.): специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 210 с.

го университета. Его докторская диссертация, защищенная в 1872 г., была посвящена производству в суде присяжных. Он является автором ряда фундаментальных трудов в области уголовного права и судопроизводства, среди которых выделяются такие работы, как «Психологическое исследование в уголовном суде» (1901 г.)¹, «Суд присяжных. Условие действия суда присяжных и метод разработки доказательств» (1873 г.)², «Учение об уголовных доказательствах. Части Общая и Особенная» (1910 г.)³. В своих трудах Л. Е. Владимиров обосновывал необходимость привлечения к судопроизводству экспертов — психологов, которые имели бы право знакомиться с материалами дела, обследовать подсудимого, участвовать в допросах свидетелей. С помощью медико-психологического исследования в уголовном процессе, указывал Л. Е. Владимиров, можно будет установить психофизиологическую эволюцию преступника, возможные отклонения от нормы в психических процессах, определять «свободу воли» и мотивы преступления, семейную обстановку, где формировался преступник, и т. п. Он указывал, что преступление может быть результатом психического состояния, поэтому во избежание ошибок в анализе преступления необходимо применять медико-психологическое исследование. Эти идеи Л. Е. Владимирова положили начало разработке теории судебно-психологической экс-

¹ *Владимиров Л. Е.* Психологическое исследование в уголовном суде. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. [4], VI, II, 291 с.

² *Владимиров Л. Е.* Суд присяжных: Условия действия ин-та присяжных и метод разработки доказательств // [Соч.] Л. Е. Владимирова. Харьков: Унив. тип., 1873. [4], VI, 257 с.

³ *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах: Части: общ. и особен. 3-е изд., изм. и законч. СПб.: кн. маг. «Законоведение», 1910. XXXVIII, [2], 400 с.

пертизы в уголовном судопроизводстве, а также оснований привлечения специалиста-психолога для участия в процессуальных действиях.

Свой след в науке уголовно-процессуального права оставил и Константин Константинович Арсеньев, который поступил в сообщество присяжных поверенных в 1866 г. и сразу приобрел весомый авторитет среди коллег как судебный оратор и глубокий специалист в области права. В 1867 г. он был избран председателем Совета присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты. В этой должности Арсеньев состоял почти все время своей адвокатской деятельности. К этому же моменту относятся три отдельно изданные его монографии: «Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия» (СПб., 1870)¹; «Судебное следствие» (СПб., 1871)² и «Заметки о русской адвокатуре» (СПб., 1875)³. Первые две работы, скромно названные автором «практическими заметками», представляют собой серьезные монографии, в котором предмет исследования раскрыт с теоретической, нормативной (в том числе, сравнительно-правовой) и практической точек зрения. Эти работы имеют научное значение и в наши дни, активно цитируются в современных научных исследованиях.

¹ *Арсеньев К. К.* Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия: Сборник практических заметок. СПб.: Тип. В. Демакова, 1870. 235 с.

² *Арсеньев К. К.* Судебное следствие: Сборник практических заметок. СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. 369 с.

³ *Арсеньев К. К.* Заметки о русской адвокатуре: Обзор деятельности С.-Петерб. совета присяжных поверенных за 1866—74 г.: в 2-х ч. СПб.: Тип. В. Демакова, 1875. VI, [2], 206 с.

Имя другого выдающегося юриста — Ивана Яковлевича Фойницкого (1847–1913 гг.) — известно любому отечественному правоведу, в особенности, специалисту в уголовно-процессуальном праве. Сын крепостного крестьянина, благодаря упорному труду и выдающимся способностям ставший доктором наук, заслуженным ординарным профессором Санкт-Петербургского Императорского университета и сенатором, оставил после себя богатое научное наследие. До сих пор читателей поражает уровень доктринального анализа уголовно-правовых норм в его «Курсе уголовного права», вызывают интерес живые, написанные удивительно красивым юридическим языком статьи по правовым вопросам (в том числе и об адвокатуре), а основной труд его жизни — «Курс уголовного судопроизводства» — и в наши дни является рекомендуемым студентам к изучению источником во всех программах по уголовно-процессуальному праву, а также книгой, к которой нередко прибегают современные российские адвокаты в поисках отточенных юридических формулировок, помогающих выстраивать аргументацию в уголовно-правовых спорах.

Биография известного ученого изучена достаточно подробно, однако в газете «Право» удалось обнаружить удивительный факт — адвокатскую «страницу» в жизни И. Я. Фойницкого. Интересно, что об этом факте не говорится ни в одном из двух наиболее обстоятельных биографических очерков жизни и творчества ученого¹. В этих биографиях отмечается, что

¹ Люблинский П. И. Памяти трех русских криминалистов. СПб., 1914; Смирнов А. В. Великий учитель русских криминалистов; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996.

работа Ивана Яковлевича как юриста-практика началась с 1876 г. и это было связано с занятием должности обер-прокурора кассационного департамента по уголовным делам Правительствующего Сената.

Однако это не совсем так. За несколько лет до этой даты И. Я. Фойницкий занимался адвокатской деятельностью и это был его первый опыт работы юриста-практика. 21 сентября 1868 г. (т. е. практически сразу после окончания университета) в Совет присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате поступило заявление присяжного поверенного С. Ф. Делюсто, в котором он указывал, что «ко мне поступил в помощники с 1 сентября кандидат прав Иван Яковлевич Фойницкий». Летом 1869 г. С. Ф. Делюсто выбыл из числа присяжных поверенных, а в марте 1870 г. Фойницкий поступает помощником к присяжному поверенному А. А. Ольхину — известному впоследствии адвокату, участнику многих политических процессов (дело «нечаевцев», процесс «50-ти», дело «193-х» и т. д.).

Иван Яковлевич представил Совету три полугодовых отчета о своей деятельности в статусе помощника присяжного поверенного: за второе полугодие 1869 г.; с 1 апреля 1870 г. по 1 октября 1870 г.; с 1 октября 1870 г. по 1 мая 1871 г. Б. Элькин, изучавший эти отчеты, утверждает, что Фойницкий довольно активно занимался адвокатской деятельностью, вел много дел (особенно, гражданских) во всех инстанциях. В личном деле И. Я. Фойницкого (№ 15 по списку помощников присяжных поверенных) была справка, датированная 1873 г., о том, что он состоит профессором Университета и заявления об отчислении из числа помощников от него не по-

ступало. По этой причине Совет 11 декабря 1873 г. вынес постановление об обращении к Фойницкому с предложением вернуть выданное ему свидетельство помощника присяжного поверенного. Таким образом, И. Я. Фойницкий не менее трех лет занимался адвокатской деятельностью. Возможно, именно этот опыт пребывания в адвокатуре помог ученому в написании его замечательной работы о защите в уголовном судопроизводстве¹.

Современная российская адвокатура продолжает традиции своих предшественников, поддерживая серьезные научные исследования в области наук уголовно-правового цикла. По данным ФПА РФ, 220 российских адвокатов имеют ученую степень доктора юридических наук; 1552 адвоката имеют ученую степень кандидата юридических наук; 311 адвокатов имеют ученое звание доцента; 95 адвокатов имеют ученое звание профессора; среди российских адвокатов есть академик РАН и академик Российской академии образования. На постоянной основе ФПА РФ издает труды адвокатов, в том числе посвященные актуальным аспектам уголовного права и судопроизводства.

Абсолютно уверенно можно сказать, что научное наследие наших предшественников — присяжных поверенных — бесконечно долгое время будет тем «столпом», на который будет опираться российская адвокатура в поиске идей развития отечественной правовой науки.

¹ *Фойницкий И. Я.* Защита в уголовном процессе как служение общественное. СПб.: Типо-литография А. М. Вольфа, 1885.

АДВОКАТУРА И ВЫСШАЯ ШКОЛА

Поспелов Олег Витальевич

Адвокат, член Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Московской области, член Московской коллегии адвокатов «Адвокат недвижимости», кандидат юридических наук, доцент, ветеран Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН АДВОКАТСКОГО ЦИКЛА НА КАФЕДРЕ АДВОКАТУРЫ УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА (МГЮА)

В 1992 г. в Московском юридическом институте, который с 1993 г. стал называться Московской государственной юридической академией (МГЮА), была создана кафедра адвокатуры и нотариата — первая подобная кафедра в структуре юридических факультетов и вузов России.

Само появление кафедры адвокатуры и нотариата в ведущем российском юридическом вузе было вызвано рядом обстоятельств.

Во-первых, начало 1990-х гг. — это время подготовки новых Законов Российской Федерации об адвокатуре и нотариате, концепции которых предполагали создание независимых и самоуправляемых корпораций

адвокатов и нотариусов, свободных от прежнего советского государственного контроля. В 1993 г. были приняты Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Этот закон возродил частный (небюджетный) нотариат в России на основе корпоративного самоуправления в лице нотариальных палат субъектов Российской Федерации и Федеральной нотариальной палаты. Согласование компромиссной концепции нового закона об адвокатуре продолжалось до 2002 г., когда был принят действующий Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому структура органов корпоративного самоуправления адвокатуры сходна с частным нотариатом — созданы адвокатские палаты субъектов Российской Федерации и Федеральная палата адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ).

Во-вторых, начало 1990-х гг. — это время резкого роста числа адвокатов в России. Так, если в 1991 г. в РСФСР было 9000 адвокатов, то в 1995 г. в Российской Федерации насчитывалось 21 382 адвоката, при этом прогноз о сохранении темпов роста численности адвокатов оправдался: в 2001 г. их было уже 47 288, то есть за одно десятилетие количество адвокатов увеличилось более чем в пять раз. В нотариате ситуация была и остается иная, в связи с порядком определения предельного количества должностей нотариусов в России их общее количество увеличилось с 5000 — в 1992 г. до 7000 — в 2005 г. и насчитывает в 2024 г. немногим более 8000 человек.

В-третьих, начало 1990-х гг. — это время сложившейся практики принятия вступительных экзаменов при приеме новых членов в коллегии адвокатов в традиционных коллегиях адвокатов, существующих

с 1922 г., в том числе в Московской городской коллегии адвокатов (МГКА) и Московской областной коллегии адвокатов (МОКА). Кроме того, к этому времени были отработаны формы обучения стажеров адвокатов и формы профессионального усовершенствования адвокатов в традиционных коллегиях адвокатов. В государственном нотариате сложились формы методической работы по обеспечению совершения нотариальных действий государственными нотариусами, которые после 1993 г. были заимствованы в частном нотариате и развернуты в систему повышения квалификации нотариусов, занимающихся частной практикой.

Перечисленные обстоятельства явились объективной предпосылкой для создания кафедры адвокатуры и нотариата, так как теоретическое и практическое обеспечение развития двух свободных юридических профессий адвоката и частного нотариуса, со сходным корпоративным самоуправлением, с учетом их традиций и проявленных тенденций в их развитии, могло осуществляться на профильной кафедре юридического вуза посредством преподавания адвокатуры и нотариата, научного осмысления адвокатуры и нотариата, методического обеспечения стажировки в адвокатуре и нотариате и повышения квалификации адвокатов и нотариусов.

Субъективной предпосылкой появления кафедры адвокатуры и нотариата именно в МГЮА стало наличие адвокатов в профессорско-преподавательском составе этого вуза из числа членов МГКА и МОКА, у которых сформировалось понимание необходимости создания кафедры адвокатуры в крупном юридическом вузе для ознакомления всех студентов

с профессией адвоката, которую они могут выбрать после получения диплома юриста, и подготовки будущих адвокатов из числа студентов, которые выбирают кафедру адвокатуры для своей специализации, при этом преподавать адвокатуру и дисциплины адвокатской специализации должны вузовские преподаватели, являющиеся адвокатами. Само наличие такой кафедры адвокатуры в юридическом вузе создавало бы возможности для систематизации научно-практических знаний об организации адвокатуры и осуществлении адвокатской деятельности с учетом комплексного (межотраслевого) подхода к предметной области исследований на такой кафедре.

Именно так и было поставлено преподавание дисциплин кафедры с момента ее создания и продолжается до сих пор. Адвокатуру и другие дисциплины адвокатского цикла преподают адвокаты, психологи и филологи из числа профессорско-преподавательского состава кафедры, для преподавания нотариата на кафедру были приглашены нотариусы г. Москвы. В 2018 г. кафедра адвокатуры и нотариата Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) была переименована в кафедру адвокатуры в связи с созданием в университете отдельной кафедры нотариата.

Первым заведующим кафедрой адвокатуры и нотариата в 1992–1998 гг. был адвокат МГКА, доктор юридических наук, профессор Израиль Борисович Марткович, который собрал на кафедре адвокатов и нотариусов, каждый из которых был волевой личностью, человеком науки и успешным юристом-практиком с определенной специализацией, имел свое творческое видение преподавания адвокатуры

или нотариата. Именно первый кадровый состав кафедры позволил развить ее потенциал.

Автор во время обучения на вечернем факультете МГЮА в 1992–1998 гг. на пятом курсе посещал лекции по адвокатуре кандидата юридических наук, доцента кафедры адвокатуры и нотариата, адвоката МГКА Юрия Филипповича Лубшева. Тогда Ю. Ф. Лубшев представил авторский курс лекций по адвокатуре, выделив четыре части предмета курса: адвокатура как институт правозащитной системы (организация адвокатуры и адвокатской деятельности); защита адвокатом гражданских прав (адвокат-цивилист); правовая работа адвоката в сфере народного хозяйства — предпринимательства; адвокат на предварительном следствии и в суде (адвокат-криминалист в широком плане). В 2001 г. доктор юридических наук профессор Ю. Ф. Лубшев издал свой учебник «Адвокатура в России», насчитывавший 832 страницы и включавший в себя пятнадцать глав — восемь глав общей части, посвященной организации адвокатуры, и семь глав особенной части, в которой рассматривалась деятельность адвокатуры. Композиционный подход к преподаванию адвокатуры, выраженный в этом учебнике, оказал влияние на абсолютное большинство учебников по адвокатуре, изданных в последующие годы. С теми или иными вариациями другие авторы воспроизводят композицию этого учебника. Профессор Ю. Ф. Лубшев стал автором первого в Российской Федерации учебника по адвокатскому праву, который был издан в 2003 г. За последние 25 лет в России издано около 120 учебников по адвокатуре и только 6 учебников по адвокатскому праву.

Вторым заведующим кафедрой адвокатуры и нотариата в 1998–2001 гг. был адвокат, заместитель председателя президиума МОКА, президент Федерального союза адвокатов России (ФСАР), кандидат юридических наук, доцент Александр Викторович Клигман. При нем сложился канон преподавания адвокатуры и дисциплин адвокатского цикла на кафедре адвокатуры и нотариата МГЮА в рамках специалитета, просуществовавшего в качестве основного уровня высшего профессионального юридического образования до 2016 г. Тогда студенты, избравшие кафедру для написания дипломной работы по адвокатуре, посещали четыре спецсеминара: «История и организация российской адвокатуры»; «Профессиональная этика судебных прений»; «Защита по уголовным делам»; «Представительство по гражданским делам». В 2007 г. темы спецсеминаров были обновлены, студентам были предложены пять спецсеминаров: «Значение и содержание судебных прений»; «Деятельность адвоката по уголовным делам»; «Деятельность адвоката по гражданским делам»; «Профессиональные навыки адвоката по использованию специальных знаний»; «Адвокат как субъект доказывания в гражданском и уголовном процессе».

Третьим заведующим кафедрой адвокатуры и нотариата в 2001–2018 гг. был адвокат МГКА, член Адвокатской палаты города Москвы, член Общественной палаты Российской Федерации в 2005–2017 гг., председатель Общественного совета при МВД России с 2013 г., доктор юридических наук, профессор Анатолий Григорьевич Кучерена. Профессор А. Г. Кучерена осуществлял общее руководство развитием канона преподавания дисциплин адвокатского цикла

на кафедре адвокатуры и нотариата МГЮА в рамках специалитета, а также появившихся в 2010 г. бакалавриата и магистратуры. Он является автором учебника «Адвокатура», впервые изданного в 2004 г., а затем переизданного с дополнениями и изменениями в 2006 г. и в 2012 г.

Третьим заведующим кафедрой адвокатуры и нотариата с 2018 г. является Светлана Игоревна Володина, она работает на кафедре с момента ее создания в 1992 г., заместителем заведующего кафедрой была при заведующих кафедрой А. В. Клигмане и А. Г. Кучерене. Именно благодаря тандему А. В. Клигмана и С. И. Володиной на кафедре был создан канон преподавания адвокатуры и дисциплин адвокатского цикла. С. И. Володина стала адвокатом — членом МОКА в 1986 г., неоднократно избиралась членом президиума МОКА, членом Квалификационной комиссии и Совета Адвокатской палаты Московской области (АПМО), членом Совета ФПА РФ, вице-президентом АПМО и вице-президентом ФПА РФ.

С. И. Володина избрана президентом ФПА РФ в 2022 г.

Светлана Игоревна была директором Института адвокатуры Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) на протяжении десяти лет с момента его создания в 2008 г. В этом институте в рамках основной образовательной программы осуществлялась подготовка студентов по трем уровням высшего профессионального юридического образования: специалитету, бакалавриату, магистратуре. Кафедра адвокатуры и нотариата была базовой для этого института. В это десятилетие профессорско-преподавательский

состав кафедры разработал и вел в Институте адвокатуры МГЮА дисциплины адвокатского цикла, которые можно объединить в следующие шестнадцать предметных групп:

1. «Введение в профессию адвоката», «Введение в профессию и профессиональная этика» (доцент С. И. Володина).

2. «Профессиональная этика адвоката» (доценты С. И. Володина, Т. В. Петрова); «Профессиональная этика адвоката», «Этические правила юридической профессии» (доцент Е. О. Анисимова [Бусурина]).

3. «Актуальные проблемы адвокатуры», «Актуальные проблемы научных исследований в области адвокатской деятельности» (доценты С. И. Володина, Т. В. Петрова).

4. «Введение в специальность. Адаптационный психологический тренинг для студентов Института адвокатуры», «Психология профессиональной деятельности адвоката», «Психология юридического конфликта», «Психология профессионального и личностного роста адвоката», «Правовая психология адвокатской деятельности» (доцент Л. А. Скабелина).

5. «Риторика», «Судебное красноречие», «Юридическая риторика в деятельности адвоката» (доцент С. И. Володина); «Русский язык и культура речи», «Основы юридической риторики», «Юридическая риторика», «Юридическая диалогика» (доцент Н. А. Абрамова); «Юридическая диалогика», «Риторика для юристов» (доцент И. А. Никулина).

6. «История адвокатуры» (доцент С. Ю. Макаров).

7. «Организация адвокатуры», «Проблемы организации адвокатуры» (доцент О. В. Поспелов).

8. «Адвокатское производство», «Адвокатское дело» (доцент С. Ю. Макаров).

9. «Дисциплинарная ответственность адвоката», «Правовые и дисциплинарные основы работы адвоката с доверителем» (доцент Е. О. Анисимова [Бусурина]).

10. «Практические навыки адвоката», «Техника юридического письма» (доцент П. Е. Марчева [Короткова]).

11. «Основы консультационной деятельности», «Теория и практика консультирования», «Консультирование как вид адвокатской деятельности», «Консультационная деятельность адвоката по гражданским делам» (доцент С. Ю. Макаров).

12. «Адвокат в гражданском процессе», «Адвокат-представитель в гражданском судопроизводстве», «Деятельность адвоката по арбитражным делам» (доцент В. Н. Ивакин); «Участие адвоката в гражданском и административном судопроизводстве» (доцент С. Ю. Макаров).

13. «Деятельность адвоката по защите прав налогоплательщиков», «Деятельность адвоката по налоговым спорам» (доцент Е. Н. Калачева).

14. «Ювенальная адвокатура» (доцент Е. Н. Калачева).

15. «Взаимодействие адвоката и специалиста», «Использование специальных знаний в работе адвоката» (доцент Т. В. Петрова); «Использование специальных знаний в работе адвоката» (доцент П. Е. Марчева [Короткова]).

16. «Взаимодействие адвоката с нотариусом» (доцент О. В. Поспелов).

На кафедре адвокатуры Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) продолжают работать, проводя мастер-классы для студентов, адвокаты, доктора юридических наук, профессора А. Г. Кучерена, И. С. Яртых, а также доктор юридических наук, профессор президент АПМО, вице-президент ФПА РФ, президент ФСАР, президент Международного Союза (Содружества) адвокатов А. П. Галоганов и доктор юридических наук, профессор, президент ФПА РФ в 2015—2022 гг. Ю. С. Пилипенко.

Опыт преподавания дисциплин адвокатского цикла на кафедре адвокатуры Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) позволяет оценивать достигнутый уровень подготовки будущих адвокатов и ставить задачи по совершенствованию этого уровня.

АДВОКАТУРА И ЛИТЕРАТУРА

Арутюнян Овагим Араратович

*Адвокат Адвокатской палаты
Ставропольского края, член
Ставропольской краевой коллегии
адвокатов (офис № 1 в городе
Георгиевске)*

АДВОКАТУРА ЕСТЬ СЕСТРА ЛИТЕРАТУРЫ

*«Учитесь и читайте. Читайте книги
серьезные. Жизнь сделает остальное»
Ф. М. Достоевский*

Возможно, кому-то покажется парадоксальным то обстоятельство, что данную работу автор начинает словами Достоевского — человека, который остался в истории как яркий критик адвокатуры, говоря о защитниках обвиняемого: «адвокат — нанятая совесть». Тем не менее никто не будет отрицать, что этот человек — выдающийся мыслитель своего времени и автор многих гениальных произведений русской литературы, а вторая часть заголовка моей статьи, как видно, свидетельствует, что в ней также будет затронута тема литературы.

Идея данной работы возникла у меня примерно с началом моей адвокатской деятельности. С этого момента я начинаю свое новое, взрослое путешествие в русскую литературу XIX в. Причиной же такого погру-

жения в литературу стала подготовка к интеллектуальной игре «Корифеи присяжной адвокатуры». В эти дни я заметил, насколько тесно переплетаются адвокатура и литература; еще более отчетлива эта связь в XIX в., в золотую эпоху российской адвокатуры и литературы с их выдающимися представителями, которые увековечили свои имена в истории государства Российского. Тот сложный и насыщенный век останется в памяти страны как «праздник ума и сердца». Вся читающая Россия была на пике культурного развития.

Все мы прекрасно помним выдающихся представителей присяжной адвокатуры, которые были не только адвокатами, но также писателями, поэтами, литературными критиками, публицистами, чьи имена вписаны в летопись Судебной реформы 1864 г., словно памятник на все времена, напоминающий пушкинский:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Нет и не может быть сомнений, что тот блистательный след в истории страны, который оставила присяжная адвокатура России, не мог произойти без гениальных русских поэтов, писателей и публицистов. Они черпали друг у друга знания, энтузиазм. Российская адвокатура и литература в XIX в. — это как два полушария одного мозга: такие разные и одновре-

менно такие неразделимые. Присяжные поверенные активно пробовали себя на литературном поприще, а литераторы в своих произведениях высказывались о судебной реформе, о правосудии и адвокатах.

Присяжный поверенный С. А. Андреевский считал, что русская адвокатура выросла из русской литературы: «Однако же едва ли в каком государстве найдется более... глубокий по изучению души преступника суд, чем наш суд присяжных. И это вполне совпадает с нашей литературой, которая, при прочей нашей отсталости во всех областях прогресса, чуть ли не превзошла европейскую не чем иным, как искренним и сильным чувством человеколюбия»¹.

Конечно, было бы несправедливо оставить без внимания французскую культуру и французских адвокатов того периода, сыгравших очень важную роль в развитии ораторского искусства у представителей вновь созданного в России института присяжных поверенных. Собственно говоря, название данной статьи — это цитата, взятая мной из выступления мэтра французской адвокатуры Ше д'Эст Анжа в 1860 г.: «Адвокатура есть сестра литературы»².

Любовь российского народа к Франции в XIX в. — это, можно сказать, вершина той любви, которая может быть у одной страны к другой, у одного народа к другому. Французская культура, литература, язык оставили неизгладимый след в жизни нашего общества того периода. Не осталась в стороне и адвокатура. Однако это скорее было желание самих присяжных поверенных перенять больше французского, чем офици-

¹ Крохмальюк А. В., Мальшева А. Ж. Корифеи присяжной адвокатуры. М., 2007. С. 230.

² Чалхушьян Г. Идеалы французской литературы. СПб., 1891.

альная позиция властей, с особой настороженностью вспоминая ту роль, которую сыграли французские адвокаты в революции во Франции в конце XVIII в. (По предположению И. В. Гессена, в неуклюжем наименовании «присяжный поверенный» в 1864 г. сказывался страх перед словом «адвокат» — не остыла еще в памяти Французская революция, направленная против самодержавной власти, не последнюю роль в которой сыграли французские адвокаты.)

Но все-таки мы вернемся к российской адвокатуре и литературе и постараемся очертить некоторые связи.

В самом начале данной работы я приводил слова Достоевского, который призывает всех читать и размышлять, развивать свой ум и мудрость.

Прекрасный совет для любого человека! Но мне кажется — нет, я даже уверен! — что для адвоката это важнейший совет для успешной деятельности. Быть начитанным. Иметь широкий кругозор. Думать и размышлять. Пишу об этом и вспоминаю слова великого французского адвоката Жюль Фавра: «Чтобы не быть ниже их понимания, разве адвокат не должен усвоить себе все знания? Чем шире будет его горизонт, тем смелее будет его взгляд, тем плодотворнее его мысли, тем могущественнее его действие на тех, которых он должен наставлять и убеждать»¹. Пройдет чуть более полувека после сказанных Ж. Фавром слов, и Дейл Карнеги напишет свою знаменитую книгу², где укажет, что для убедительного публичного выступления человеку необходимы глубокие познания предмета; он назовет это «секретом резервных сил».

¹ Там же.

² Карнеги Д. Как выработать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. 1926.

«Я еще застал бывших присяжных поверенных. Какие это были классически образованные люди, с какой внутренней культурой и широким кругозором, с прекрасно развитой речью, гуманные и добросовестные», — писал Ю. А. Каширин в своей книге «Заступники: постижение профессии»¹, вспоминая рассказ своего старшего коллеги по адвокатскому цеху.

Литературные таланты присяжных поверенных

«Мы родились не от них, мы даже произошли не из пепла их, мы совсем новые люди, ни исторического родства, ни последовательной связи с ними не имеем, чем и можем гордиться», — этими словами присяжный поверенный П. А. Потехин описывал появление нового адвокатского сословия в России. Приведенная цитата — это лучший показатель того, что произошло с институтом судебного представительства после Судебной реформы 1864 г., когда адвокатура сменила старинных ходатаев и крючкотворцев.

Несколько слов об этом новом для того времени институте.

Признавая необходимость изменений в России, в Государственном Совете в 1861 г. отмечали: «Одна из причин бедственного положения нашего судопроизводства заключается в том, что лица, имеющие хождение по делам, большей частью люди очень сомнительной нравственности, не имеющие никаких сведений — ни юридических, ни теоретических, ни практических»².

¹ Каширин Ю. А. Заступники: постижение профессии. Ставрополь, 2016.

² Стецовский Ю. И. Становление адвокатуры в России. М., 2010. С. 19.

Портреты дореформенных ходатаев увековечили классики русской литературы. В комедиях А. Н. Островского выведено несколько ходатаев старого типа, в их числе Сысой Псоич («Свои люди — сочтемся»). В этом ряду и «юрисконсульт» из второй части гоголевских «Мертвых душ», который «всех опутал решительно, прежде чем успел осмотреться... Произошла такая бестолковщина: донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых и солнце не видывало, и даже такие, которых и не было».

В середине XIX в. А. И. Герцен писал о русском народе: «Вопиющая несправедливость одной части законов вызвала в нем презрение к другой. Полное неравенство перед судом убило в нем в самом зародыше уважение к законности. Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно; точно так же поступает и правительство»¹.

В 1861 г. начальник второго отделения имперской канцелярии граф Н. Д. Будалов создал комиссию, результатом работы которой стали «Основные положения преобразования судебной части в России», учрежденные Александром II. Принципы «Основных положений...» легли в основу учреждения Судебных установлений, принятых в ходе Судебной реформы 20 ноября 1864 г., которыми впервые в России был создан институт присяжных поверенных.

После небольшого экскурса в историю адвокатуры вернемся к теме данной работы — к литературным талантам присяжных поверенных.

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 251.

Владимир Данилович Спасович (1829–1906)

В. Д. Спасович — выдающийся юрист, писатель, литературный критик, публицист, родился в 1829 г. в г. Речице Минской губернии.

По окончании в 1849 г. юридического факультета Санкт-Петербургского университета работал в Палате уголовного суда. В возрасте 22 лет защитил магистерскую диссертацию по кафедре международного права. С 1857 г. читал в Санкт-Петербургском университете лекции по уголовному праву. Затем недолго преподавал в Училище правоведения, в 1864 г. прекратил профессорскую деятельность. После получения статуса адвоката в 1866 г. целиком посвятил себя адвокатуре.

Помимо сугубо юридической деятельности В. Д. Спасович очень ярко проявил себя и как литератор и публицист.

«В моей жизни я против воли должен был несколько раз менять профессии; оставив любимые мною профессорские занятия, взялся за перо журнального критика...» — писал великий В. Д. Спасович.

Его публицистическая карьера началась с сотрудничества с газетами «Санкт-Петербургские ведомости» и журналом «Вестник Европы». С 1876 г. В. Д. Спасович издавал в Варшаве газету «Край». В 1895 г. проводил переговоры с лондонским Фондом вольной русской прессы по вопросу сотрудничества. В 2010 г. на польском языке была издана его книга под названием «Либерализм и народничество. Избранные труды».

Еще при жизни Владимир Данилович издал свое собрание сочинений (*Спасович В. Д. Сочинения*. СПб., 1889–1902. Т. 1–10).

Спасович посвятил ряд статей творчеству А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, В. С. Соловьева, У. Шекспира, Дж. Байрона, А. Мицкевича. Подготовил статью «Взгляд на русскую литературу, на ее главные органы и партии в конце 1858 года», которая печаталась в газете «Слово». Долгое время он возглавлял в Петербурге Шекспировский кружок, куда входили А. Ф. Кони, С. А. Андреевский, К. К. Арсеньев, А. И. Урусов.

В 1913 г. в Петербурге вышло второе издание сборника сочинений В. Д. Спасовича (т. 1–10). В 1981 г. была издана книга «Сочинения по литературоведению».

Литературные труды В. Д. Спасовича свидетельствуют о большом таланте и многогранности его интересов. Деятельность этого замечательного юриста оставила яркий след в истории дореволюционной русской адвокатуры.

Кроме того, некоторые книжные источники не исключают, что именно великий Спасович стал прототипом беспринципного адвоката Фетюковича из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского, созданным «по мотивам» громкого дела Кроненберга¹.

¹ *Дело Кроненберга* — судебный процесс, который проходил в 1876 г. в Петербурге и привлек повышенное внимание общественности. Ему предшествовала активная кампания против телесных наказаний детей взрослыми. Поднимался вопрос о пределах родительской власти над своими детьми. Этот отцовский вопрос и был затронут Ф. М. Достоевским в романе. Все мы помним известную фразу защитника Дмитрия, которую он произнес во время выступления в прениях в попытках добиться оправдания своего подзащитного: «Это беда. Да, действительно, иной отец похож на беду».

Константин Константинович Арсеньев (1839–1919)

К. К. Арсеньев — писатель, общественный и земский деятель, адвокат, родился 1837 г. в семье академика Константина Ивановича Арсеньева.

Одним из первых 17 апреля 1866 г. вступил во вновь созданное сословие присяжных поверенных, а в 1867 г. стал председателем Совета присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты.

Литературную деятельность К. К. Арсеньев начал историческими статьями, печатавшимися в «Русском вестнике» в 1858–1861 гг. Всецело он посвятил себя литературной деятельности с 1862 г., когда стал постоянным сотрудником «Отечественных записок», в которых издал ряд статей.

С 1880 г. — обозреватель «Вестника Европы», с 1909 г. — ответственный редактор журнала. С 1867 г. неоднократно избирался в члены комитета Литературного фонда, а в 1889–1891 гг. состоял его председателем. Со времени учреждения при Союзе писателей суда чести неизменно избирался в его состав.

С 1891 г. стал постоянным редактором знаменитого Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, а с 1910 г. — главным редактором этого издания.

В области литературной критики К. К. Арсеньеву принадлежат этюды о Салтыкове, Глебе Успенском, Крестовском, Некрасове, Аполлоне Майкове, Полонском, Фете, Надсоне, Гаршине и др. (часть из них вошла в книгу «Критические этюды по русской литературе» (1888)), а также о западных романистах: Фрейтаге, Шпильгагене, Ауэрбахе, Гюго, Флобере, Золя, Додэ, Гонкурах и др. В 1906 г. вышла отдельная книга «Салтыков-Щедрин».

Александр Львович Боровиковский (1844–1905)

А. Л. Боровиковский родился 14 ноября 1844 г. в семье известного украинского писателя и этнографа. После окончания юридического факультета Харьковского университета он был оставлен в университете при кафедре истории русского права, но в 1868 г. прервал свою научно-педагогическую подготовку и занялся адвокатурой. Александр Львович блестяще сочетал судебное поприще с литературой и был одним из самых известных поэтов своего времени. Дружил с М. Е. Салтыковым-Щедриным, Н. А. Некрасовым, другими видными литераторами.

Русский писатель Викентий Вересаев так отзывался о А. Л. Боровиковском: «А. Л. Боровиковский — в семидесятых годах лучший после Некрасова поэт “Отечественных записок”, очень несправедливо забытый. Молодежь того времени списывала его стихи и учила наизусть, а он даже не издал их отдельную книжкой, став впоследствии крупным деятелем по судебному ведомству и автором специальных трудов по гражданскому праву. Хороши были у него не только гражданские стихи, но и стихи другого рода... Помню, например, из одного стихотворения такое четверостишие:

Пусть говорят — ночная полутень
Введет в обман и призраки покажет.
Нет, только ночь тебе всю правду скажет,
А дню не верь: обманывает день!¹

¹ Крохмалюк А. В., Мальшева А. Ж. Корифеи присяжной адвокатуры. М., 2007. С. 48.

После политического процесса «пятидесяти»¹, где А. Л. Боровиковский выступал в качестве защитника молодых девушек, он написал стихотворение «К судьям», опубликованное затем в 1877 г. в журнале П. Л. Лаврова «Вперед»:

Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский
Суди, судья, но проще, но скорей:
Без мишуры, без маски фарисейской,
Без защитительных речей...
Крестьянскую дерюгу вместо платья
Одев и сняв «преступно» башмаки,
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд и бедняки.
Застигнута на месте преступленья,
С «поличным» я на суд приведена...
Зачем же тут «свидетели» и «пренья»?
Ведь я кругом уличена!

Но знай и то, что, как я ни преступна,
Ты надо мной бессилен, мой судья...
Нет, я суровой каре недоступна,
И победишь не ты, а я.
«Пожизненно» меня ты погребашь,
Но мой недуг уж написал протест...
И мне грозит — сам видишь ты и знаешь —
Лишь кратковременный арест...
А я умру все с тою же любовью...
И, уронив тюремные ключи,
С молитвою приникнут к изголовью
И зарыдают палачи!..

¹ Судебное дело революционеров-народников по обвинению в участии в «тайном сообществе, задавшемся целью ниспровержения существующего порядка», разбиравшееся в Петербурге в Особом Присутствии Правительствующего Сената с 21 февраля по 14 марта 1877 г.

Написал Александр Львович несколько строк и про прокуроров. После введения Судебных уставов многие деятели прокуратуры стали адвокатами, как и сам А. Л. Боровиковский:

Чинопочтение храня,
Мне так покорна тварь земная:
Жандармы слушают меня,
Усами радостно играя.

Но не только А. Л. Боровиковский писал о ком-то свои язвительные четверостишия, но и о нем писали. Когда произносят имя Александра Львовича, невольно вспоминаются строки Некрасовского стихотворения:

Получив гонорар неумеренный,
Воскликнул мой присяжный поверенный:
Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин.

Таких обидных слов А. Л. Боровиковский удостоился от великого русского поэта за слишком высокий по тем меркам гонорар в 5000 рублей за подготовку жалобы для миллионера Овсянникова.

Князь Александр Иванович Урусов (1843–1900)

А. И. Урусов — русский юрист, адвокат, судебный оратор, литературный и театральный критик, родился в 1843 г. в семье полковника Ивана Александровича Урусова. С 1857 г. учился в 1-й Московской гимназии. В 1866 г. получил степень кандидата прав. После введения Судебных уставов и появления института присяжных поверенных вступил в сословие адвокатов. В первых же судебных процессах проявились ораторские дарования А. И. Урусова.

«Вы слушаете его с наслаждением, — свидетельствовал известный адвокатский историк Л. Д. Ляховецкий, — ибо говорит он с апломбом, красиво, хорошим литературным языком, обладает прекрасной дикцией, богатыми интонациями, представительной фигурой, импонирующей внешностью. Вы слушаете и довольны его речью; довольны тем, что и как он сказал...»¹

Помимо адвокатской деятельности А. И. Урусов активно откликался на события в мире литературы. В качестве литературного критика выступал под псевдонимом Александр Иванов, публиковался в журналах «Слово», «Русская сцена». Наряду с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко был одним из руководителей Московского литературно-художественного кружка, который занимался устройством выставок, публичных чтений, спектаклей, сбором средств на поддержку молодых дарований.

В 1896 г. вместе с Малларме перевел и издал поэтический сборник «Цветы зла» Бодлера, сопроводив его литературно-критическим исследованием.

В декабре 1898 г. А. И. Урусов выступил с идеей создания словаря языка А. С. Пушкина к 100-летию великого поэта. Идею поддержали А. П. Чехов и К. Д. Бальмонт. Но болезнь помешала князю довести дело до конца.

Эпилог

Подводя итог моему небольшому повествованию, хотелось бы отметить, что я не ставил перед собой цели провести широкомасштабное и всеобъемлющее

¹ Крохмальюк А. В., Мальшева А. Ж. Корифеи присяжной адвокатуры. М., 2007. С. 281.

исследование литературных дарований всех представителей присяжной адвокатуры. Мне всего лишь хотелось обозначить несколько пересекающихся линий русской литературы и российской адвокатуры XIX в. Судебная реформа 1864 г. имела в целом для страны колоссальное значение и для обычного человека, и для юридического сообщества, и для литераторов, найдя свое отражение в работах русских писателей. Среди них, конечно же, особняком стоят работы Л. Н. Толстого «Воскресение» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Тот уровень владения словом, которого смогли достичь присяжные поверенные, был беспрецедентным. Это можно с легкостью понять, читая их труды. Такое интеллектуальное развитие, конечно же, придавало их речам и прениям убедительный тон и оказывало положительный эффект.

Нашим современникам стоит много поучиться у адвокатов того периода. Несмотря на то что прошел не один десяток лет, правосудие, как и вся жизнь, очень изменилось, однако грамотное и убедительное выступление адвоката в суде не утратило силы. Эффект начитанности во все времена был очень важным фактором. Этот же принцип в равной степени распространяется и на грамотное составление адвокатом юридических документов. Для адвоката письменная речь важна так же, как и устная!

Первоначальный вариант статьи опубликован на сайте «Российский адвокат» (<https://ros-advocat.ru/replica/advokatura-est-sestra-literatury/>), текст переработан автором

Бельский Виктор Александрович

Адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, Адвокатский кабинет ICL

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ И СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ЧЕРЕЗ ЛИЧНЫЙ ОПЫТ И КРИТИКУ ПИСАТЕЛЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО. ИЗЛЕЧЕНЫ ЛИ ВЫСМЕЯННЫЕ ПОРОКИ?

В год 160-летия российской адвокатуры творчество Ф. М. Достоевского представляет уникальный взгляд на становление правосудия в пореформенной России. Судебная реформа 1864 г., инициированная Александром II, революционно изменила правовую систему, введя институт присяжных поверенных¹. Достоевский, как писатель и социальный критик, отразил в своих произведениях не только достижения, но и проблемы новой системы. Особенно ярко это проявилось в романе «Братья Карамазовы», где судебный процесс стал центральным элементом повествования.

¹ Столяров Н. С. Либеральные реформы Александра II и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. Т. 5. №. 4. С. 433—443 // <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalnye-reformy-aleksandra-ii-i-sovremennost.pdf> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

Адвокат Фетюкович, защищающий Дмитрия Карамазова, предстает перед читателем как блестящий оратор, виртуозно владеющий искусством риторики. Однако за внешним блеском его речи Достоевский вскрывает глубинные проблемы новой судебной системы. «Он сначала как бы весь рассыпался, говорил без системы, схватывал факты наразбив, а под конец соединил все в одно целое», — так описывает автор манеру выступления Фетюковича, иронично подчеркивая театральность и некоторую искусственность адвокатского красноречия¹.

Достоевский критиковал театральность судебных процессов, где красноречие и манипуляции затмевали истинное правосудие. Писатель осуждал превращение суда в спектакль, отвлекающий от поиска справедливости. В «Дневнике писателя» Достоевский неоднократно критиковал адвокатов, обвиняя их в манипулировании общественным мнением и использовании сомнительных аргументов. Особенно остро Федор Михайлович переживал случаи, когда адвокаты, стремясь добиться оправдательного приговора, прибегали к сомнительным с моральной точки зрения приемам. В деле Кроненберга, которое Достоевский подробно разобрал в своей публицистике, он с негодованием отмечал, как защитник обвиняемого пытался оправдать жестокое обращение с ребенком, апеллируя к праву родителей на воспитание. Писатель акцентирует внимание на факте истязания ребенка, который для него является воплощением чистоты и невинности.

¹ *Бондарева А. А.* Речь Фетюковича в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» как пародия на судебное красноречие и судебный дискурс // Известия ВГПУ. 2022. № 7 (170) // <https://cyberleninka.ru/article/n/rech-fetyukovicha-v-romane-f-m-dostoevskogo-bratya-karamazovy-kak-parodiya-na-sudebnoe-krasnorechie-i-sudebnyu-diskurs> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

Это убеждение Достоевского проявляется во многих его произведениях, в том числе в «Братьях Карамазовых», где в главе «Бунт» Иван Карамазов высказывает мысль, что мировая гармония не стоит «слезинки ребенка». Достоевский критиковал адвокатов за их способность манипулировать фактами и использовать риторические приемы для достижения своих целей. Он считал, что адвокаты, как правило, обращались к юридическим тонкостям и формулировкам, игнорируя моральную сторону дела. В своих статьях Достоевский обвиняет адвоката В. Д. Спасовича в том, что тот превращает истязание ребенка в «телесное наказание», тем самым исключая сочувствие к жертве¹.

Спасович создает «романный» образ Кроненберга, в котором каждый элемент оправдывает его действия. Адвокат превращает бытовые оценочные суждения в юридические термины, что позволяет ему избежать эмоциональных оценок и сконцентрироваться на юридических деталях².

Однако было бы ошибкой считать, что Достоевский отрицал саму идею адвокатуры или не видел положительных сторон судебной реформы. Напротив, он признавал необходимость защиты прав обвиняемых и важность состязательного процесса. Критика писателя была направлена не на институт адвокатуры

¹ *Уччелло И.* Риторика судебная и идеологическая: Уголовный процесс в трактовке Достоевского // МИРС. 2019. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ritorika-sudebnaya-i-ideologicheskaya-ugolovnyu-protsess-v-traktovke-dostoevskogo> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

² *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980 // https://www.academia.edu/download/34467578/Vinogradov_V.V._O_yazyke_xudozhestvennoj_prozy_M._Nauka_1980ruTCK600dpi362s.pdf (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

как таковой, а на те искажения и злоупотребления, которые он наблюдал в современной ему практике.

Личный опыт Достоевского, связанный с судебными тяжбами вокруг «куманинского наследства», лишь укрепил его скептическое отношение. Писатель на собственном опыте столкнулся с волокитой, недобросовестностью поверенных и запутанностью правовых процедур. С самого начала процесса Достоевский испытывал недоверие к своему поверенному Борису Борисовичу Полякову. В письме к жене Анне Григорьевне от 20 мая 1873 г. писатель выразил свое беспокойство после того, как Поляков передал ему слова сестры Варвары Михайловны Карепиной: «Неужели брат Федя хочет меня лишить всего?» Этот эпизод взволновал Достоевского, который ответил адвокату, что для него интересы семьи выше материальных благ¹.

В дальнейшем, в письме к жене от 12 июня 1873 г., Достоевский описывает встречу с Поляковым и выражает недовольство его работой: «Он засмеялся с тупым высокомерием и отвечал вздор». Писатель считал, что Поляков недостаточно тщательно выполняет свои обязанности и плохо информирует его о ходе дела. Например, Поляков не уведомил Достоевского о судебном заседании по делу представителей семейств Шеров и Казанских, хотя сам наверняка знал об этом. При этом Поляков не был единственным адвокатом, вызывавшим недовольство писателя. Достоевский также сталкивался с проблемами в работе с другими поверенными, такими как Жеромский и Губин. Же-

¹ Юхнович Ю. В. Адвокаты в судебных делах Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2019. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/advokaty-v-sudebnyh-delah-dostoevskogo> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

ромский, поверенный Николая Михайловича Достоевского в деле о «куманинском наследстве», несмотря на положительные отзывы Карепиной, оказался недобросовестным. Достоевский называл его «подлячишка Жеромский» и предполагал, что он был подкуплен Е. В. Коршем, поверенным Шеров¹.

Судебный процесс по делу о «куманинском наследстве» затянулся на долгие годы, что оказывало негативное влияние на психическое и физическое состояние Достоевского. Поляков часто отсутствовал, что также способствовало затягиванию дела. Например, в одном из писем Поляков оправдывал свое отсутствие тем, что получил травму и не мог ходить. В письме к А. Г. Достоевской от 13 августа 1873 г. Достоевский вскользь упоминает о Полякове, «о котором ни слуху ни духу». Позже Поляков сообщил, что не смог найти покупателей на лесные дачи в рязанской части наследства, что еще больше затянуло процесс².

В финансовом плане процесс также оказался невыгодным для Достоевского. Например, продажа тульского имения зимой 1874 г. принесла значительно меньше денег, чем ожидалось. Из 468 рублей 29 копеек, полученных за проданную часть наследуемого имения, Поляков удержал значительную сумму на оплату своих расходов³.

¹ Там же.

² Достоевский Ф. М. Письма (1870) // <https://litmir.club/br/?b=121128&p=56>, свободный. — Загл. с экрана. (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

³ Юхнович Ю. В. Уловки адвокатов, или Что получили Достоевские от продажи Тульского имения // Неизвестный Достоевский. 2021. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ulovki-advokatov-ili-chto-poluchili-dostoevskie-ot-prodazhi-tulskogo-imeniya> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

В результате длительных судебных тяжб и недобросовестного поведения поверенных Достоевский так и не смог получить законную долю наследства. Процесс, связанный с «куманинским наследством», оказался крайне тяжелым испытанием для писателя и его семьи. Адвокаты, представлявшие его, часто действовали в своих интересах, что приводило к затягиванию процесса и финансовым потерям¹.

Этот личный опыт Достоевского нашел отражение в его литературном творчестве. В частности, в романе «Братья Карамазовы» речь адвоката Фетюковича становится своеобразной пародией на судебное красноречие и судебный дискурс в целом. Она наполнена элементами, характерными для судебного красноречия того времени: патетика, использование психологических доводов и гипотезы. Однако Достоевский доводит эти приемы до абсурда, превращая выступление адвоката в театральное представление. Он описывает, как Фетюкович сначала говорит «раскидчиво», без системы, а затем неожиданно «возвышается до патетического», что вызывает восторг у зала².

Образ Фетюковича, вероятно, имел реальных прототипов, таких как В. Д. Спасович, который известен своей манерой начинать речь неловко, чтобы

¹ Юхнович Ю. В. Адвокаты в судебных делах Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2019. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/advokaty-v-sudebnyh-delah-dostoevskogo> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

² Бондарева А. А. Речь Фетюковича в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» как пародия на судебное красноречие и судебный дискурс // Известия ВГПУ. 2022. № 7 (170) // <https://cyberleninka.ru/article/n/rech-fetyukovicha-v-romane-f-m-dostoevskogo-bratya-karamazovy-kak-parodiya-na-sudebnoe-krasnorechie-i-sudebnyu-diskurs> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

затем развернуть ее в дивную поэму, наполненную яркими красками и остроумием¹, и П. А. Александров, который, в свою очередь, отличался специфическими движениями и позой², что также было перенесено в образ Фетюковича.

Достоевский пародирует судебный дискурс, показывая его как инструмент манипулирования и искажения истины. Он описывает, как Фетюкович сначала отрицает факт преступления, а затем начинает рассуждать о нравственности и христианстве, что делает его речь противоречивой и нелепой. Публика, аплодирующая в зале суда, также становится объектом критики, поскольку поиск истины превращается в зрелище³.

Писатель не отвергал Судебную реформу 1864 г., признавая ее необходимость. Однако он критически осмыслил ее практическую реализацию. В своих трудах он выходил за рамки юридических аспектов, поднимая моральные и социальные вопросы. Достоевский полагал, что истинное правосудие должно опираться не только на закон, но и на нравственные принципы, укорененные в народном сознании.

Прошло полтора века с момента введения института присяжных поверенных в России, но многие проблемы, поднятые Достоевским, к сожалению, остаются

¹ Гроссман Л. П. Достоевский-реакционер. М.: Common place, 2015. 140 с. // https://imwerden.de/pdf/grossman_dostoevsky-reaktioner_2015.pdf (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

² Волгин И. Последний год Достоевского. Litres, 2017.

³ Бондарева А. А. Речь Фетюковича в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» как пародия на судебное красноречие и судебный дискурс // Известия ВГПУ. 2022. № 7 (170) // <https://cyberleninka.ru/article/n/rech-fetyukovicha-v-romane-f-m-dostoevskogo-bratya-karamazovy-kak-parodiya-na-sudebnoe-krasnorechie-i-sudebnyu-diskurs> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

актуальными и сегодня. Вопросы этики в адвокатской деятельности, баланс между профессиональным долгом и моральными принципами, соотношение буквы и духа закона—все эти темы по-прежнему вызывают горячие дискуссии в профессиональном сообществе.

Современная российская адвокатура, несомненно, прошла длинный путь. Принят Кодекс профессиональной этики адвоката, усовершенствовано законодательство, регулирующее адвокатскую деятельность. Однако проблемы, на которые указывал Достоевский, не исчезли полностью. Случаи недобросовестного поведения адвокатов, использования сомнительных методов защиты, превращения судебных процессов в медийные шоу—все это, к сожалению, встречается и в наши дни.

Тем не менее нельзя не отметить и положительные изменения. Современная адвокатура стремится к большей прозрачности и ответственности перед обществом. Развиваются программы pro bono, позволяющие оказывать бесплатную юридическую помощь нуждающимся. Адвокатское сообщество активно участвует в совершенствовании законодательства и судебной системы.

Возвращаясь к наследию Достоевского, важно помнить, что его критика была продиктована не желанием очернить институт адвокатуры, а стремлением к идеалу справедливого и гуманного правосудия. Писатель верил в возможность нравственного совершенствования общества и его институтов. И сегодня, спустя 160 лет после Судебной реформы, его пронизательные наблюдения и острая сатира служат нам напоминанием о высоком предназначении адвокатской профессии и о тех этических стандартах, которым она должна соответствовать.

В заключение хочется отметить, что критический взгляд Достоевского на адвокатуру и судебную си-

стему—это не приговор, а скорее призыв к постоянному самосовершенствованию и рефлексии. Высмеянные им пороки, возможно, и не излечены полностью, но осознание их существования и стремление к их преодолению—уже шаг на пути к более справедливому и гуманному правосудию. Как писал сам Федор Михайлович, «Суд—не только наказание, но и спасение человека погибшего»¹. И в этих словах—ключ к пониманию истинной миссии адвокатуры, которая остается неизменной вот уже 160 лет.

Литература и другие материалы

1. *Бондарева А. А.* Речь Фетюковича в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» как пародия на судебное красноречие и судебный дискурс // Известия ВГПУ. 2022. № 7 (170) // <https://cyberleninka.ru/article/n/rech-fetyukovicha-v-romane-f-m-dostoevskogo-bratya-karamazovy-kak-parodiya-na-sudebnoe-krasnorechie-i-sudebnyu-diskurs> (дата обращения: 23 июля 2024).

2. *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980 // https://www.academia.edu/download/34467578/Vinogradov_V.V._O_yazyke_xudozhestvennoj_prozy_M._Nauka_1980ruTCK600dpi_362s.pdf (дата обращения: 23 июля 2024).

3. *Волгин И.* Последний год Достоевского. Litres, 2017.

4. *Гроссман Л. П.* Достоевский-реакционер. М.: Common place, 2015. 140 с. // https://imwerden.de/pdf/grossman_dostoevsky-reaktsioner_2015.pdf (дата обращения: 23 июля 2024).

5. *Достоевский Ф. М.* Письма (1870) // <https://litmir.club/br/?b=121128&p=56>, свободный. Загл. с экрана. (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

¹ *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2015. С. 756.

6. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2015. С. 756.

7. *Изюмская С. С.* Вопросы судопроизводства в художественных текстах Ф. М. Достоевского (на материале произведений «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2018. № 2–1 (80) // <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-sudoproizvodstva-v-hudozhestvennyh-tekstah-f-m-dostoevskogo-na-materiale-proizvedeniy-prestuplenie-i-nakazanie-bratya> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

8. *Столяров Н. С.* Либеральные реформы Александра II и современность // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. Т. 5. № 4. С. 433–443 // <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalnye-reformy-aleksandra-ii-i-sovremennost.pdf> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

9. *Учелло И.* Риторика судебная и идеологическая: Уголовный процесс в трактовке Достоевского // *МИРС.* 2019. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ritorika-sudebnaya-i-ideologicheskaya-ugolovnyy-protsess-v-traktovke-dostoevskogo> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

10. *Юхнович Ю. В.* Адвокаты в судебных делах Достоевского // *Неизвестный Достоевский.* 2019. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/advokaty-v-sudebnyh-delah-dostoevskogo> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

11. *Юхнович Ю. В.* Уловки адвокатов, или Что получили Достоевские от продажи Тульского имения // *Неизвестный Достоевский.* 2021. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ulovki-advokatov-ili-chto-poluchili-dostoevskie-ot-prodazhi-tulskogo-imeniya> (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

Головко Виталий Сергеевич

Студент 4-го курса юридического факультета Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ГРАФ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ — ПИСАТЕЛЬ И ЗАЩИТНИК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Лев Николаевич Толстой — величайший русский прозаик, публицист, педагог, философ, писатель, драматург. Помимо прочего, в своей жизни Лев Николаевич был офицером-артиллеристом Русской императорской армии, участником Крымской войны 1853–1856 гг. и даже защитником в суде по уголовному делу.

Следует сделать отступление и прояснить, что Лев Николаевич не был по образованию юристом и уже тем более не имел статуса присяжного поверенного. Однако случай, произошедший в 1866 г., побудил Льва Николаевича к деятельности защитника, хоть данный случай и был однократным.

6 июня 1866 г. рядовой 2-й роты 1-го батальона 65-го пехотного Московского полка Василий Степанович Шабунин нанес удар по лицу своему ротному начальнику, капитану Яцевичу Болеславу Виктору Устиновичу. По меркам середины XIX в., небывалый позор. Удар был нанесен при следующих обстоятельствах: писарь, рядовой Шабунин, на тот момент слу-

живший одиннадцатый год, находился в состоянии алкогольного опьянения в помещении ротной канцелярии, где и был обнаружен капитаном Яцевичем, который, видя состояние рядового, приказал взять его под арест, направить в карцер и приготовить розги для применения к рядовому телесного наказания.

После отдания приказа капитан Яцевич покинул помещение ротной канцелярии и вышел в сени дома, где его догнал рядовой Шабунин и, сказав «За что меня в карцер, поляцкая морда? Вот я тебе дам!», нанес ему удар. Удар был, нанесен при свидетелях, а именно при фельдфебеле роты Бобылеве, рядовом Степане Мясине и хозяйках дома, где размещалась канцелярия роты, — Палагее Шептатовой и Анне Шептатовой. О происшествии было незамедлительно доложено командиру полка, который, в свою очередь, направил рапорт за номером 5935 о преступлении командующему Московским военным округом, генерал-адъютанту Гильденштуббе. 15 июня о происшествии было доложено военному министру, генерал-фельдмаршалу Дмитрию Алексеевичу Милютину.

Следует сказать, что нравы и само состояние русской армии претерпевали существенные изменения. В 1863 г. была проведена военная реформа, которая, в частности, заключалась в гуманизации наказаний для нижних чинов армии. Так в анналы истории ушло наказание шпицрутенами и шомполами, остались лишь розги. Однако гуманизация наказаний не была позитивно воспринята штаб-офицерами и генералитетом армии, которые оставались сторонниками наиболее жестоких телесных наказаний для нижних чинов, так как, по их мнению, дисциплину

можно было привить лишь грубой силой. События мая 1866 г., когда рядовые Иванов и Голомзин нанесли удары своим офицерам, побудили аудиторский департамент Военного министерства утвердить положение о том, что наказание для низших чинов, ударивших офицеров, должно быть более строгим.

22 июня 1866 г. для доклада императору Александру II был подготовлен доклад военного министра № 3589 «О важном нарушении воинской дисциплины рядовым Шабуниным». 23 июня 1866 г., после доклада императору, на титульном листе была написана резолюция военного министра следующего содержания: «Высочайше повелено судить по полевым военным законам». Данная резолюция означала только одно: в случае вынесения обвинительного приговора рядовой Шабунин должен быть казнен.

Лев Николаевич согласился стать защитником рядового Шабунина после предложения офицера, который был назначен членом суда и являлся знакомым Софьи Толстой.

16 июля 1866 г. состоялось судебное заседание. Рассмотрение дела велось в соответствии с Уставом полевого судопроизводства от 27 января 1812 г. Следует заметить, что Уставом было предусмотрено право на защитника, тогда как в гражданском и уголовном процессе право на защитника было введено в 1864 г., в ходе Судебной реформы.

В ходе следствия рядовому Шабунину была инкриминирована ст. 604 Воинского устава о наказаниях Свода военных постановлений 1839 г., т. е. умышленное и сознательное нанесение удара в лицо ротному командиру.

Дело было осложнено, прежде всего, видимой однозначностью, а именно: все необходимые факты и доказательства имеются, вопроса о виновности рядового и быть не может, законодательством однозначно установлено наказание за преступление.

Но граф Толстой, понимая всю тяжесть сложившегося положения, избрал стратегию апелляции к чувствам суда. Ссылаясь на ст. 109 и 116 Военского устава о наказаниях Свода военных постановлений 1839 г., он указывал, что суд должен смягчить наказание «по доказанности тупости и глупости преступника и неменяемости по доказанному умопомешательству». Также Лев Николаевич указывал, что рядовой «не подвержен постоянному безумию, очевидно при докторском освидетельствовании, но душевное состояние его находится в ненормальном положении: он душевнобольной, лишенный одной из главных способностей человека, способности соображать последствия своих поступков».

Таким образом, граф избрал стратегию по смягчению приговора либо полному освобождению от уголовной ответственности в связи с психическим заболеванием. Однако следует заметить, что Лев Николаевич утверждал не о полном поражении духа рядового душевной болезнью, а скорее ссылаясь на состояние аффекта. Под аффектом в наше время понимается особое эмоциональное состояние человека, представляющее собой чрезвычайно сильное кратковременное эмоциональное возбуждение, вспышку таких эмоций, как страх, гнев, ярость, отчаяние, бурно протекающее и характеризующееся внезапностью возникновения, кратковременностью протекания, значительным характером изменений сознания, на-

рушением волевого контроля над действиями. В уголовном праве Российской империи понятие «аффект» в принципе не существовало, обычно в обвинительных и защитительных речах употребляли выражения «кратковременное безумие» или «временное умопомешательство». Примером такого выражения из рассматриваемого дела является следующее утверждение графа: «Не подвержен постоянному безумию».

При этом следует заметить, что тема «идиотизма» и «тупоумия» является лейтмотивом речи Льва Николаевича. Помимо вышеуказанных ссылок на ст. 109 и 116 Военского устава о наказаниях Свода военных постановлений 1839 г., Лев Николаевич описывает образ жизни и поведение обвиняемого в армии в целом. В частности, он указывает, что «вскоре после своего производства в унтер-офицеры Шабунин вдруг без всякой причины теряет все выгоды своего положения на службе вследствие своего ничем не объяснимого поступка: он тайно уносит у своего товарища — не деньги, не какую-либо ценную вещь, даже не такую вещь, которая может быть скрыта, но казенный мундир и тесак и пропивает их. Не полагаю, чтобы эти поступки, о которых мы узнаем из послужного списка Шабунина, могли служить признаками нормального душевного состояния подсудимого».

Здесь можно заметить, что, делая ссылку на ранее совершенное обвиняемым преступление, Лев Николаевич указывает, что оно также совершенно «по глупости», ибо были украдены не какие-либо ценные личные вещи, а казенные, принадлежащее сослуживцу обвиняемого, которые после хищения были им реализованы для покупки алкоголя. Та-

ким образом, граф Толстой делает ссылку на то, что «идиотизм» и «глупость» обвиняемого напрямую связаны с употреблением чрезмерного количества алкоголя, ведь, как далее говорит Лев Николаевич в своей речи, «он делает привычку к пьянству со второго года своей службы и пьет так, что, выпивая по два штофа водки в день, не делается оживленнее и веселее обыкновенного, а остается таким же, каким вы его теперь видите, только с потребностью большей решительности и предприимчивости и еще с меньшей способностью сообразительности».

Довод графа о том, что причиной возможного психического расстройства обвиняемого является алкоголь, вполне обоснован, ведь один штоф равен примерно 1,23 литра, а за один день обвиняемый выпивал по два штофа, то есть 2,46 литра водки. С учетом того, что употребление 0,5 литра водки ежедневно равняется половине смертельной дозы, так как смерть наступает при концентрации алкоголя в крови 5,5–6 промилле, употребление в день двух с половиной литров водки решительно негативно влияет на общее состояние организма, что вполне объясняет совершение рядовым Шабуниним вышеперечисленных преступлений.

Также в речи граф указывает, что «подсудимый не имеет никаких вкусов и пристрастий, ничто не интересует его. Как только он имеет деньги и время, он пьет вино, и не в компании товарищей, а один, как мы видим это из самого обвинительного акта». Кроме того, Лев Николаевич делает попытку подтвердить отрицательное состояние обвиняемого тяжелыми условиями службы: «Целые дни в 30-градусные жары эта физически здоровая сангвиническая

натура сидит безвыходно в душной избе и пишет безостановочно целые дни какие-нибудь один-два рапорта и вновь переписывает их. Все интересы Шабунина сосредоточиваются на словах рапортов и на требованиях ротных командиров. Бесмысленно для него тянущиеся целые дни не дают ему иногда времени пообедать и выспаться, работа не тяготит его, но только приводит в большее и большее состояние отупения».

Граф указывает суду, что тяжелое душевное состояние рядового вызвано также тем, что выполнение однообразной работы, которую приходится переделывать по нескольку раз, лишает его нормального сна и питания, так как на удовлетворение этих потребностей остается чрезвычайно мало времени. Учитывая это, Лев Николаевич указывает, что самолюбие обвиняемого было затронуто, поскольку он думал, что ротный командир ничего не смыслит в написании рапортов; он, обычный писарь, понимает в этом больше, чем командир, а последний, не зная и не понимая всего дела, заставляет подчиненного переделывать эту работу, тем самым прибавляя ему нагрузки, из-за которой рядовой не может нормально поесть и поспать. Именно на почве оскорбленного самолюбия и недостатка времени на удовлетворение заурядных потребностей и произошло помешательство обвиняемого, о чем и говорит граф Толстой.

Далее Лев Николаевич приводит выдержку из показаний обвиняемого, что он ударил ротного командира по причине того, что он часто требовал переделывать бумаги, о чем в ходе предварительного следствия и сказал обвиняемый: «По здравому рассудку

я решил, потому что они делов не знают, а требуют, мне и обидно показалось». Данные показания граф подвергает сомнению, ведь других причин для совершения преступления ни следствие, ни суд не выявили, а далее указывает, что «такой поступок и вследствие таких причин мог совершить человек, только одержимый душевной болезнью, и таков обвиняемый».

Также граф Толстой указывает, что «прошедшее Шабунина, его вид и разговор доказывают в нем высшую степень тупоумия, еще усиленного постоянным употреблением вина; показание же его, как бы умышленно увеличивающее его вину, а главное, самое преступление, совершенное при свидетелях и в сопровождении бессмысленности, доказывает, что в последнее время к общему состоянию идиотизма присоединилось еще состояние душевного расстройства, которое, ежели не подлежит докторскому освидетельствованию как безумие, тем не менее не может не быть принято как обстоятельство, уменьшающее виновность».

В завершение речи граф указывает на коллизии норм, ведь ст. 109 Воинского устава о наказаниях Свода военных постановлений 1839 г. уменьшает наказание, а ст. 604 того же Устава полагает только одно наказание и суд стоит перед выбором: либо отступить от буквы ст. 109, либо от буквы ст. 604. По мнению Льва Николаевича, для разрешения данной дилеммы «суд может руководствоваться только духом всего нашего законодательства, заставляющим всегда весы правосудия склоняться на сторону милосердия, и смыслом ст. 81, которая говорит, что суд должен оказывать себя более милосердным, нежели жестоким, памятуя, что и судьи — человеки».

Речь Льва Николаевича, умело апеллировавшего к чувствам и к имеющейся коллизии, посеяла раскол в суде. Суд в составе трех офицеров должен был вынести приговор при голосовании. Два голоса были отданы за казнь и один голос, голос прапорщика Стасюлевича, недавно восстановленного в чине, — против казни рядового.

Приговор был приведен в исполнение, и рядовой Василий Степанович Шабунин расстрелян. Дело Шабунина оставило на душе графа Толстого отпечаток меланхолии, в связи с чем он не воспользовался средствами, хоть, и скромными на обжалование приговора.

Таким образом, роль Льва Николаевича Толстого как защитника в уголовном деле есть одна из вех истории и развития русской адвокатуры. Данное дело являет нам образ российской адвокатуры второй половины 60-х гг. XIX в. Речь графа Толстого по своему общему содержанию, как и речь большинства адвокатов Российской империи, представляет собой прообраз современной модели речи адвокатов, с применением такого средства, как апелляция к чувствам. Единственным отличием речей адвокатов Империи от речей современных адвокатов является развернутое изложение биографии обвиняемого и причин, побудивших его совершить преступление, а также большее количество отсылок к чувствам суда.

АДВОКАТУРА И КИНЕМАТОГРАФ

Бушманов Игорь Борисович

Почетный адвокат Адвокатской палаты Московской области, управляющий партнер Адвокатского бюро «АВЕКС ЮСТ» (г. Москва), член Общественного Совета при Министерстве культуры Российской Федерации

ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА АДВОКАТА В РОССИЙСКОМ И СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ. О ВАЖНОСТИ СЪЕМОК НОВЫХ ФИЛЬМОВ С АДВОКАТСКОЙ ТЕМАТИКОЙ

20 ноября 2024 г. исполняется 160 лет Судебной реформе в России, итогом которой стало создание присяжной адвокатуры. 31 мая 2022 г. адвокатура отметила 100-летие советской адвокатуры и 20 лет действия Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

С даты принятия Закона — 31 мая 2002 г. — в России нами отмечается День адвоката, который пока на государственном уровне не признан официальным, что, надеюсь, скоро будет исправлено.

В период присяжной адвокатуры (1866–1917 гг.) престиж адвокатской профессии и адвокатуры среди широкой общественности был на высочайшем пьедестале. Имена блистательных адвокатов того периода

и оправдательные приговоры с их участием гремели на всю Российскую империю, повышая значимость адвоката как реального защитника прав и свобод.

За годы функционирования советской и «дозаконной» российской адвокатуры статусность и престиж адвокатской профессии менялись под влиянием многочисленных общественно-политических событий, но прежнего пика расцвета и авторитетности так и не достигли.

Все это не могло не отразиться на восприятии обществом и деятелями искусства образа адвоката и миссии нашей профессии в любимом всеми слоями населения искусстве — кинематографе.

Бывший помощник присяжного поверенного и не состоявшийся адвокат В. И. Ульянов (Ленин) в беседе с А. В. Луначарским сказал: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино¹» (в некоторых источниках встречается добавление «...и цирк». — *Прим. авт.*).

В отечественном киноискусстве образ адвоката достаточно давно и прочно обосновался в различных ипостасях, пережил множество эпох и трансформаций, но «эталонно-положительным» (как во многих зарубежных кинолентах. — *Прим. авт.*), к сожалению, пока не стал.

В 2018 г. в рамках VII Петербургского международного юридического форума прошла дискуссия на тему «Художественный образ адвоката как двигатель развития профессии: почему адвокат так и не стал героем нашего времени».

Увы, после обсуждения процесс «героизации» нашей профессии, к сожалению, не получил должного полноценного и масштабного развития.

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 1970. Т. 44. С. 579.

Вместе с тем важность формирования положительного образа адвоката особо отмечалась на Международном юридическом форуме в июне 2024 г. и на недавнем совещании руководителей адвокатских палат в Федеральной палате адвокатов Российской Федерации (6 августа 2024 г.).

Художественное и документальное «адвокатское» кино здесь весьма кстати и крайне эффективно для восприятия всеми слоями общества.

На мой взгляд, именно в советский период, несмотря на малочисленность адвокатской корпорации и не очень хорошее (и это мягко сказано.— *Прим. авт.*) отношение к ее представителям со стороны государства и граждан, профессия адвоката (прежде всего как защитника в уголовном процессе) была раскрыта достаточно неплохо, пусть и в немногочисленных, но очень хороших и по сей день любимых фильмах.

Многие молодые коллеги даже не догадываются, что во времена СССР возможности участия защитника на стадии предварительного следствия были весьма ограниченными, а баланс состязательности склонялся явно не в сторону адвоката, что отразилось и на их кинематографических образах.

В ту эпоху основным персонажем детективно-криминальной тематики являлся сотрудник правоохранительных органов, который в большинстве кинолент представал в образе положительного героя. Очевидно, поэтому в любимых многими поколениями фильмах о работе сотрудников милиции и прокуратуры («Берегись автомобиля», «Петровка, 38», «Рожденная Революцией», «Визит к минотавру» и др.) эпизодов, связанных с деятельностью адвоката, нет.

Кадр из фильма «Мимино»

Пожалуй, редким и великолепным исключением можно назвать фильм Г. Данелии «Мимино» (1977 г.), где красочно изображена роль молодого, грамотного и равнодушного адвоката-женщины, ярко и результативно защитившей в суде главного героя фильма — летчика Валико Мизандари в исполнении Вахтанга Кикабидзе.

Кадр из фильма «Адвокат»

На мой взгляд, лучшим художественным фильмом об адвокате того периода является трехсерийный художественный фильм режиссера И. Хамриева «Адвокат» («Убийство на монастырских прудах») (1990 г.). Этот фильм в целом посвящен перипетиям профессиональной деятельности защитника в уголовном процессе. Роль адвоката мастерски исполнил актер Андрей Ташков. Его герой, честный человек и квалифицированный защитник, проводя адвокатское расследование, в условиях риска для собственной жизни помогает невиновному молодому человеку избежать несправедливого осуждения. Воплощенный в этом фильме образ адвоката, безусловно, можно отнести к воспевающим и повышающим престиж нашей ответственной и непростой профессии.

Кадр из фильма «Защитник Седов»

Также к кинокартинам высокохудожественного уровня можно отнести фильм «Защитник Седов» (1988 г.), удостоенный многих наград отечественных

и зарубежных кинофестивалей. В 2019 г. исполнитель главной роли, народный артист России Владимир Ильин, и режиссер Евгений Цымбал стали лауреатами Национальной премии в области адвокатской деятельности и адвокатуры.

Это среднеметражный, но тем не менее емкий и глубокий по содержанию фильм. В нем показан подвиг мужественного московского адвоката 1930-х гг., который вступил в почти безнадежное дело защиты агрономов, приговоренных за вредительство к расстрелу. При этом местные коллеги отказались представлять осужденных. Защитник Седов осознает, что, взявшись за защиту, рискует быть подвергнутым репрессиям, но решает предпринять попытку спасти несправедливо осужденных. В результате ему удается практически невозможное — успешно защитить доверителей, добившись прекращения их уголовного преследования.

Однако финал фильма — в духе того времени — обескураживает главного героя и зрителей.

Примечательно, что в основу сценария был положен реальный случай из практики выдающегося советского адвоката-криминалиста Владимира Россельса, члена Московской коллегии адвокатов. Смелый коллега в 1937–1939 гг. защищал оклеветанных и уже приговоренных к расстрелу советских людей — как и в деле, эпизод с которым лег в основу кинокартины.

Как и в фильме, подав жалобу в порядке надзора, В. Россельс сумел пробиться на прием к прокурору СССР Андрею Вышинскому (тогда высшие должностные лица страны вели личные приемы. — *Прим. авт.*). Вышинский (кстати, в прошлом — помощник

присяжного поверенного) был знаком с адвокатом, внимательно выслушал его и сделал вид, что удивился тому, как осуществлялось правосудие по делу. Поблагодарив Россельса за бдительность, прокурор СССР вскоре принес протест на приговор. В результате уголовное дело в отношении трех агрономов и зоотехника было прекращено за отсутствием состава преступления (но «взамен» репрессированы другие).

Этот — несомненно, знаковый — «адвокатский» фильм остается актуальным и в наши дни. Современным защитникам зачастую приходится проявлять мужество и упорство, в том числе в условиях, сопряженных с риском для жизни, здоровья и свободы, отстаивая права и законные интересы доверителей и подзащитных.

Отмечу также фильм режиссера Вадима Абдрашитова «Слово для защиты» (1976 г.), где главной героиней выступает молодая женщина-адвокат, защищающая сверстницу, обвиняемую в покушении на убийство.

Кадр из фильма «Воры в законе»

На мой взгляд, один из ярчайших образов адвоката воплотил легендарный актер советского театра и кино Зиновий Гердт в эпизоде фильма «Воры в законе» (1988 г.). Хотя актер изобразил гротесковый образ защитника, от которого по сценарию ничего не зависит, показанный им эффект от лаконичности, смелости и тактической выверенности выступления адвоката в судебных прениях (в духе присяжного поверенного Федора Плевако и мэтров советской и современной адвокатуры Семена Ария и Михаила Гофштейна) явно способствовал повышению имиджа адвоката как квалифицированного защитника.

К сожалению, современный отечественный кинематограф не может похвастаться знакомыми киноработами на адвокатскую тематику. За небольшим исключением (сериалы «Линия защиты» (2002 г.), «Адвокат» (2004 г.), «Заступники» (2018 г.)) образ адвоката в них представлен эпизодически, зачастую в отрицательном ключе, изобилует явными «киноляпами», что не способствует росту уважения и доверия граждан к адвокату и институту российской адвокатуры в целом.

Даже просмотренный трейлер нового художественного сериала «Плевако» (2024 г.) свидетельствует, что, к сожалению, на мой адвокатский взгляд, воплощенный в нем образ «московского златоуста», уникального российского присяжного поверенного Федора Никифоровича Плевако не соответствует в достаточной степени своему прототипу.

В связи с этим в целях повышения престижа адвокатской профессии и степени доверия граждан к адвокату и адвокатской корпорации в целом пред-

ставляется важным объединить усилия и, найдя необходимые поддержку и финансирование, например, со стороны Правительства Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства культуры Российской Федерации, Фонда кино, на основе яркого и качественного сценария снять полнометражный художественный фильм (сериал) о работе адвоката.

С этой целью мы с писателем Игорем Васильевичем Гранкиным, автором серии сборников «Адвокатские истории», подготовили предварительный сценарий полнометражного художественного фильма с рабочим названием «Метроном защиты».

По сценарию художественного фильма основные события разворачиваются в сложнейший период блокады Ленинграда (1941–1944 гг.) Молодой ленинградский адвокат, участник легендарной обороны «Невского пятачка», демобилизовавшись после тяжелого ранения, в тяжелейших условиях блокадного города успешно осуществляет защиту граждан, привлеченных к уголовной ответственности.

В его нелегкой миссии ценную практическую помощь оказывает старший коллега и наставник, в прошлом присяжный поверенный Российской империи.

Действие событий фильма завершается в 2000-е гг., когда уже пожилой главный герой оказывает содействие правнуку, недавно получившему статус адвоката, в защите спортсменов, членов олимпийской сборной России по хоккею.

Главная линия предстоящего художественного фильма — преемственность в адвокатуре (присяжной, советской и российской) и важность продолжения следования ее нравственным и этическим нормам.

Для максимальной достоверности отражения исторических событий в работе над сценарием использованы документы о периоде блокадной адвокатуры, недавно обнаруженные в Центральном государственном историческом архиве и любезно предоставленные почетным членом Совета АП Санкт-Петербурга Андреем Савичем.

Уже начата серьезная подготовительная сценарная и съемочная работа над этим проектом, а также одновременно — над документальным фильмом о периоде адвокатуры блокадного Ленинграда (чтобы успеть его завершить и выпустить в эфир к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. — *Прим. авт.*). К участию в проекте привлечены ведущие профессионалы киноиндустрии и известные актеры.

Создан сайт МетрономЗащиты.рф, где наглядно представлена информация о проекте и его значимости. Посильная помощь в этой благородной миссии от коллег и всех неравнодушных будущих зрителей, безусловно, приветствуется и позволит максимально быстро и качественно воплотить задуманное.

Следующий сценарий остросюжетного сериала, который в настоящее время нами прорабатывается, посвящен перипетиям судебной работы, в нем особо прописана и «адвокатская линия» с положительными образами.

Прототипом главной героини сериала является легендарная судья Московского городского суда Зинаида Александровна Опарина, которая рассматривала особо резонансные дела в период 1960—

1980-х гг. и являлась непререкаемым авторитетом для всех участников уголовного судопроизводства того периода.

Немаловажным, полагаю, будет и воплощение образа адвоката как героя — ветерана Великой Отечественной войны и специальной военной операции. Достойные прототипы для воплощения в наших крепких рядах имеются.

Один только Даян Борисович Мурзин, в советские годы более 20 лет руководивший адвокатурой Башкирии, чего стоит! Легендарный герой Великой Отечественной войны, диверсант, руководитель партизанского отряда и интернациональной боевой бригады, наводивших ужас на неприятеля, которые его в двадцать с небольшим лет в знак уважения прозвали «черный генерал». Д. Б. Мурзин — кавалер 86 советских и иностранных наград, Герой Чехословакии и почетный гражданин многих городов, Заслуженный юрист РСФСР. В его память в Уфе открыт памятник и назван сквер, а Адвокатской палатой Республики Башкортостан выпущена и вручается памятная медаль.

Надеюсь, что нужные и важные не только для отечественной адвокатуры художественные фильмы совместными усилиями будут сняты, станут успешными в отечественном прокате (возможно, и в зарубежном. — *Прим. авт.*), а воплощенные в них образы адвокатов позволят зрителям проникнуться особым уважением к адвокатской миссии и станут для коллег еще одним неформальным поводом гордиться принадлежностью к российской адвокатской корпорации и к ее славной, уже четырехэпохальной, истории.